

ОЧЕРКИ ОБ ОПРИЧНИНЕ

ОБЗОР МНЕНИЙ ИСТОРИКОВ ОБ ОПРИЧНОМ ДВОРЕ ЦАРЯ ИВАНА *

В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы большие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное. Последним словом дореволюционной исторической науки считалась сложная и замысловатая концепция С. Ф. Платонова. Однако уже в свое время она вызывала некоторые весьма существенные возражения и не пользовалась общим признанием. Не менее авторитетный историк, чем Платонов, В. О. Ключевский дал совершенно иную характеристику и оценку личности царя Ивана и его деятельности. К сожалению, весьма ценные высказывания В. О. Ключевского были выражены в форме афоризмов, очень сжато, не были мотивированы, и богатое содержание их не раскрыто. Вероятно, поэтому они не имели того успеха, которого, несомненно, заслуживают.

Ни Платонов, ни Ключевский не занимались специально исследованием царствования Ивана IV и, в частности, его опричнины. На основе известных в их время источников они сделали попытку в целях университетского преподавания обобщить известный им материал и дать слушателям и читателям целостное представление о предмете. Если их опыты не всех удовлетворяют и не устраняют всех сомнений и разногласий, то этот факт является лишним подтверждением старой истины, что никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов. Всем, кто задумывался над неразберихой разноречивых мнений по указанным вопросам, становилось ясным, что дальнейшее движение исторической науки вперед возможно только путем монографического исследования старых источников и при помощи большого количества существующих, но еще не привлеченных к исследованию новых.

Краткий обзор литературы предмета должен помочь нам выяснить причины ошибок и разногласий историков, поставить главные вопросы, подлежащие исследованию, и наметить самые пути исследования.

[Н. М. Карамзин]

Обзор следует начать, конечно, с Н. М. Карамзина. Обстоятельно и близко к источникам, главным образом к летописям, рассказывает Карамзин о переломе в образе жизни, поведении и политике царя Ивана, который произошел после удаления им Сильвестра и Алексея Адашева и смерти царицы Анастасии. Далее Карамзин, излагая события царствования Ивана в хронологическом порядке, отмечает шесть «эпох», как он выражается, опал и казней. Первую эпоху Карамзин относит ко времени до существования опричнины, четыре эпохи — к семи с половиной годам опричнины и шестую эпоху — ко времени после отмены опричнины, приблизительно до 1577 г. Всю вторую половину царствования Ивана IV, начиная с 1560 г., когда в жизни Ивана произошел указанный перелом, Карамзин рассматривает как один период, период необузданного и пагубного для государства самовластия царя Ивана.

Карамзин отметил, что опричнина просуществовала всего семь с половиной лет — с начала 1565 г. по 1572 г., и учреждение Опричного двора, по мнению Карамзина, было вызвано преувеличенным и необоснованным страхом царя Ивана за свою безопасность. Когда Иван после «беспримерных ужасов тиранства» убедился в безусловной покорности подданных и в личной безопасности, он уничтожил «безумное раздвоение» царства на земщину и опричнину и если не прекратил опал и казней, то, «по крайней мере, исчезло сие (т. е. опричнина. — [С. В.] страшное имя»¹.

Домысел Карамзина относительно мотивов отставки опричнины несколько наивен, его понимание опричнины страдает, конечно, упрощенчеством, но тем не менее оно имеет большие положительные стороны: во-первых, оно очень близко к источникам и к мнениям об опричнине современников, а во-вторых, оно, обходя и не решая многих вопросов, оставляет чистым, не засоренным пустыми домыслами поле для будущих исследователей. Положительной стороной концепции Карамзина следует признать также ее ясность. Она сводится к следующим положениям:

1. Семь с половиной лет существования опричнины не представляют особого периода в политике царя Ивана, т. е. опричнина не преследовала никаких особых целей, кроме технической цели обеспечения личной безопасности царя. По мнению Карамзина, страхи царя Ивана за свою безопасность были преувеличенными

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX, СПб., 1892, стр. 131.

и неосновательными, т. е. неразумными, но, по-видимому, правильнее будет предоставить суждение по этому вопросу самому Ивану.

2. Опричнина создавала временное «безумное раздвоение» государства.

3. Не имея сведений по вопросу, в чем состояла причина отставки опричнины, Карамзин ограничился предположением, что царь Иван упразднил опричнину потому, что убедился в ненужности ее дальнейшего существования. Таким образом, вопрос оказывается у Карамзина, в сущности, обойденным. И за это, в конце концов, следует быть благодарным Карамзину, так как для науки лучше, если вопрос оставляется открытым, чем если высказываются не основанные на источниках концепции.

Мне представляется весьма существенным отметить близкую зависимость взглядов Карамзина, и в частности его мнения об опричнине, от первоисточников, в особенности от писаний кн. Курбского. Высказывания современников царя Ивана и ближайших за ними поколений показывают, что авторы из разных слоев общества, отечественные и иностранные, на разные лады определяют опричнину как пагубное для государства разделение, причем некоторые (как, например, автор одной из статей Хронографа 1617 г.) ставят, так сказать, точку над «i» и говорят, что царь, разделив своих людей на два лагеря, «поустил», т. е. натравил, одних людей на других, но никто, ни летописцы и повествователи, ни Курбский, ни иностранцы, не приписывали учреждению опричнины каких-либо особых государственных целей.

Никто, кажется, из историков, писавших об опричнине, не обратил внимания на тот знаменательный факт, что кн. Курбский в своих «эпистолиях» к царю и в «Истории о великом князе Московском» нигде ни слова не говорит ни об учреждении опричнины в 1565 г., ни об ее отмене в 1572 г. Хорошо известно, что он не упускал ни одного случая, ни одного факта, чтобы поразить, обличить и заклеить своего царственного противника. Объяснить это забывчивостью Курбского или соображением, что он, живя в эмиграции, не знал об этих фактах, совершенно невозможно. В своей «Истории» Курбский сообщает множество фактов, происшедших после его побега, и это не оставляет никакого сомнения в том, что он имел хорошую агентуру и живо интересовался всем, что происходило в покинутой им родине.

В рассказе о столкновении царя с митрополитом Филиппом Курбский влагает в уста последнего следующие слова: «Аще обещаешься покаяться в своих гресех и отогнати от себя оный полк сатанинский, собранный тобою на пагубу христианскую, сиречь кромешников, або опришников нарицаемых, аз благословлю тя и ирощу»².

² РИБ, т. XXXI, стр. 316.

Когда Курбскому приходилось говорить об опричниках, он называл их то «катами», т. е. палачами, то «кромешниками». Эти выражения («кромешник», «кат» или «опришнинец») свидетельствуют с несомненностью, что Курбский хорошо знал о существовании Опричного двора.

Неизвестно, кто первый, говоря об опричниках, назвал их «кромешниками», но эта остроумная игра словами и понятиями прочно заняла место в русском языке и дожила до наших дней. Слова «опричь» и «кромешник» синонимичны. По тогдашним представлениям о потустороннем мире, «царство божие» было царством вечного света, за пределами, опричь, кроме которого находилось царство вечного мрака, «царство сатаны». Выражение «кромешная тьма», в которой зги не видно, употребляется и в наше время людьми, которым неизвестно его происхождение и чужды понятия о кромешной тьме «царства сатаны». Выражения «кромешный» и «кромешник», образованные по аналогии со словами «опричь», «опричный» и «опричник», были не только игрой словами, но одновременно клеймили опричников как псады ада, как слуг сатаны. И Курбский во многих местах своих писаний называет приверженцев и слуг царя Ивана, и в частности опричников, «полком сатанинским», из чего вытекало или подразумевалось, что царь Иван уподоблялся сатане.

Молчание Курбского об Опричном дворе можно объяснить только тем, что, с его точки зрения, опричнина не внесла ничего принципиально нового в политику царя Ивана, что существенным и важным, по его представлениям, было не количество жертв, которое в период опричнины, несомненно, увеличилось, а вообще образ действий царя и отношение к своим слугам — бессудность и потому несправедливость его оценок и крайняя жестокость наказаний, неблагодарность к заслугам лиц, подвергавшихся оцалам, неуважение к преклонному возрасту жертв, истребление людей «всеородне», т. е. с женами, малолетними детьми и ни в чем не повинными родичами. Это «гонение великое воскурилось», как выражался Курбский, вскоре после удадения Сильвестра и Алексея Адашева, в 1560 г., и тогда же царь Иван начал привлекать к себе приверженцев, приводить их к присяге, образовывать как бы «великий полк сатанинский». С другой стороны, через шесть лет после отмены опричнины Курбский в последнем письме призывал Ивана очнуться, воспрянуть и не губить себя и дома своего. Курбский напоминал Ивану то время, когда он «блаженне царствовал», управляя государством в согласии с добрыми советниками, противопологал это время позднему, когда «вместо избранных и преподобных мужей, правду ти глаголющих, не стыдяся», царь окружил себя «подобедями и туенядцами», «вместо крепких стратигов и стратилатов» привлек «прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарищи; и вместо храброго воинства, кромешников

или опришников кровавых, тьмы тьмами горших нежели палачей»³.

К этому противоположению счастливого начала царствования Ивана тому времени, когда Иван в 1560 г. отогнал от себя добрых советников, воздвиг гонение на всех верных слуг и вступил на путь порока, Курбский возвращается не раз. Эта антитеза, в несколько иной трактовке, легла в основу карамзинской характеристики Ивана и его царствования. У Курбского Карамзин заимствовал указания на порочные наклонности Ивана еще в отрочестве: он мучил животных, топтал, вместе со сверстниками, конями встречных на улицах и т. п. У него же Карамзин почерпнул сведения о том впечатлении, которое произвели на юношу Ивана пожар Москвы 1547 г., мятеж черни, направленный боярами против партии Глинских, когда был убит брат Елены Глинской кн. Михаил Васильевич и царь трепетал за свою безопасность, появление на сцене Сильвестра и т. д.

Карамзин использовал все эти высказывания Курбского для правоучительного рассказа на тему о пагубности для правителя государства путей порока в частной жизни и попрания всех принципов элементарной морали в государственной деятельности.

Большой заслугой Н. М. Карамзина следует признать то, что он, рассказывая про царствование Ивана IV, про его опалы и казни, про опришнину в частности, не фантазировал и не претендовал на широкие обобщения социологического характера. Как летописец, он спокойно и точно сообщил огромное количество фактов, впервые извлеченных им из архивных и библиотечных первоисточников. Если в оценке царя Ивана и его политики Карамзин морализирует и берет на себя роль судьи, то его изложение настолько ясно и добросовестно, что мы легко можем выделить из рассказа сообщаемые им ценные сведения и отвергнуть тацитовский подход автора к историческим событиям. Нет надобности говорить и спорить о том, что Карамзин как историк устарел во многих отношениях, но по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях и домыслах он до сих пор остается образцом, не досягаемым для многих последующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и с постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщения, не основанные на фактах.

Вместо того, чтобы, отправляясь от богатого наследства, оставленного Карамзиным, идти вперед, увеличивать запас прочно установленных фактов, совершенствовать методы исследования, расширять свой исторический кругозор и переходить постепенно к более широким обобщениям, в послекарамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектными

широкими обобщениями, педооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий.

В результате такого направления исторической науки интересная эпоха царствования Ивана IV представляется читателю менее ясной, чем это было при Карамзине. Историческое поле, если можно так выразиться, оказалось загроможденным противоречивыми оценками и концепциями, приводящими читателя в недоумение. Эти прихотливые узоры «нетовыми цветами по пустому полю» исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приступить к постройке нового здания.

С большой неохотой приходится взять на себя этот труд при ясном сознании, что результатом его будет нередко только отрицание и опровержение чужих ошибок, а не поступательное движение вперед.

К. Д. Кавелин

«Дней Александровых прекрасное начало» породило поучительную для государственных деятелей концепцию личности и государственной деятельности царя Ивана, данную Карамзиным. Суровая реакция царствования императора Николая I вызвала ряд попыток писателей разного калибра и различной степени осведомленности реабилитировать царя Ивана в противовес отрицательной характеристике Карамзина. При всем разнообразии этих попыток в основе их лежали две основные идеи: возвеличение Ивана как государственного деятеля и оправдание его пороков с точки зрения государственной пользы. При этом все положительное, что было сделано во время царствования Ивана, приписывали лично Ивану, а все отрицательные явления и события взваливали на шею «боярства», оправдывая тем самым опалы и казни грозного царя, хотя и жестокие, а иногда и несправедливые, но в конечном счете полезные. И делали это, не считаясь с хронологией и последовательностью событий; например, приписывали самому Ивану важные и разносторонние реформы 1547—1556 гг., когда Иван по молодости и неопытности не был способен стать самостоятельным государственным деятелем, а затем находился под влиянием своих советников, которые, как он выражался в послании к Курбскому, «сняли» с него всякую власть и оставили ему только честь председателя в Боярской думе.

Незнание фактов, неопытное пользование известными фактами и крайняя небрежность умозаключений и вообще приемов изложения своих мыслей доходят до того, что относят ко времени царя Ивана или приписывают лично ему то, что было давно

5613-10-63

совершенно его дедом или отцом. Так было более ста лет тому назад, и то же продолжается до наших дней. Это дало повод вдумчивому историку А. Е. Преснякову сказать, что характер и сущность реформ середины XVI в. совершенно не вяжутся с укоренившимся в историографии мнением о боярском и княжеском засильи в годы малолетства Ивана. «Как это на первый взгляд ни странно, — заключает Пресняков свой отзыв о книге С. Ф. Платонова об Иване Грозном, — но 16-й век в русской истории можно назвать одним из наименее изученных ее периодов. С. Ф. Платонов, конечно, справедливо отмечает, что наша историография сделала весьма существенные успехи в изучении эпохи Грозного, но цельное представление о ней отсутствует. Одна из причин этого в неразработанности истории первой половины 16-го века и конца 15-го — времен Ивана и Василия 3-х, деятельности которых Грозный был продолжателем и завершителем»⁴.

В личности и действиях царя Ивана так много отрицательного и темного, что для апологии их нужна была большая смелость и изворотливость. При незнании или умышленном игнорировании фактов апология превращалась в безответственную, ни для кого не обязательную болтовню и плодила много научную фантастику. Отсюда — целая литература так называемых «психологических» этюдов и портретов, которые вызывали у читателей недоумение своим несходством и в конце концов всем надоели.

А. С. Грибоедов в своей бессмертной комедии осмеял существовавшую в его время претенциозную моду сочинять на разные темы «философские» этюды вроде репетиловского «Взгляда и печто». Дань этой моде отдал известный историк права и публицист К. Д. Кавелин. В 1846 г. он выступил в печати с талантливым этюдом под заглавием «Взгляд на юридический быт древней России»⁵.

На фоне широчайших обобщений и бездоказательных общих фраз Кавелин, не считаясь с Карамзиным и М. П. Погодиным, которые очень невысоко оценивали личность и государственную деятельность Ивана, парадоксально сравнивает царя Ивана с Петром I. Оба они были, по мнению Кавелина, «благороднейшими и достойнейшими» представителями идеи государственности. Разница между ними была только в том, что Петр I при огромном уме был натурой волевой и практической, а Иван IV был натурой поэтической, страстной, в которой богатое воображение не сочеталось с практичностью. Как и у Петра I, у Ивана были великие замыслы, а крушение их объясняется тем, что его окружала косная, своекорыстная и невежественная среда боярства, которая была неспособна и не хотела принимать великие замыслы

⁴ «Века». Исторический сборник, Пг., 1924, стр. 181—182.

⁵ Переложение в собрании сочинений Кавелина, изд. под ред. проф. Корсакова.

им. Горького

С. В. Веселовский М Г У

царя и упорно ему противодействовала. Иван изнемог в бесплодной борьбе с этой средой и в конце концов сделался «ханжой, трусом и тираном». «Иван IV так глубоко пал именно потому, что был велик», — заканчивает Кавелин свою психологическую характеристику Ивана ⁶.

Поскольку характеристика Кавелина не основывалась ни на каких фактах и он не разъяснил читателю, в чем состояли великие замыслы царя Ивана и какие государственные начала он безуспешно пытался найти, Кавелину нетрудно было противоречить самому себе и в столь же общих фразах через год говорить, что «Иван IV есть целая эпоха русской истории, полное и верное выражение нравственной физиономии народа в данное время» и что он был «вполне народным деятелем в России» ⁷. Так писал Кавелин в 1847 г. в отзыве о диссертации С. М. Соловьева «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома».

Идея о бездне падения, которая грозит великому человеку, заимствована Кавелиным у В. Белинского. В 1836 г. в рецензии на «Русскую историю для первоначального чтения» Н. Полевого Белинский писал: «Есть два рода людей с добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великие. Первые, сбившись с прямого пути, делаются мелкими негодьями, слабодушниками; вторые — злодеями. И чем душа человека огромнее, чем она способнее к впечатлениям добра, тем глубже падает он в бездну преступления, тем более закаляется во зле. Таков Иоанн: это была душа энергичная, глубокая, гигантская». «...Это был падший ангел, который и в падении своем обнаруживает по временам и силу характера железного, и силу ума высокого» ⁸.

Легко заметить, что высказывания Кавелина бездоказательны, произвольны и противоречат фактам, известным еще в его время. От юриста с философским образованием, каким был Кавелин, можно было бы ожидать логичности рассуждений, но и в этом отношении Кавелин грешит.

Ему, конечно, было известно, что в годы отрочества и юности царя Ивана было проведено много крупных реформ в центральном и местном управлении, в области государственного хозяйства и в распределении налогового бремени, в реорганизации ратной службы и т. д. Всматриваясь в реформы середины XVI в., мы приходим к выводу, что все они довольно последовательно и разносторонне были направлены на то, чтобы преобразовать конгломерат «вотчин» московских великих князей в единое государство в собственном смысле слова.

Кому принадлежала инициатива этих реформ, кто их проводил в жизнь? На эти естественные вопросы Кавелин не отвечает, обхо-

⁶ К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I. СПб., 1897, стр. 47.

⁷ Там же, стр. 400.

⁸ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1900, стр. 442, 444.

дит их и вместо того говорит о великих замыслах Ивана, не выясняя читателю, в чем они выражались. Ведь сам Иван в «Послании к кн. Курбскому» говорит, что в это время бояре лишили его всякой власти и делали все, что им было угодно. Возможно, что Иван по своему обыкновению преувеличивал роль бояр, но почему в полемике с Курбским он ничего не говорит о своих государственных замыслах, которых бояре будто бы не понимали и которым не сочувствовали? Почему с 1560 г., когда возмужавший Иван взял власть в свои руки и освободился от непрошенных советов своих невежественных советников, «боярская среда» стала косной, невежественной, неспособной понимать общегосударственные интересы? Все эти естественные недоуменные вопросы Кавелин обходит.

В общем полет Кавелина в стратосферу фантазии настолько противоречит фактам и логике, что его высказывания можно было бы без сожаления сдать в архив историкографических курьезов, если бы они не имели успеха и не оказали заметного влияния на последующих историков.

Кажется, можно довольно удовлетворительно объяснить причины успеха высказываний Кавелина. По вопросу об опричнине Кавелин в том же этюде писал: «Это учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомством, не внушено Иоанну, как думают некоторые, желанием отделиться от русской земли, противопоставить себя ей... Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства»⁹. Попытка оказалась неудачной, но виноват в этом не царь, а боярская среда, которая не понимала великих замыслов царя и по своему своеобразию оказывала ему только противодействие.

Итак, можно сказать, что царь Иван предполагал при помощи опричнины открыть дорогу безродным талантам, в интересах государства оттеснить на второй план бездарных представителей родовой знати. Нет надобности много говорить, что и это высказывание Кавелина голословно и не подтверждается фактами. Но в эпоху реформ Александра II и зарождения «мыслящего пролетариата» Писарева эта идея широкой дороги, открытой талантам, независимо от происхождения, оказалась как нельзя более актуальной и обеспечила успех мнению Кавелина в кругах либеральной и революционной интеллигенции. С другой стороны, кавелинское восхваление самодержавия находило самый благожелательный прием в кругах консерваторов и реакционеров. Так высказывания Кавелина могли отвечать вкусам самых разнообразных читателей, и это обеспечило им едва ли заслуженный успех*.

* К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, т. I, стр. 52—53.

Большой любитель и знаток первоисточников, ученый острого, реалистического и трезвого ума, человек, лишенный (к счастью или несчастью для него) всякой фантазии, М. П. Погодин в 20-х годах, вскоре после выхода в свет «Истории государства Российского», выступил с возражениями против некоторых мнений Карамзина. Много позже Погодин выступил с возражениями против С. М. Соловьева (не имея возможности пересмотреть статьи Погодина, цитирую его по Н. К. Михайловскому)¹⁰.

Вопреки Соловьеву Погодин отказывался признать Ивана крупным и оригинальным государственным деятелем. В преобразовании вотчины московских государей на новых началах Иван III сделал неизмеримо больше нового и полезного, чем его внук. Бесспорно, что в многолетнее царствование Ивана IV было совершено много великого, но можно ли приписывать это Ивану? Воспитание его было очень ненормальное и в общем скверное, образование — беспорядочное. Как можно предполагать, чтобы Иван в возрасте 17—20 лет вдруг стал большим государственным преобразователем? «Он мог оставить прежний буйный образ жизни, мог утихнуть, остепениться, заняться делом, соглашаться на предлагаемые меры, утверждать их — вот и все; но чтобы он мог вдруг понять необходимость в единстве богослужения, отгадать нужды и потребности народные, узнать местные злоупотребления, найти противодействующие меры, дать нужные правила касательно суда, например, об избрании целовальников и старост в городах и т. д., — это ни с чем не сообразно». В это время реформ Иван был под влиянием своих советников, а когда влияние пропало, то в последние 25 лет жизни Ивана нельзя указать никаких законов и указов и вообще действий правительства, в которых проявлялся бы государственный ум правителя и понимание требований народной жизни, которые видны в первые годы его царствования. После 1560 г. в деятельности Ивана «нет ничего, кроме казней, пыток, опал, действий разъяренного гнева, взволнованной крови, необузданной страсти», и не видно никаких государственных замыслов и планов, а вместо них — разделение государства на опричнину и земщину, странный эпизод с поручением земщины крещеному татарину Симеону Бекбулатовичу и бесконечные казни. «Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начетчик с подъяческим умом — и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей»¹¹.

¹⁰ Н. К. Михайловский. Иван Грозный в русской литературе. Напечатано впервые в 1891 г. и перепечатано в собрании сочинений Н. К. Михайловского, т. VI.

¹¹ Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений, т. VI. СПб., 1909, стр. 160—161.

Возражения Погодина Соловьеву ценны четкой постановкой основной проблемы исследования царствования Ивана Грозного, исторического значения его личности и связи эпохи царя Ивана с предшествовавшими княжениями — Ивана III и Василия III.

С. М. Соловьев

Основная исследовательская работа С. М. Соловьева, диссертация «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», по содержанию и времени исследуемых явлений очень далека от царствования Ивана Грозного. Историей образования Московского государства Соловьев специально не занимался и излагает ее только в своей многотомной «Истории государства Российского». Поэтому в VI томе его «Истории» сравнительно мало нового даже для своего времени, мало самостоятельных суждений, и главным содержанием его высказываний является полемика с мнениями предшественников. Поэтому изложить взгляды Соловьева ясно и коротко — задача нелегкая. С другой стороны, Соловьев не любил широких обобщений кавелинского типа, перегружал изложение множеством старых и новых сырых материалов, передавая их читателю с рук на руки зачастую без всяких необходимых комментариев, и слишком поспешно выпускал том за том своей «Истории», чтобы устранять неувязку частей и даже противоречия отдельных высказываний.

Проверяя ссылки Соловьева на источники и цитаты из них, не раз можно констатировать, что в смысле критики источников, точности ссылок и цитат Соловьев значительно ниже Карамзина.

В рассказе о царствовании Ивана IV Соловьев возвращается к своей излюбленной идее — к вековой борьбе в истории Руси «государственных начал» с пережитками родового быта. По существу это не бытовые явления, а юридические понятия. Но, как известно, Соловьев не обладал юридической подготовкой и предпочитал читателю самому вкладывать содержание в употребляемые им термины. Кавелин в своем отзыве на VI том «Истории» Соловьева указывал, между прочим, что родовой быт первобытных народов весьма мало имеет общего с родовыми отношениями Рюрикова дома, а последние имеют очень мало общего с теми пережитками родового быта XVI в. В XV—XVI вв. мы имеем дело не с родовым бытом и не с родами, а с племенами и фамилиями, и понятие родовитости боярина XVI в. имеет ничего общего с родовым бытом.

Соловьева все события царствования Ивана сводятся к борьбе государственных начал с родовым бытом. К сожалению, весь рассказ о «последней отчаянной битве», которую государственные начала дали при царе Иване родовому быту, лишен у Соловьева всякой конкретности, битва «декретируется», но не

показывается на фактах. В частности, Соловьев не говорит, кто, собственно, был представителем и проводником государственных начал. Об этом Соловьев предоставляет догадываться самим читателям.

В оценке личности грозного царя Соловьев не менее строг и беспощадеи, чем Карамзин, но какую роль играл царь в упомянутой «последней отчаянной битве», не видно за общими фразами вроде «государство складывалось», «новое сводило счеты со старым» и за лениво-небрежным изложением.

Особенно ярко это сказалось в заключительной главе VI тома. В IV главе Соловьев говорит об опричнине, затем следуют главы: «Полоцк», «Стефан Баторий», «Строгановы и Ермак». В последней главе после рассказа о завоевании Сибирского царства он как бы вспомнил о выводах и решил побеседовать непринужденно с читателем об Иване вообще.

После высказанных выше замечаний не будет неожиданностью, что конечные выводы и оценки Соловьева оказываются взятыми из области морали, а не из сферы вопросов торжества государственных начал. Полемизируя на два фронта, т. е. с апологетами царя Ивана и с ее противниками, Соловьев претендует на роль беспристрастного судьи и довольно наивно объясняет причину существовавших в его время разногласий: «Эти два противоположные мнения проистекали из обычного стремления дать единство характерам исторических лиц; ум человеческий не любит живого многообразия, ибо трудно ему при этом многообразии уловить и указать единство, да и сердце человеческое не любит находить недостатки в предмете любимом, достоинств — в предмете, возбуждившем отвращение». «Так случилось с Иоанном IV: явилось мнение, по которому у Иоанна должна быть отнята вся слава важных дел, совершенных в его царствование, ибо при их совершении царь был только слепым, бессознательным орудием в руках мудрых советников своих — Сильвестра и Адашева»¹².

Далее Соловьев, забывая об обобщающем характере своих выводов, опровергает подробными цитатами из источников это мнение и заключает: «Но если, с одной стороны, странно желание некоторых отнять у Иоанна значение важного самостоятельного деятеля в нашей истории; если, с другой стороны, странно представлять Иоанна героем в начале его поприща и человеком постыдно робким в конце, то более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием. Характер, способ действий Иоанновых исторически объясняется борьбою старого с новым, событиями, происходившими в малолетство

¹² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VI. СПб., изд. «Общественная польза», стр. 328.

царя, во время его болезни и после; но могут ли они быть нравственно оправданы этою борьбою?..»¹³.

Затем, после рассуждения о свободе человеческой воли, Соловьев дает заключительный аккорд: «Человек плоти и крови, он не сознал нравственных, духовных средств для установления правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забыл о них; вместо целения он усилил болезнь, приучил еще более к пыткам, кострам и плахам; он сеял страшными семенами — и страшна была жатва: собственноручное убийство старшего сына, убийство младшего в Угличе, самозванство, ужасы Смутного времени! Не произнесет историк слова оправдания такому человеку; он может произнести только слова сожаления, если, вглядываясь внимательно в страшный образ, под мрачными чертами мучителя подмечает скорбные черты жертвы; ибо и здесь, как везде, историк обязан указать на связь явлений; своекорыстием, презрением общего блага, презрением жизни и чести ближнего сеяли Шуйские с товарищами: вырос Грозный»¹⁴.

Поскольку «историческое объяснение явлений» у Соловьева довольно слабо и часто спорно, поскольку государственные начала, проводником которых, как кажется, Соловьев считал главным образом самого царя, а не его советников, очерчены в очень неясных чертах, все заключения Соловьева сводятся к рассуждению: «с одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой стороны, нельзя не признать».

Карамзин последовательно и прочно стоял на оценке личности и деятельности царя Ивана с точки зрения морали и без претензии на бесстрашие летописца, который «не ведает ни правых, ни виновных» и излагает события, «не мудрствуя лукаво». Соловьев осложнил задачу историка обязанностью давать «историческое объяснение явлений», но так как последняя задача неизмеримо сложнее морализирования и выполнена Соловьевым неудовлетворительно, конечный вывод Соловьева получил характер полуоправдательного приговора историка, как будто беспристрастного, в действительности не только не разрешившего всех существенных вопросов темы, но не поставившего даже вопросов дальнейшего, более углубленного исследования сложного процесса преобразования вотчины московских великих князей в государство в собственном смысле слова, что составляет главное содержание деятельности Ивана III, его сына Василия и внука, царя Ивана*.

Мне кажется, что было бы неуважением к памяти С. М. Соловьева замалчивать некоторую устарелость его исторического мировоззрения и методов работы, равно как и небрежность изложения, но, отмечая эти недостатки, нельзя не быть благодарным ему за богатую сокровищницу сообщенных им фактов и за

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VI,

Там же, стр. 334.

множество мыслей, иногда весьма полезных, и метких замечаний, разбросанных в его многотомной и многословной «Истории России». Эти положительные стороны труда Соловьева были как бы арсеналом, из которого брали оружие последующие историки самых различных направлений, будили историческую мысль и в конечном счете принесли большую пользу русской исторической науке.

Ниже, при изложении своего исследования, мне не раз придется приводить и разбирать высказывания Соловьева по частным вопросам времени царя Ивана.

В. О. Ключевский

В. О. Ключевский лучше, чем кто-либо из его предшественников, был подготовлен к пониманию эпохи Ивана Грозного. Его первая работа о «Сказаниях иностранцев как историческом источнике» предохраняла его от излишнего доверия и злоупотребления этим важным источником, в чем были повинны все историки, начиная с Карамзина. Большая исследовательская работа о «Житиях святых как историческом источнике» дала Ключевскому большие познания в области духовной культуры Руси и умение читать и понимать памятники древней письменности. Докторская диссертация Ключевского была большим исследованием социального строя Московской Руси, и в частности боярства. Наконец, небольшая, но содержательная монография о земских соборах впервые познакомила читателей с организацией и историческим значением этого важного учреждения. К сожалению, взгляды Ключевского на время царя Ивана были изложены им в университетском «Курсе русской истории», в котором ему пришлось быть кратким и дать общую схему, не излагая фактов, которые, как он предполагал, известны слушателям. Поэтому его высказывания иногда производят впечатление бездоказательных, тогда как в действительности они были плодом большого труда над первоисточниками и напряженной работы исследовательской мысли.

Со многими высказываниями Ключевского можно не соглашаться, и в дальнейшем я постараюсь отметить слабые места его заключительной характеристики Ивана, но бесспорной заслугой Ключевского следует признать то, что он решительно отказался от «умозрительных изъяснений» психологического свойства и морализирования. Это вовсе не значило, что он игнорировал психологию исторических личностей или не имел своих симпатий и представлений о морали, но он не вводит этих элементов в свое изложение, находя их излишними. Он излагает факты, рассказывает читателю о результатах своего исследования первоисточников, делится с ним своими размышлениями и выводами и предо-

ставляет ему самому дать моральную оценку исторических событий и лиц.

Чтобы понять Ключевского, необходимо все время внимательно следить за ходом его мыслей, изложенных в разных местах лекций «Курса русской истории» и в «Боярской думе».

Впервые об опричнине В. О. Ключевский высказался в исследовании о «Боярской думе», вышедшем в 1880 г. При переиздании «Боярской думы» глава об опричнине воспроизведена, по-видимому, без изменений, но в печатном «Курсе русской истории», во II томе, вышедшем в 1906 г., В. О. Ключевский высказал об опричнине несколько существенных мнений, весьма отличных от того, что было сказано им в «Боярской думе». Едва ли возможно выяснить постепенную эволюцию взглядов Ключевского на опричнину. Поэтому я буду говорить только о «последнем слове» В. О. Ключевского в тех формулировках, которые мы находим во II томе «Курса русской истории».

Ключевский высказал об опричнине несколько очень хороших мыслей, и если они не оказали соответствующего влияния на историографию вопроса, то это объясняется слишком общей формулировкой и присущей Ключевскому афористичностью высказываний без необходимого подтверждения фактами.

Определив опричнину как «пародию удела», Ключевский говорит: «Опричнина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства». «Итак, опричнина явилась учреждением, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Ей указана была политическая цель, для которой не было особого учреждения в существовавшем московском государственном устройстве...»¹⁵.

Бесспорно, что первым и главным назначением Опричного двора было обеспечить личную безопасность царя, служить «политическим убежищем», как выразился Ключевский, но совершенно неверно, что в строе Московского государства не было соответствующего учреждения. В данном случае Ключевскому не хватало знания того же, что и другим историкам, писавшим об опричнине, а именно знания структуры и роли в строе Московского государства Государева двора, из которого царь Иван в 1565 г. выделил себе Особый или Опричный двор, устроив его по образцу старого Государева двора.

Государев двор — исконное учреждение русских князей. В XII в. княжеский двор состоял из старшей дружины (советников, воевод и соправителей князя) и из младшей дружины (гридей и отроков, живших во дворе князя в качестве дворовых слуг и телохранителей). Двор московских князей состоял из двух неравных частей. Высшие чины, начиная от боярина и кончая

¹⁵ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. М., 1937. стр. 190—191.

стрижцами, соответствовали старшей дружине киевских князей. Это были постоянные советники князя, воеводы и головы его ратных сил, соправители и помощники княжеского центрального и местного управления. По приблизительным расчетам, в середине XVI в. дворян в этих чинах было человек 600. Приблизительно четыре пятых двора служили в низшем чине — в жильцах. Это — молодшая дружина московских князей. Их было до 2400 чел. Как показывает их название, они жили во дворе московского государя и, сменяясь по третям или четвертям, несли охрану государя, его семьи и всех дворцовых зданий, исполняя при случае те или иные мелкие поручения. В походах жильцы были рядовыми так называемого «государева полка». Таким образом, жильцы были, во-первых, телохранителями князя, дворовыми слугами, а затем как бы гвардией.

Указ об опричнине, изложенный в официальной летописи, говорит определенно, что недоверие царя и опасение за личную безопасность вызвали не одни князья и бояре, а весь старый Государев двор в целом. По традиции, утвердившейся в историографии, Ключевский говорит, что опричнина должна была служить убежищем от «крамольного боярства», что назначением ее было истребить крамолу «преимущественно в боярской среде». В действительности мы знаем, что царь Иван покинул кремлевский дворец своих предков, построил себе в Москве на Воздвиженке особый дворец со всеми службами, а в Александровой слободе устроил укрепленный лагерь, убежище в подлинном смысле слова. В Опричном дворе он учредил не только все чины по примеру старого Государева двора, но и все служебные дворцы (Хлебный, Кормовой и Сытный), набрав в них новый персонал.

Таким образом, ясно, что первый вопрос, естественно возникающий у нас, — как и почему царь Иван утратил веру в старый Государев двор, назначением которого искони было обеспечение личной безопасности князя, и пришел к мысли искать этой безопасности и убежища в «пародии удела», в Особом или Опричном дворе? Перед этим вопросом Ключевский останавливается с некоторым недоумением: «Легко видеть, как и для чего она (т. е. опричнина. — *С. В.*) возникла, но трудно уяснить себе, как могла она возникнуть, как могла прийти царю самая мысль о таком учреждении». «Довольно трудно понять ее политический смысл, так как опричнина «не отвечала на политический вопрос, стоявший тогда на очереди»¹⁶, и не разрешала назревших противоречий в строе Московского государства.

Чтобы ответить на эти недоуменные вопросы, Ключевский за недостатком фактов, которых он не мог исследовать самостоя-

¹⁶ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, стр. 191—192.

тельно, прибегает в очень широкой степени к общим рассуждениям.

«Домашние недоразумения» и столкновения Сильвестра и Алексея Адашева с родственниками царицы Анастасии, а «частью несогласие в политических взглядах охладил царя к его избранным советникам». Болезнь и смерть царицы произвели окончательный разрыв, после которого Иван остался одиноким. «Нервный и одинокий Иван потерял нравственное равновесие, всегда шаткое у нервных людей, когда они остаются одинокими»¹⁷.

Далее Ключевский, минуя четырехлетний период (1560—1564 гг.) опал и казней, переходит прямо к рассказу об учреждении опричнины. Между тем именно за эти четыре года столкновения царя с его дворянами, со старым Государевым двором в целом, а не только с «боярством» достигли такой остроты и напряженности, что он утратил не только нравственное равновесие, но и самообладание и стал искать безопасного убежища за пределами старого двора. Объяснить такое глубокое расхождение одними личными качествами и переживаниями царя Ивана было, конечно, невозможно, и Ключевский сделал попытку выяснить противоречия политического строя Московского государства, на почве которых разразился многолетний и кровавый конфликт царя с его «боярством», т. е., правильнее сказать, с дворянами, правящей вершиной класса служилых землевладельцев.

Основное противоречие, по мнению Ключевского, состояло в том, что Московское государство было абсолютной монархией с аристократическим правящим аппаратом или персоналом. Характер исторически сложившейся неограниченной царской власти «не соответствовал свойству правительственных орудий, посредством которых она должна была действовать». Противоречие нарастало незаметно, пока, наконец, царь и боярство «не почувствовали себя в неловком положении и не знали, как из него выйти. Ни боярство не умело устроиться и устроить государственный порядок без государевой власти, к какой оно привыкло, ни государь не знал, как без боярского содействия управиться со своим царством в его новых пределах. Обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить, ни расстаться, они попытались разделиться, жить рядом, но не вместе. Таким выходом из затруднения и была опричнина»¹⁸.

Попытка Ивана найти выход из неудобного положения путем разделения государства на земщину и опричнину оказалась совершенно неудачной. «В беседах с приближенными иноземцами царь неосторожно признавался в намерении изменить все управление страной и даже истребить вельмож. Но мысль преобразовать управление ограничилась разделением государства на земщину и

¹⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, стр. 184.

¹⁸ Там же, стр. 192—193.

опричинну, а поголовное истребление боярства осталось нелепой мечтой возбужденного воображения» хотя бы потому, что заметить его было нечем и некем¹⁹.

«Во всяком случае, избирая тот или иной выход, предстояло действовать против политического положения целого класса, а не против отдельных лиц. Царь поступил прямо наоборот: заподозрив все боярство в измене, он бросился на заподозренных, вырывая их по одиночке, но оставил класс во главе земского управления; не имея возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй, он стал истреблять отдельных подозрительных или ненавистных ему лиц»²⁰. «В этом состояла политическая бесцельность опричнины: вызванная столкновением, причиной которого был порядок, а не лица, она была направлена против лиц, а не против порядка»²¹. Если бы боярство имело действительно какие-либо политические притязания, покушалось крамольно на царское самодержавие, то царь должен был бы направить свои удары «исключительно на боярство, а он бил не одних бояр и даже не бояр преимущественно». «Вопрос о государственном порядке превратился для него (т. е. царя.— [С. В.]) в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов». «Опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготовила действительную»²².

Так Ключевский подошел очень близко к самой сути кровавой трагедии царствования Ивана и высказал две глубокие мысли, которые, к сожалению, не оказали соответствующего их значительности влияния на последующую историографию вопроса. Между тем углубленное исследование источников, неизвестных Ключевскому, дает возможность развить, исправить в некоторых деталях и дополнить его высказывания.

На вопрос, почему попытка царя Ивана разрешить назревшие противоречия на деле свелась к истреблению лиц и «подействовала сильнее на нервы и воображение современников, чем на государственный порядок», Ключевский говорит, что во многом «виноват личный характер» Ивана. И дело не столько в нервности и нравственной неуравновешенности царя Ивана, сколько в том, что он не был «политическим дельцом», у него не было «практического такта, политического глазомера, чутья действительности». Так выражался Ключевский в заключительной оценке личности и царствования Ивана*.

¹⁹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II, стр. 193.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 196—198.

Никакое остроумие не может заменить или возместить незнание фактов. Эту бесспорную истину историки склонны нередко забывать. В истории есть вопросы, по которым источников так мало, что исследователю по необходимости приходится восполнять рассуждениями недостаток фактов. На нет и суда нет. Но совершенно иначе должны были бы относиться к историку, когда источников много, и только недосуг, самонадеянность или просто исследовательская лень порождают у историка соблазн отделаться остроумными и эффектными обобщениями.

Работы С. Ф. Платонова о литературных памятниках и о событиях Смутного времени настолько ценны как прекрасные образцы исследовательской мысли, что вовсе не будет неуважением к его репутации сказать, что вводные главы его «Очерков по истории Смуты», и в частности глава об опричнине, являются не самостоятельными исследованиями, основанными на изучении старых и новых источников, а попыткой дать обобщения современных ему достижений исторической науки, какие приходится делать профессорам университетов при чтении общего курса русской истории.

В погоне за эффектностью и выразительностью изложения лекций С. Ф. Платонов отказался от присущей ему осторожности мысли и языка и дал концепцию политики царя Ивана, настолько переполненной промахами и фактически неверными положениями, что поставил критиков его построений в весьма неловкое положение: опровержение всех ошибок может наскучить читателю, а главное, показаться ему неприличной и ненужной попыткой подорвать задним числом научную репутацию всеми уважаемого и высоко ценимого ученого.

Критика концепции Платонова необходима еще потому, что она имела большой успех и в упрощенном, как это обыкновенно бывает, виде перешла в общие курсы и учебники.

С. Ф. Платонов, определив неточно и частью неверно территорию опричнины, писал: «В центральных областях государства для опричнины были отделены как раз те местности, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных князей»²³. Ниже Платонов прибавлял: «Если мы будем помнить, что в опричное управление были введены, за немногими и незначительными исключениями, все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества, то поймем, что опричнина подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще, на всем его пространстве»²⁴.

²³ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1904, стр. 110.

²⁴ Там же, стр. 111.

Если мы возьмем территорию Московского государства времени царя Ивана, то увидим в ней следующие части:

1. Уезды, которые всегда входили в состав московского великого княжества и никогда не бывали в уделах. Таковы уезды: Московский, Коломенский, Переяславский, Юрьевский, Костромской, Владимирский, Муромский.

2. Вторую категорию составляют уезды великого княжества, которые обыкновенно бывали в уделах за князьями московского дома. Таковы уезды: Серпуховской, Боровский, Верейский, Малоярославецкий, Можайский, Звенигородский, Рузский, Волоколамский, Дмитровский, Угличский, Галицкий.

В уездах этих двух категорий не было и не могло быть княженецких старинных вотчин. Между тем в опричнине побывали из первой категории Костромской и Переяславский уезды, а из второй — Верейский, Можайский, Галицкий и Дмитровский.

Побывали в опричнине Бежецкая и Оболенская пятинны Новгорода, в которых не только княженецких, но и вообще никаких частных вотчинных земель не было.

Посмотрим районы бывших независимых княжеств, в которых могли быть остатки старинных вотчин княжат. Не прошли через опричнину территории княжеств: Рязанского, Оболенского, Стародубовского, Ростовского, Тверского и Белозерского.

Относительно Рязанского княжества следует сказать, что там княженецких вотчин не было совсем, так как удельные князья Пронские лишились своих вотчин еще в XV в., а рязанские князья утратили их после бегства в Литву в 1521 г. последнего рязанского князя Ивана Ивановича.

Сильно размножившиеся белозерские князья растеряли большую часть своих вотчин еще в XIV—XV вв. Насколько известно, последним из белозерских князей, владевших старинной вотчиной, был князь Кемский, который в 1559 г. продал свою вотчину на р. Кемп Кириллову монастырю. У некоторых белозерских князей, например Ухтомских и Белосельских, были вотчины в Пошехонье, вероятно, купленные или полученные в приданое от ярославских князей, но эта часть Пошехонья в опричнине не была, и Ухтомские свободно распоряжались остатками своих вотчин.

Платонов показывал Ростов в числе городов опричнины. По-видимому, это ошибочное мнение основано на словах Таубе и Крузе и на том, что после отставки опричнины Ростов был в числе так называемых дворовых городов. Но, во-первых, дворовые города после опричнины вовсе не то же самое, что бывшая опричнина, во-вторых, и это самое важное, мы не имеем в источниках даже косвенных указаний на то, чтобы ростовцы, и в том числе княжата, подвергались выселениям. Пока не будут найдены прямые указания на это, мы не имеем оснований причислять Ростов к городам опричнины.

Бывшая территория Тверского княжества разделилась на четыре уезда — Тверской, Кашинский, Клинский и Старицкий, к которым позже прибавились уезды Зубцовский и Холмский. Здесь только в Тверском уезде, в Микулине, сохранилось несколько сед князей Телятевских Мпкулинских. Но... Тверской уезд в опричнине не был, а Телятевские служили в опричнине. Старица и Холм попали в опричнину как части старицкого удела князей московского дома, и в них старинных вотчин тверских князей не было со времени ликвидации в 1485 г. Тверского княжества.

Нет никакого сомнения, что районами, в которых сохранилось наибольшее количество княжеских вотчин, были небольшая территория бывшего Оболенского княжества и довольно обширная территория Стародубского княжества. Оба эти района в опричнине не были. В статье о монастырском землевладении во второй половине XVI в. я показал, что стародубские князья до опричнины, во время ее существования и после ее отставки владели и свободно распоряжались своими прародительскими вотчинами. Что касается оболенских князей, то у меня подробно рассказано, что из всех княжеских родов, пострадавших от опал царя Ивана, Оболенские по количеству и значительности жертв занимали, бесспорно, первое место. Между тем, несмотря на это, они сохранили весьма значительное количество своих владений, и не только при опричнине и после нее, но даже в XVII в.

Итак, после проверки утверждений С. Ф. Платонова оказывается, что в опричнине побывали только два района бывших княжеских вотчин — Суздаль и Ярославль. Но и здесь вопрос представляется совсем не таким простым, как полагал Платонов, упустивший из виду прямые указания летописей о том, что ярославские князья и многие суздальские лишились своих вотчин еще в XV в., и великий князь Иван сделал это, не прибегая к помощи опричнины. При массовом выселении ярославских князей в 1463 г. при ликвидации Ярославского княжества некоторым из них удалось сохранить свои вотчины, и в 1504 г. великий князь Иван в своей духовной грамоте, а в 1570 г. царь Иван в проекте духовной завета своим наследникам не вступаться в те вотчины ярославских князей, которые они оставили за ними.

Что касается суздальских князей, то из них В. Барабашин служил в опричнине, а Шуйские хотя и не служили, но неизменно пользовались благоволением царя Ивана, и никто из них не пострадал от опал царя. Можно ли после этого говорить, что зачисление Ярославля и Суздаля в опричнину было сделано для того, чтобы выселить нескольких княжат из их старинных родовых уездов? Как будто Иван не мог этого сделать, не выселяя одновременно из уездов многие сотни рядовых помещиков и вотчинников. Подобная идея могла прийти в голову только совершенно полному человеку.

Между тем С. Ф. Платонова никак нельзя упрекнуть в том, что он считал царя Ивана полоумным. Совсем наоборот, Платонов хорошо понимал, насколько безнадежна попытка реабилитировать Ивана как человека. Поэтому он пустил в ход все свое остроумие, чтобы превознести Ивана как государственного деятеля, осмыслить его действия во что бы то ни стало.

Плодом этого обходного маневра реабилитации монархизма и явилась знаменитая концепция С. Ф. Платонова. Успех этой мнимонаучной концепции тем более непонятен, что она оказалась большим шагом назад по сравнению с той оценкой опричнины и вообще государственной деятельности царя Ивана, которую дал другой историк, не менее авторитетный и не менее хорошо осведомленный, чем Платонов, — В. О. Ключевский.

Таким образом, направленность опричнины против старого землевладения бывших удельных княжат следует признать сплошным недоразумением. Об этом, может быть, не стоило бы так много говорить, если бы с ним не было связано другое утверждение С. Ф. Платонова, которое тоже направлено к тому, чтобы осмыслить и реабилитировать опричнину. Я имею в виду его характеристику бывших удельных князей как могущественных феодалов, сохранивших некоторые права полузависимых владетельных служилых землевладельцев особую категорию лиц с интересами, во многих отношениях враждебными интересам прочих титулованных и нетитулованных землевладельцев. Для времени царя Ивана такой взгляд на княжат следует признать запоздалым лет на сто.

Дело в том, что за последние два десятилетия XV в. великий князь Иван лишил всех княжат прав владетельных государей: права суда, дани и полной независимости от наместников и волостей. Насколько известно, право суда и дани и полная независимость были оставлены только за князьями Пенковыми, старшими представителями рода ярославских князей. Последний представитель фамилии Пенковых кн. Иван Васильевич Пенков умер в 1562 г.

Затем С. Ф. Платонов упустил из виду, что Судебник 1550 г. определенно запретил детям боярским, не получившим полной отставки, поступать на службу к владыкам и частным лицам. Платонов ссылается на писцовые книги Тверского уезда 1540 г. в доказательство того, что вотчинники при желании могли поступить на службу к владыкам, боярам и княжатам или никому не служить. Между тем в том же 1550 г. состоялся указ, запрещающий митрополиту и владыкам принимать к себе на службу детей боярских без особого разрешения царя. А в ближайшие годы, в связи с уложением 1556 г. о кормленьх и службе с земли, служба с земли стала обязательной и все землевладельцы лишились права никому не служить или служить княжатам, боярам и другим

крупным землевладельцам. Этот большой удар по пережиткам феодализма был сделан задолго до опричнины, не царем Иваном, который по молодости не мог иметь никаких государственных замыслов. И вообще опричнина не имела никакого отношения к этим действительно важным государственным преобразованиям.

Если дело обстоит так, то естественно возникает вопрос, на чем же основано мнение, общепринятое в исторической литературе, о том, что княжеческое землевладение перед опричниной представляло большую силу и что царь Иван, учреждая опричнину, поставил себе цель искоренить землевладение княжат и сломить таким образом остатки феодализма, несовместимые с царской властью и интересами государства.

Источниками подобных представлений были, по-видимому, некоторые высказывания Флетчера и кн. Курбского, принятые на веру без надлежащей критики и осмотрительности.

В рассказе о казни князей Михаила Воротынского и Никиты Одоевского Курбский, не зная причины казни, сообщает, что царь подучил беглого холопа кн. Воротынского донести на своего господина и обвинил Воротынского в том, что он намеревался убить царя при помощи чародейства и «баб шепчущих». При этом Курбский высказал предположение: «А мню, научен от него (холоп. — [С. В.], бо еще те княжата были на своих уделах, и велия отчины под собою имели: околиво тысяч с них почту воинства было слуг их»²⁵. По словам Курбского, Одоевский умер от пытки, а Воротынский чуть живой был послан на Белоозеро, но умер по дороге.

Ясно, что Курбский, не имея верных и точных сведений о причинах казни указанных лиц, доверился слухам и лишний раз сорвал свой гнев на царе Иване, обвиняя его в корыстных побуждениях.

Сообщение Курбского о том, что указанные княжата имели дворы и несколько тысяч слуг, страдает, несомненно, большим преувеличением, даже если к слугам причислять обозную прислугу, которая не входила в состав «двора» или «почта». Но не будем об этом спорить, а отметим только то, что Курбский имел в виду только этих двух князей и вовсе не думал распространять эту характеристику на всех русских княжат. Мы знаем, что удельными в собственном смысле слова в это время были: Михаил Воротынский, Владимир Андреевич, Гедиминовичи И. Д. Бельский (умер в 1571 г.) и Мстиславский и валашский воевода Александр Богданович. По размерам своих владений эти князья стояли так высоко над массой рядовых русских княжат, что применять к последним явно преувеличенную оценку двора кн. Воротынского совершенно невозможно. Между тем С. Ф. Платонов

²⁵ РИБ, т. XXXI, стр. 288.

Почт — польско-литовский термин для определения того, что в Москве зывали боярским двором слуг и послужильцев.

в своей характеристике княжат как противников царя исходит именно из указанного сообщения Курбского, не подозревая и не делая различия между рядовыми княжатами и последними остатками удельного строя.

Как можно видеть, приведенное высказывание Курбского совершенно не пригодно для обоснования концепции о принципиальной борьбе царя Ивана против могущественных врагов государства — княжат.

Крупная и яркая личность царя Ивана Грозного, историческая значительность событий его царствования и, в частности, его опричнина с многочисленными опалами и казнями произвели глубокое впечатление на современников и ближайших потомков. Ни одна, кажется, эпоха русской истории до Петра I не оставила нам такого большого количества источников, отечественных и иностранных, как царствование Ивана IV.

И много позже, когда трагическая личность грозного царя и его время отошли в область истории, они неизменно привлекали к себе внимание не только историков, но и поэтов, писателей, художников, композиторов, публицистов и популяризаторов исторических знаний. Надо, однако, признать, что этот повышенный интерес широких кругов читателей к царю Ивану и его времени едва ли был полезен для исторической науки.

Отыскивать новые источники, подвергать их необходимой предварительной критике и обрабатывать, терпеливо устанавливать факты и точно описывать события с тем, чтобы понять и уяснить читателю большие и сложные события эпохи, — все это требовало много времени, самоотверженного черного труда и хорошей научной подготовки. Широкие круги читателей не интересуются «кухней» исторической науки и нередко проявляют наклонность относиться с пренебрежением и полным неуважением к неблагодарному труду ученых, посвящающих свои силы разработке источников и технике научного исследования. Читатель требует от историка широких обобщений, ярких характеристик лиц и событий, категорических суждений и эффектных в соответствии с темой картин. Историки поддавались соблазну выполнить «заказ» читателя, не тратя свои силы и время на неблагодарный труд фактического исследования прошлого и спешили дать читателю эффектные, мнимонаучные обобщения и концепции.

Известный публицист Н. К. Михайловский полстолетия тому назад не без остроумия заметил: «Если историки, как Костомаров, превращались ради Грозного в беллетристов, то и поэты, как г. Майков, превращались ради него в историков и приводили в восторг настоящих историков (г. Бестужева-Рюмина). Личностью Грозного интересовались и увлекались и критики-публицисты, как Белинский»²⁶.

²⁶ Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 30.

Подводя итоги обзору высказанных в научной и ненаучной литературе мнений, Михайловский писал: «Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайною осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а, как мы видели, даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю»²⁷.

Михайловский объяснял эти курьезы тем, что «огромная личность Грозного, огромная отнюдь не внутренними достоинствами, а в качестве центра событий великих и позорных, давит воображение историков и лишает их мысль возможности свободно и логически двигаться»²⁸.

Лет за 25 до Михайловского С. М. Соловьев объяснял эти несообразности и разногласия историков «незрелостью» русской исторической науки. Если поверить диагнозу С. М. Соловьева, то следует сказать, что причина разногласий, «незрелость» исторической науки, остается неустраненной до наших дней. Со времени Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева было найдено и опубликовано очень большое количество новых источников, отечественных и иностранных, но созревание исторической науки подвигается так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени.

С. Ф. Платонов причину разногласий и непримиримых противоречий в историографии об Иване находил в недостаточности и отрывочности наших сведений даже по важнейшим событиям и периодам царствования Ивана. Одну из «решительных побед исторического метода» Платонов находил в том, что новейшие историки отказались от психологических характеристик и направили свое внимание на исследование и описание общественного строя Московского государства, правительственного механизма, международных отношений и т. п.

Со времени этих высказываний Платонова прошло еще 20 лет, историки отказывались от вышедших из моды размахистых характеристик царя Ивана, но разногласия не только не изживаются, и не смягчаются, но остаются прежними и даже более сложными, по мере того как главной темой исторических сочинений становятся сложные социальные явления и историческая мысль получает возможность «свободно и логически двигаться».

²⁷ Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 187.

²⁸ Там же, стр. 213.

В чем же причина того, что новейшие сочинения об Иване и его времени не разрешают старых сомнений, споров и разногласий, не обогащают нас новыми фактическими сведениями, а осложняют и даже запутывают тему?

На место героев и негероев разных масштабов в качестве движущих историю сил появились категории, широкие и неширокие, слои, классы и т. п. отвлеченные понятия. Но оказалось, что оперировать в историческом исследовании отвлеченными понятиями гораздо труднее, чем давать блестящие характеристики героев. Задача историка стала неизмеримо сложнее уже потому, что потребовалось привлечение массовых источников, потребовалось знание такого огромного количества фактического материала, которым историки не располагали.

От предшествовавших стадий развития исторической науки остались скверные замашки к широким обобщениям и разрешающим все сомнения читателя стройным концепциям. С другой стороны, новый стиль исторических сочинений предъявлял к историку очень высокие требования логической выправки в умозаключениях и обобщениях. В этом вопросе историки очень часто оказываются не на высоте своего положения и стоящих перед ними задач.

С недавних пор все, кому приходилось писать об Иване Грозном и его времени, заговорили в один голос, что наконец-то Иван, как историческая личность, реабилитирован от наветов и искажений старой историографии и предстал перед нами во весь рост и в правильном освещении. С. Бородин в отзыве о «Трилогии» В. Костылева хвалил автора за то, что Иван Грозный показан у него «передовым государственным деятелем, преобразователем жизни страны, твердым в достижении цели, прозорливым и смелым»²⁹. С. Голубов в отзыве о новой постановке пьесы А. Толстого на сцене Малого театра писал, что «после многих веков» наветов и клеветы врагов Ивана Грозного «мы впервые видим на сцене подлинную историческую фигуру борца «за пресветлое царство», горячего патриота своего времени, могучего государственного деятеля»³⁰. Приблизительно так же высказался академик Н. Державин в отзыве о «Трилогии» Костылева: «Лишь сравнительно недавно события периода царствования Ивана IV получили в нашей исторической науке правильное, объективное толкование»³¹.

Итак, реабилитация личности и государственной деятельности Ивана IV есть новость, последнее слово и большое достижение

²⁹ С. Бородин. «Иван Грозный», роман В. Костылева.— «Литература и искусство», 15 мая 1943 г.

³⁰ С. Голубов. Новая постановка пьесы Ал. Толстого на сцене Малого театра.— «Правда», 30 мая 1945 г.

³¹ Н. Державин. Роман об Иване Грозном.— «Правда», 11 декабря 1944 г.

советской исторической науки. Но верно ли это? Можно ли поверить, что историки самых разнообразных направлений, в том числе и марксистского, 200 лет только и делали, что заблуждались и искажали прошлое своей родины, и что только «сравнительно недавно» с этим историографическим кошмаром покончено и произошло просветление умов. Но, во-первых, достаточно небольшого знакомства с нашей историографией, чтобы убедиться, что историки не раз делали добросовестные попытки дать положительную оценку деятельности Ивана IV и что новостью является только то, что наставлять историков на путь истины «сравнительно недавно» взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры. Но главное, быть может, то, что люди науки, и в том числе историки, давно утратили наивную веру в чудеса и твердо знают, что сказать что-либо новое в исторической науке не так легко, что для этого необходим большой и добросовестный труд над первоисточниками, новый фактический материал и совершенно недостаточно вдохновения, хотя бы и самого благожелательного.

А не исследованных еще, главным образом архивных, источников по ряду весьма важных вопросов эпохи Грозного много. Да и многие старые источники нуждаются в научном пересмотре. В исследовании о Синодике опальных царя Ивана я показал, как много нового дает этот давно напечатанный источник³². В работе о монастырском землевладении во второй половине XVI в. я показал на основе новых источников, что земельная политика Ивана Грозного имела другой вид и другие последствия, чем представляли себе историки³³. Наконец, в небольшом этюде о так называемой Тысячной книге и Тетради дворовой мной выяснено значение этих давно известных памятников для понимания Государева двора до опричнины и для понимания Опричного двора, выделенного в 1565 г. из старого Государева двора³⁴. Так монографические исследования частных вопросов по первоисточникам выбивают камень за камень из фундаментов воздушных замков старых концепций.

1944 [—1945]

³² См. наст. изд., стр. 323 и сл.

³³ «Исторические записки», т. 10.

³⁴ См. наст. изд., стр. 77—91.

ОТЗЫВЫ О ГРОЗНОМ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Новейшие апологеты Ивана Грозного уверяют нас, что суд потомства несправедлив потому, что Иван сошел со сцены, оклеветанный дворянскими публицистами, естественными врагами демократической неограниченной монархии. Эта клевета и непонимание современников и ближайших потомков перешла в историографию и так укоренилась в ней, что дожила до наших дней. Так ли это в действительности?

Прежде чем ответить на этот вопрос, позволю себе сделать несколько общих замечаний по поводу суждений современников, как источника исторического исследования, и самомнения ученых и профессоров XIX—XX вв.

О царствовании Ивана IV, о его личности и Опричном дворе мы имеем довольно много различных высказываний современников, лиц разного знания и калибра и с разных точек зрения. До нас дошли краткие и сдержанные сообщения летописцев, больше занятых фактами, чем их истолкованием и оценкой. Историк-повествователь дьяк Иван Тимофеев морализирует и больше старается понять и оценить события, чем рассказывать факты, которые ему казались всем известными. Большой интерес представляют писания кн. Курбского как образованного и талантливого представителя правящей верхушки московского боярства. О беспристрастности его высказываний, конечно, не может быть речи, но его точка зрения настолько определена и ясна, что правильное понимание его высказываний не представляет особых затруднений. В полемике с ним царя Ивана мы получаем освещение многих вопросов с противоположных точек зрения. Наконец, мы имеем ряд свидетельств иностранных писателей, частью служивших в опричнине и имевших возможность лично познакомиться с Иваном. Незнание русского языка, обычаев и нравов и вообще всего уклада русской жизни, недоброжелательное и часто презри-

тельное отношение их к варварам-москвитам, наконец, грубая тенденциозность их сообщений, суждений — все это очень затрудняет использование их сочинений для целей научного исследования. Однако мы находим у них нередко такие факты, о которых летописцы и повествователи предпочитали молчать, а их суждения «со стороны» при надлежащей критике и проверке при помощи других источников представляют зачастую очень большую ценность.

Нет надобности много распространяться о том, что свидетельства отечественных и иностранных писателей, как всякий исторический источник, необходимо подвергать проверке и критике. Не об этом приходится и следует говорить. Ясно, что недостаток, а тем более отсутствие критики приносят исторической науке большой вред, но не меньший приносит самомнение историков, которые через 300—400 лет после событий берутся задним числом истолковывать и осмысливать явления далекого прошлого, с высоты профессорской кафедры судят и рядят и с пренебрежением отвергают, иногда без рассмотрения, неугодные им высказывания современников как необразованных и ограниченных обывателей, не получивших образования в вузах, не прослушавших университетского курса истории СССР и потому неспособных понимать происходившие на их глазах события.

Бесспорно, мнения современников-обывателей имеют много слабых сторон. От них нельзя требовать объективности и беспристрастия. Их сведения о прошлом, даже о том, что было непосредственно до них, обыкновенно невелики. В этом отношении ученый историк часто может иметь большое преимущество перед современником. Другим слабым местом суждений современников, особенно XVI в., когда не было ни печати, ни других средств информации, является узкое поле их наблюдений. И в этом отношении историк имеет большое преимущество перед современниками событий. Еще большим преимуществом историка является или, вернее сказать, может стать знание последующей истории, в частности последствий тех или иных событий. Но как раз в этом преимуществе таится большая опасность и самое слабое место исторических исследований. О замыслах и намерениях правителей и законодателей историк обыкновенно не может знать. Он судит о них по последствиям, приводя последствия в причинную связь с действиями исторических личностей. В этом большая опасность.

Порочность умозаключения на основании *post hoc, ergo propter hoc* всем известна, и тем не менее историки очень часто грешат в этом отношении. Ведь для того чтобы правильно установить причинную связь явлений и событий, необходимо предварительно установить факты и верно оценить их значение. А это как раз и является для исследователя искомым. Иными словами, историк попадает в положение человека, который старается

понять и объяснить одно неизвестное при помощи другого неизвестного. А нередко бывает еще хуже: историк, не установив факты, их последовательность и причинную связь, сочиняет от себя последствия, по этим вымышленным последствиям высказывается о предшествующем и приписывает историческим деятелям такие намерения и замыслы, которые, наверное, никогда не приходили им в голову.

Позволю себе сделать еще одно замечание по вопросу о причинах и следствиях, поскольку мы ищем в них разгадку намерений исторических деятелей и по этим предполагаемым намерениям беремся судить об их личностях.

И знание прошлого, и ежедневные наблюдения, и наш собственный опыт показывают нам, что только в виде исключения человеку удавалось и удается достигнуть поставленной себе цели полностью. Нередко нас постигает полная неудача, а чаще всего мы достигаем желанных результатов лишь отчасти. Иногда в процессе осуществления замыслы исторической личности испытывают такие изменения, что по последствиям совершенно невозможно разгадать первоначальные замыслы даже в том случае, если историку удалось точно и правильно установить последствия и выяснить причинную связь их с предшествовавшими событиями. А эта задача очень трудная, особенно если иметь в виду, что всегда и всякое действие исторической личности, кроме предусмотренных и преднамеренных последствий, влечет большее или меньшее количество так называемых гетерогенных, побочных, непреднамеренных и непредусмотренных последствий. Вот эти гетерогенные последствия историк постоянно подвергается опасности принять за осуществление замыслов исторической личности.

Сейчас читатель увидит, что сделанное выше отступление в область философии истории вовсе не было излишним.

Послушаем толки обывателей — современников царя Ивана и их ближайших потомков.

Напомним предварительно, что они не рассчитывали на распространение своих писаний, зачастую имели основания желать, чтобы они оставались до поры до времени никому не известными, кроме ограниченного круга таких же книжников, любителей старины, как они сами. Если они записывали что-либо под свежим впечатлением событий или вспоминали о недавнем прошлом, то делали это с мыслью: «Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу, своих царей великих поминают за их труды, за славу, за добро, а за грехи, за темные деянья спасителя смиренно умоляют»¹. Летописание в собственном смысле слова в это время замирало и на смену ему рождался новый вид исторического творчества — повествование.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 7. М.— Л., 1948, стр. 17.

Вот бесхитрое констатирование факта учреждения Опричного двора у одного провинциального летописателя: «В лето 7074-го году великий государь царь... учинил у себя на Москве опришнину, перешел из Кремля города из двора своего, перевезся жити за Неглинну реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил государь на том дворе хоромы себе строити царские и ограду учинити, все новое ставити. Такожде повеле и в слободе (Александровой.— [С. В.] ставити город и двор свой царский, а князем своим и бояром и дворяном велел в слободе дворы ставити и избы разрядные, и почал государь в слободе жити князь великий Иван Васильевич со всеми бояры своими а к Москве стал приезжати з бояры своими на время, как ему годно»².

Таково первое впечатление от учреждения опричнины. Автор сообщает факт и не рассуждает — не холопское это дело рассуждать о прихотях господ. Угодно было царю покинуть прародительский дворец в московском Кремле и построить себе дворцы опричные под стенами Кремля и в Александровой слободе, а что из этого выйдет и для чего это сделал царь, это было пока никому не известно.

На первых порах опричные опалы и казни поразили только верхний слой Государева двора. Низших слоев населения это не касалось. Но, как говорит пословица, чем дальше в лес, тем больше дров: тяжелые удары царского гнева стали поражать и представителей низших слоев, и в 1570 г. разразилась колоссальная катастрофа погрома Новгорода и Пскова, которая произвела огромное впечатление не только на Руси, но и в Западной Европе. Причины, вызвавшие эту катастрофу, обстоятельства, размеры и ближайшие последствия до сих пор остаются во многом загадкой, которую историкам еще предстоит исследовать и попытаться разгадать.

При современном состоянии вопроса можно представить себе, с некоторой вероятностью, дело так. Столкновения царя Ивана со своими приближенными дворянами, начавшиеся в 1560 г., вызвали опалы и принудительные пострижения, а ответом на них были побег за границу и измены, на которые царь отвечал новыми опалами и казнями. После учреждения в 1565 г. Опричного двора «пожар лютости», как выражался кн. Курбский, стал быстро разгораться и перекинулся из Москвы и высших кругов дворянства на уезды, взятые в опришнину. Выселения земских из опричных уездов отзывались очень тяжело на массах крестьянства. Казнь старецких князей с их свитой и слугами, лишение свободы и смерть митрополита Филиппа, наконец, большой заговор в среде московской приказной администрации и связанный с ним погром

² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», т. 10, стр. 89.

таких крупных городов, как Новгород и Псков, перебросили пламя «пожара лютой» на окраины Московского государства.

На западных окраинах государства, как Новгород и Псков, ко всему этому присоединились тяготы войны и непосредственной близости к театру военных действий. На почве общего недовольства и страха родилась идея отложиться от Москвы и отдаться под защиту и покровительство Литвы. Насколько широкие круги были захвачены этим течением и насколько серьезна была опасность, что новгородцы и псковичи «отсядут», как тогда говорили, со своей вотчиной от московского государя, мы, к сожалению, не имеем данных сказать что-либо. Во всяком случае окраинное положение Новгородской и Псковской земель представляло большую опасность и не могло не вызывать большой тревоги у царя Ивана, всегда подозрительного и склонного преувеличивать возможные опасности.

На вопрос, не были ли эти сепаратистские течения запоздалой отрыжкой новгородской и псковской независимости, по-видимому, следует ответить отрицательно. Из «Синодика опальных царя Ивана» мы знаем, что в «изменное дело» новгородского владыки Пимена, кроме софьян, т. е. его дворян, было замешано и погибло множество новгородских помещиков. Из новгородских летописей мы знаем также, что после погрома самого Новгорода в новгородские пятинны были разосланы опричники, наверное, со списками заподозренных в измене лиц, которых они «без рассуждения и без пощадения» избивали на местах с семьями, а кстати грабили и убивали их крестьян. Хорошо известно, что новгородские и псковские помещики того времени были не коренными новгородцами и псковичами, а сыновьями и внуками тех московских детей боярских, которые в количестве до 2 тыс. были испомещены в Новгороде и Пскове на землях новгородских и псковских вотчинников в конце XV и в начале XVI в.) Да и среди дворян новгородского владыки верхний слой, если не большинство, был из тех же московских служилых родов. Более коренными «туземцами» была братия новгородских монастырей. Быть может, поэтому софьяне и местные монастыри были особенно склонны к измене, и, быть может, поэтому на них и их главу, владыку Пимена, царь Иван направил первые и самые тяжелые удары.

Нет сомнения, что царь получал от своих доброхотов и агентов соответствующие донесения, иногда, быть может, преувеличенные и даже ложные. В описи дел царского архива сохранились указания на то, что отдельные лица подвергались арестам, приводу в опричнину, допросам и наказаниям, но, видимо, недовольство было разлито очень широко, количество болтунов-изменников было гораздо больше, чем требуется для настоящего заговора, а поэтому действительного заговора не было. Как бы то ни было, царь Иван не нашел нужным и возможным произвести по этому поводу следствие и решил прибегнуть к террористиче-

скому методу борьбы со столь бесформенной и тем не менее очень опасной для государства изменой. Он собрал сведения, составил списки заподозренных или виновных, по его мнению, лиц и решил произвести внезапный погром Новгорода и наказать виновных по заранее заготовленным спискам, без следствия на месте.

Иностранные писатели, например Шлихтинг, рассказывают с большими прикрасами и явными преувеличениями, как Иван с большим отрядом опричников предпринял поход на Новгород, приняв меры предосторожности, чтобы застигнуть новгородцев врасплох и чтобы весть о его походе не дошла до Новгорода ранее его. Понятно, что при таких обстоятельствах наказание новгородцев за их «шатость» и литовско-польскую ориентацию вылилось в форму кровавого и чудовищного по своей нелепости «погрома, еже оприщина именуется», как выразился один новгородский летописец.

Посмотрим, что об этом думали и что говорили летописцы.

Один неизвестный нам провинциальный летописец сообщает о «совершенном разорении Великого Новеграда»: «В лето 7078 (1570.— [С. В.] году государь царь... собра все свое воинство, и поиде на Великий Новград, и тамо многое можество людей новгородских побилша и богатства много взяша. Такжеде поиде и ко Пскову граду и Псков много воевав и богатство бесчисленное множество взяли московское воинство. И громил их за то царь Иван Васильевич за их измену великую, что новгородцы хотели здати Великий Новград и другий град Псков с пригородки своими и хотели обоими городами поклониться королю литовскому отдати»³⁾

Естественно, что новгородский летописатель дал событию иное освещение и в более ярких и сильных выражениях описал погром Новгорода. В его сообщении интересно отметить то, что донос об измене новгородцев был сделан царю еще в конце 1569 г., т. е. за несколько месяцев до погрома, а также подтверждение того, что погрому не предшествовали какие-либо расследования и суд. Все было решено и жертвы намечены еще в Александровой слободе на совещаниях с Малютой Скуратовым, Алексеем Старого Мелниковым, кн. Петром Борятинским и другими наиболее доверенными опричниками. Приведу новгородское освещение событий полностью: «Пленение царя Иваново Новеграду и Пскову. В лето 7077-го декабря в 27 день, оклеветаша злые люди Великий Новград и Псков царю... будто ся хотят отложитися Литве; и прииде с великою яростию в Великий Новград с силою (т. е. с войском.— [С. В.]) и плени Новград конечно, яко же и от начала не бысть над ним; первое архиепископа Пимина взял и в заточение посла на Тулу, и святую Софею соборную церковь пограби и поимал

³ «Исторические записки», т. 10, стр. 89.

чудотворные иконы корсунские и казну всю, драгие вещи поимал, и архиепископль двор, и монастыри все пограбил, и всех людей, и многих православных умучи многими муками, а протчих людей, глаголют 60 000 мужей и жен, и детей, в великую реку Волхов вмета, яко и реки запрудитися; и по иным городом новгородским (т. е. по пригородам. — [С. В.]) тако же вся люди ограбил и монастыри, и церкви. И сице бысть Великому Новуграду заустение». Далее летописец говорит о Пскове: «Того же году в великой пост на первой недели февраля месяца прииде царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси во Псков, опричиною, со мною ратию, восхоте разорити град Псков, яко же Великий Новград; прииде с великою яростию, яко лев рыкая, хотя растерзати неповинные люди и кровь мноую пролити...»⁴.

Далее следует известный рассказ, как царь, успокоенный заступничеством наместника и наглядным выражением верноподданнических чувств псковичей, ограничился казнью нескольких десятков лиц, не дал опричникам Пскова на разграбление и ушел из Пскова, захватив с собой псковских городских приказчиков и до сотни заподозренных в измене лиц. Из «Синодика опальных царя Ивана» известно, что они были казнены на обратном пути царя из Пскова в Москву. В Пскове и Изборске были казнены два городских приказчика, десятков подъячих, несколько десятков псковичей. По дороге в Москву было казнено в селе Медне (на границе Торжка и Тверского уезда) 190 чел. и в Торжке сожжено 30 чел.⁵

Иностранные писатели дают совершенно фантастические цифры жертв новгородского похода царя Ивана, но я не буду занимать внимание читателя этим вопросом, который мне представляется несущественным. Для нашей темы было важно показать отношение современников к этому жуткому событию и к роли в этом деле царя Ивана.

Вскоре после смерти царя Ивана один псковский летописец сделал попытку дать общую оценку минувшего царствования. Ясно, что задача эта была очень трудной, и если оценка псковского обывателя вызывает у нас некоторые недоумения, то не будем забывать, что не меньше недоумений вызывают у нас рассуждения современных ученых и их попытки дать оценку личности царя Ивана и его царствованию. «Сий царь и великий князь Иван, — писал скромный пскович XVI в., — по божи милости... взят Казанское царство и Астараханское и вознесся гордостию, и начат братитися и дружбу имети з дальними цари и короли, с цысарем и с турским, а з ближними землями заратися и начат воеватися; и в тех ратех и войнах ходя свою землю запустошил,

⁴ Псковские летописи, вып. I, М.—Л., 1941, стр. 115.

⁵ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник (см. наст. изд., стр. 323 и сл.).

а последи от иноверца и сам ума изступи и землю хоте погубити, аще не бы господь живот его прекратил»⁶.

Отметим прежде всего, что в этом высказывании псковича находится в зародыше противоположение славного начала царствования Ивана, впрочем, «по божьей милости», бесславному концу. У Курбского эта идея становится резким контрастом, принятым Карамзиным и некоторыми другими историками, но тем не менее вызывавшим и вызывающим у многих историков возражения и недоумения.

Неясно, о каком иноверце говорит пскович. Может быть, он имел в виду известный и остающийся для историков загадкой эпизод с выделом Старицы и Торжка в удел казанскому царю Симеону Бекбулатовичу и с провозглашением его царем, причем сам Иван стал именоваться скромно князем Московским. Этот кратковременный эпизод для всех, не посвященных в эту игру титулами, должен был казаться нелепой причудой, исступлением ума, т. е. сумасшествием.

Приблизительно в то же время, т. е. вскоре после смерти царя Ивана, другой пскович попытался дать обобщение и, в частности, понять опричнину. Он писал, что при «державе» царя Ивана «на Москве и во всей Русской земле» были сначала «тишина и благоденствие великое, и рука государева высока над всеми ордами; многие грады и земли преклонялися под его государеву державу; и того же году и Полотцко взял» (1563.— [С. В.]). «И по том, по грехом Руския всея земли, восташа мятеж велик и ненависть во всех людех, и межусобная брань и беда велика, и государя на гнев подвигли, и за великую измену (так! — [С. В.]) государь царь учиниша опричнину; и бысть мятеж по всей земле и разделенне. И збытся христово слово: воста сын на отца, и отец на сына, и дщи на мать, и мать на дщерь, и врази человеку домашнии его. И оттого бысть запустение велие Руской земли»⁷.

И в этом высказывании мы находим противоположение славного начала царствования бесславному запустению всей земли в конце его. Попытка объяснить учреждение опричнины царским гневом на «рознь» (мятеж) и «межусобную брань» может показаться на первый взгляд очень странной. Но не следует сосредоточивать внимание на писательской беспомощности и неумении автора выражать свои мысли. Основная мысль его очень интересна и заслуживает полного внимания. Мне кажется возможным раскрыть и разъяснить ее так.

Многочисленные, разносторонние и глубокие реформы середины века вызвали величайшее возбуждение во всех слоях общества и не могли не задеть весьма существенно интересы отдельных лиц, групп и целых классов населения. В полемических

⁶ Псковские летописи, вып. 1, стр. 116.

⁷ Там же, стр. 113.

произведениях и в других источниках этого времени мы находим множество отзвучков «великого мятежа», различных мнений и столкновения интересов. В конце этого периода славных реформ положение осложнилось вопросами международной политики. Завоевание Казанского и Астраханского царств и борьба с южными татарами потребовали огромных жертв: от служилого класса — личных и материальных, а от прочих слоев населения — главным образом материальных, в виде чрезвычайных налогов и повинностей. Но неизбежность борьбы и жертв на восточном и южном фронтах была для всех ясна, а блестящий успех оправдал все жертвы и высоко поднял царскую власть и авторитет царя Ивана в глазах населения.

Совершенно иное положение создалось, когда встал вопрос о войне с Орденом. Никакой непосредственной военной опасности Ливонский орден для западных границ Московского государства не представлял. Ливония преграждала нам выходы в Балтийское море и препятствовала развитию сношений с Западной Европой, но этот вопрос был выше понимания широких масс населения. Только немногочисленные представители высших правительственных кругов могли предвидеть, что война с Орденом скоро и неминуемо превратится в войну с соседними государствами, в первую очередь со Швецией и с Польско-Литовским государством, из-за Ливонии. Так, можно сказать, что Ливонская война не находила сочувствия у широких масс населения, была непонятна им и вызывала разногласия в правящих кругах Московского государства.

Не прекратились разногласия и тогда, когда жребий был брошен и война началась, так как вскоре начались международные осложнения не только со стороны Швеции и Польши, но и со стороны таких дружественных держав, как Дания. Для всех, даже для людей, не посвященных в политику, становилось ясным, что война потребует огромных жертв личных и материальных, в то время как население еще не успело оправиться от казанского и астраханского походов и столкновения с крымскими татарами.

Царь Иван был убежденным и последовательным сторонником борьбы за Прибалтику. После первых блестящих успехов русского оружия и позже, когда начались затруднения и неудачи, Ивану казалось, что если бы не постоянное «претыкание» его воевод (по-нашему — саботаж), то можно было бы покорить и завоевать не только Ливонию, но и всю Германию.

Несомненное неудовольствие и ропот населения из-за тяжелых чрезвычайных налогов, вызванных войной, острые разногласия в среде государственных советников, думных людей и вообще в окружении царского двора, несвоевременные возражения и «претыкания» воевод создавали атмосферу того «великого мятежа» «во всех людях», который во время войны представлял не только большие неудобства, но даже государственную опасность.

Этим и был вызван тот «гнев» царя Ивана, под влиянием которого он решил учредить опричнину. Мне кажется возможным так понять приведенное выше высказывание псковского летописца.

Но у читателя, естественно, возникает вопрос: какая же связь между царским гневом на всеобщий «мятеж» и учреждением опричнины? Это нуждается в подробном разъяснении, которое будет дано ниже, а пока отмечу, что, по мнению того же летописца, опричнина оказалась неудачным средством устранить опасный для государства мятеж и «междоусобную брань» и в результате привела всю Русскую землю к «великому запустению». Иными словами, если раскрыть лапидарные выражения летописца, следует сказать, что царь Иван, освободившийся в опричнине от непрошенных советов своих думцев и взявший в свои руки бразды правления, оказался плохим политиком, довел страну до запустения и в конце концов проиграл эту войну, потребовавшую от всех слоев населения огромных жертв.

Приведенных свидетельств летописцев, современников царя Ивана и очевидцев его деятельности, как мне кажется, вполне достаточно, чтобы убедиться, что отрицательное отношение к личности царя и его делам, в особенности к опричнине, если и возможно назвать клеветой, как выражался один новейший историк царствования Ивана, то в этой клевете повинны вовсе не одни дворянские публицисты, враги демократической монархии, но также и средние слои населения, к которым следует причислить летописателей. Народ же в широком смысле слова, как у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове», «безмолвствует», т. е. мы не имеем таких памятников письменности, которые исходили бы из народной среды и выражали бы ее мнение. Не обладая даром слова, народ выражал свое отношение к событиям делом: покидал свои убогие жилища, бросал семью и привычный труд и «брел розно», куда глядят глаза.

Жуткую картину запустения дают обыскные книги в новгородских пятинах, составленные администрацией по предписанию из Москвы вскоре после новгородского погрома 1570 г. Книги пе­стряты перечислением убитых опричниками и разбежавшихся крестьян, указаниями на разграбление их имущества и скота, на заброшенную пашню и поросшие кустарем покосы⁸.

Оставаясь пока в пределах отечественных источников, укажу на правительственные описания разных частей государства, произведенные в конце царствования Ивана и при царе Федоре. В них обыкновенно нет прямых указаний на опричнину, они подводят, так сказать, итоги всем последствиям событий царствования Ивана, и в этом их большая историческая ценность. Они дают право сказать, что многие известные нам центральные уезды Московского государства представляли такую же картину

⁸ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I—II. М., 1905—1909.

запустения, как 20—30 лет спустя, после гражданской войны и польско-литовской интервенции первых десятилетий XVII в.

Посмотрим источник совсем другого рода — былины, плод истинно народного коллективного творчества. Напомню содержание известной былины о царевиче Иване, Малюте Скуратове и Никите Романове.

В царских палатах веселый и шумный пир. Подвыпившие гости хвастаются и похваляются друг перед другом, кто во что горазд. Царь Иван похаживает между гостями и начинает похвалиться тем, что вывел дочиста измену и в Москве, и в Новгороде Великом, и во всех городах. Один из гостей осмеливается просить у царя слова и холопски-коварно говорит, что измена выведена еще не везде, собственный-де его сын, царевич Иван (в иных версиях былины — Федор), — изменник. Разгневанный царь тотчас дает приказание Малюте найти царевича и казнить его.

Царь Иван умер после непродолжительной болезни, приняв на одре болезни монашеский чин. Ходили темные слухи, что он был задупчен своими любимцами Богданом Бельским и Борисом Годуновым. Проверить эти слухи, конечно, невозможно, но ничего невероятного в этом нет.

Наступило царствование кроткого, «гораздо тихого» и богомольного Федора. И летописцы, и повествователи на разные лады стали со вздохом облегчения восхвалять незлобивого и неспособного к правлению царя. На жизненную сцену стали выходить новые поколения людей, знавших события минувшего царствования только по рассказам отцов. Этим поколениям пришлось пережить новую эпоху величайших потрясений Московского государства.

Под впечатлением этих событий появилось большое количество литературных произведений разного рода, в том числе исторических. Обогащенные горьким опытом и сведениями о прошлом, авторы этих произведений старались понять, осмыслить и объяснить себе и читателям огромные и сложные события родного прошлого. Среди этих авторов для нашей темы особенно интересны Иван Тимофеев, автор «Временника», и автор так называемого Хронографа 1617 г.

Детство и, быть может, отрочество Ивана Тимофеева приходится на конец царствования Ивана Грозного. В конце царствования Федора Иван Тимофеев был уже дьяком и в этом чине присутствовал на соборе, избравшем после смерти Федора на царство Бориса Годунова. Поскольку он происходил из просто-народья, его дьячеству должно было предшествовать несколько лет службы в подьячих. В конце царствования Бориса Годунова Иван Тимофеев был дьяком Большого прихода, одного из главных финансовых приказов. При первом самозванце и при Василии Шуйском Иван Тимофеев принимал участие в походах как дьяк полкового наряда, т. е. артиллерии. В 1607 г. он был послан в Великий Новгород и оставался там до захвата Новгорода шве-

дами. Неизвестно, где он был в эпоху междоусобицы и «московского разорения», но при царе Михаиле мы видим его на службе в разных городах: в 1618—1620 гг. — в Астрахани; в 1621 г. — дьяк у «приказных дел», т. е. специальных поручений; в 1622—1625 гг. — в Ярославле и, наконец, в 1626—1628 гг. — в Нижнем Новгороде. По-видимому, это была его последняя служба. Из этой справки видно, что Иван Тимофеев был человеком с большим жизненным опытом. К сожалению, в своем «Временнике» он отводит гораздо более места морализированию и философствованию, чем фактическим сообщениям. О царе Иване дьяк Тимофеев, если выразиться мягко, очень невысокого мнения.

По поводу опричнины Иван Тимофеев сообщает следующее: Царь Иван был «к ярости удобь подвижен», т. е. очень вспыльчив, а в ярости не знал милосердия. Позволю себе сделать отступление и привести свидетельство иностранца, имевшего возможность видеть царя Ивана и получать сведения от очевидцев. Я имею в виду Принца из Бухова, который дважды посетил Московию — в 1567 г. с цесарским послом Кобенцелем и в 1578 г. Записка Принца о московских делах составлена в 1577 г., после первого посещения Московии. Принц рисует такой портрет Ивана: «Он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно толстое, большие глаза, которые у него постоянно бегают и наблюдают все самым тщательным образом. Борода у него рыжая с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, но волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пепу, словно конь, и приходит как бы в безумие; в таком состоянии он бесится также и на встречных»⁹.

О запальчивости царя Ивана, особенно во второй половине его жизни, так много свидетельств, что приводить их мне представляется совершенно излишним. Достаточно напомнить общеизвестный и несомненный факт побоев, нанесенных Иваном в запальчивости своему сыну, от которых тот умер.

Учреждение опричнины Иван Тимофеев по своей склонности морализировать объясняет так: «От умышления же зельные ярости на своя рабы подвигтся (царь Иван.— [С. В.]) толик, яко возненавиде грады земля своя вся и во гнѣе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко своеверны сотвори... и всю землю державы своя, яко секирою, наполю некако разсече». Царь избил множество вельмож и «добромыслимых людей», иных прогнал в чужие земли, стал приближать к себе иностранцев, щедро одарял их, а иных посвящал даже в тайные дела¹⁰.

⁹ «Начало и возвышение Московии, сочинения Даниила Принца из Бухова». — «Чтения ОИДР», кн. 3, М., 1876, разд. IV, стр. 27.

¹⁰ РИБ, т. XIII, стр. 271.

Новое издание «Временника» Ивана Тимофеева см. «Временник Ивана Тимофеева», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951.— *Прим. ред.*

Можно думать, что автор сильно преувеличивал симпатии царя к иностранцам и их роль в событиях, но зная таких проходивцев, как лифляндские дворянчики Таубе и Крузе, как Штаден, которые пользовались доверием царя Ивана, можно сказать, что попытки царя найти в иноземцах верных сотрудников в противовес своим отечественным холопам были весьма неудачными.

Далее Иван Тимофеев пишет, что царь, отделив опричников от земских, как волков от овец, наложил на опричников «тьмообразные», т. е. адские, «знаменья»: «вся от главы и до ног в черное одеяние облек...» Сообразно одежде опричники были посажены на вороных коней, и «по всему воя своя яко бесчелобивы слуги сотвори». Когда опричники, все в черном, на вороных конях скакали на казнь, одни, не смея ослушаться приказания царя, другие «самоохотливо», чтобы выслужиться и обогатиться, они одним своим свирепым видом приводили людей в ужас¹¹.

Будучи на службе в Новгороде в 1607—1610 гг., И. Тимофеев имел возможность слышать от местных старожилов много рассказов о новгородском погроме 1570 г. Все, что он рассказывает в своем «Временнике» по этому вопросу, не превышает того, что сообщают об этом летописцы и иностранные писатели. Отмечу в его рассказе только две подробности. Во-первых, он говорит, что повсюду валялось так много трупов убитых, что собаки, дикие звери и хищные птицы не успевали их пожирать. А затем Иван Тимофеев отмечает, что царь «по жребыю» делил между опричниками награбленное у новгородцев добро.

Автор Хронографа 1617 г. в ярких, несколько трафаретных выражениях рисует привлекательный образ царя: царь Иван был искусен и непобедим в ратных делах, умел «на рати копием потрясати», был ловким и храбрым всадником, «бысть же и в словесной премудрости ритор, естеством словесен и смышлением быстроумен», «еще же и житие благочестиво имый и ревностью по бозе присно препоясая»¹². Не вяжется с этими преувеличенными похвалами то, что автор вслед за этим говорит об опричнине. Со смертью царицы Анастасии в царю произошла большая перемена — «превратися многомудреный его ум на прав яр»¹³.

По поводу этой перемены автор недоумевает или делает вид, что недоумевает, и вуалирует свои высказывания недомолвками и неясностями. О смерти царевича Ивана он говорит также уклончиво, как и И. Тимофеев: «О нем же (т. е. о царевиче Иване.— [С. В.] нецыи глаголаху, яко от отца своего ярости прияти ему болезнь и от болезни же и смерть»¹⁴. При этом смерть царевича автор загадочным образом связывает с опричниной и казнями царя Ивана — в «Писании» правильно говорится, что «царение

¹¹ РИБ, т. XIII, стр. 272—273.

¹² Там же, стр. 1274—1275.

¹³ Там же, стр. 1275.

¹⁴ Там же, стр. 1276.

похоти пременяет нрав незлобив». От этого «парения похоти», т. е. от страстей и аффектов, царь Иван стал «сокрушать» своих родственников и близких к нему вельмож, «еще же и крамолу, междусобную возлюбил, и во едином граде едины люди на другие поустил» (т. е. натравил. — [С. В.]), одних называл земскими («себе собственны»), а других опричными. «И сицевых ради крамольств сына своего большего царевича Ивана... от ветви жизни оторгну»¹⁵.

Представление о том, что учреждением опричнины царь Иван «всю землю державы своея, яко секирою, наполил некако расече», вовсе не было позднейшей попыткой понять опричнину. Такого же, по существу, мнения был человек большого ума и не только современник опричнины, но и деятель, занимавший высокий пост, погибший за свой протест против опричнины. Когда царь и иерархи церкви понуждали соловецкого игумена Филиппа Кольчеза занять пост митрополита, Филипп отказывался и «о том говорил, чтобы царь и великий князь отставил опричнину» и «соединил бы воедино, как преже того было», а «не отставит царь и великий князь опричнины, и ему в митрополитах быть невозможно»¹⁶.

Если попытаться раскрыть высказывания Ивана Тимофеева и автора Хронографа, можно сказать, что, по их представлениям, царь Иван разделил всю землю Русскую, рассек, «яко секирой», «наполил» не по горизонтали социальной пирамиды, а по вертикали, сверху до низу, и одну часть людей «в едином граде» «поустил» на другую часть.

Высказывания Ивана Тимофеева и автора Хронографа полезно сопоставить с источником совершенно другого рода — с наблюдениями англичанина Флетчера, которые можно рассматривать как отклики правящих боярских и приказных верхов Московского государства, где Флетчер вращался во время своего непродолжительного пребывания в Московии. Незнакомый с русским языком, со всем укладом жизни Руси, с ее историей, Флетчер собирал слухи, толки и рассказы и сообщил, переведя их на язык своих понятий. Главной целью политики царя, по мнению Флетчера, было усиление своей самодержавной власти. «Средства и меры, употребленные для этого царем как против князей удельных, так и других дворян (сколько я мог заметить, судя по рассказам о его действиях), были следующие или тому подобные: во-первых, он посеял между ними личное соперничество за первенство в чинах и званиях и с этой целью подстрекал дворян, менее знатных по роду, стать выше или наравне с теми, которые происходили из домов более знатных. Злобу их и взаимные распри он обращал в свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно козней и

¹⁵ РИБ, т. XIII, стр. 1275—1276.

¹⁶ СГГид., т. I, стр. 557.

заговоров, будто бы замышляемых против него и против государства. Ослабив таким образом самых сильных и истребив одних с помощью других, он, наконец, начал действовать открыто и остальных принудил уступить ему права свои»¹⁷. Далее Флетчер говорит о разделении подданных на две части, т. е. земских и опричных, и заключает: «Столь низкая политика и варварские поступки, хотя и прекратившиеся теперь (т. е. в царствование Федора.— [С. В.]), так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно окончиться не иначе, как общим восстанием»¹⁸.

Так предвидел и предсказывал дворцовые перевороты и гражданскую войну иностранец, человек умный и наблюдательный, но мало знакомый с русской жизнью и пробывший в Московии недолго.

Мы не настолько хорошо знаем летописно-повествовательную литературу XVII в., чтобы иметь возможность проследить эволюцию мнений о царе Иване. Поэтому я ограничусь только двумя выписками из позднейших хронографов, заимствуя их у С. М. Соловьева. Самый язык выдержек свидетельствует, как мне кажется, о том, что авторы не дословно списывали свои источники, а подновляли их и вносили некоторые изменения. Таким образом, их высказывания можно рассматривать как некоторый осадок, как попытку понять по-своему время и личность царя Ивана.

Хронограф 1691 г. из собрания Публичной библиотеки писал: «Попущением божиим за грехи наши возъярися совет Иван Васильевич на все православие по злых людей совету Василия Юрьева (царского шурина Василия Михайловича Юрьева Захарина.— [С. В.]) да Алексея Басманова и иных таких же, учиниша опричнину, разделение земли и градов, а сам царь живяше на Петровке и хоуждаше и ездяше в черном платье, и все (опричники.— [С. В.]) с ним¹⁹, и бысть туга и ненависть на царя в миру, и кровопролития и казни учинились многие»²⁰.

Вторая выдержка дает общую оценку царствования Ивана, смешивая опричнину, упраздненную в 1572 г., с кратковременным эпизодом провозглашения великим князем царя Симеона Бекбулатовича: «За умножение грехом всего православного христианства царь Иван Васильевич сопротивник обретесе и наполнился гнева и ярости; нача подвластных своих сущих раб зле и немилостиво гонити и кровь их пролияти и царство свое, порученное ему от бога, раздели на две части: часть едину себе отде-

¹⁷ Джилльс Флетчер. О государстве русском. СПб., 1905, стр. 30—31.

¹⁸ Там же, стр. 31—32.

¹⁹ Опричный дворец был поставлен на месте двора ки. Михаила Темрюковича Черкасского на Моховой, а подле него до р. Неглишней и до Петровки были расположены дворы опричников.

²⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2. СПб., изд. «Общественная польза», стр. 167.

ли, другую же часть царю Симеону Казанскому поручи; сам же отоиде от единых малых градов, Старицу зовому и тамо жительствуя. Прозва свою часть опришники, а другую часть царя Симеона именована земщина, и заповеда своей части оную часть насилovati и смерти предавати и дома их грабити, и воевод, данных ему от бога, без вины убивати повеле, не усрамися же и святительского чина, овых убивая, овых заточению предавая, и грады краснейшие Новоград и Псков разрушати, даже и до сущих младенцев повеле. И тако многа лета во дни живота своего провождая уже и наконец старости пришед, права же своего никакоже не переменя»²¹.

По поводу этих и подобных высказываний современников и позднейших повествователей В. О. Ключевский эффектно состроил, что опричнина царя Ивана казалась странной и непонятной как современникам, пострадавшим от ее эксцессов, так и историкам, пытавшимся понять ее и разгадать ее государственной смысл. В. О. Ключевский не нашел в учреждении опричнины никакого государственного замысла, не приписывал в этом случае Ивану никаких реформаторских идей. С. Ф. Платонов находил, что обывательские мнения современников не могут «удовлетворить всех», что они не заслуживают внимательного разбора, и сделал попытку задним числом, через 300 лет, с высоты профессорской кафедры осмыслить явления, которые были непонятны современникам. Подробно об этом я буду говорить ниже, а пока замечу, что плохо дело государственного деятеля, если его действия остаются непонятными никому из современников и кажутся столь же странными и непонятными ученым XX в.

Приведенные выдержки из хронографов, по существу, повторяют то, что мы находим у предшествовавших авторов: учреждение Опричного двора привело к разделению государства на две враждебные части, никаких реформаторских целей учреждение опричнины не преследовало; учредив опричнину, царь не только «поустил», т. е. натравил, одну часть населения на другую, но и «заповедал», т. е. приказал, опричникам насиловать, грабить и [убивать].

1944 г.

²¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2, стр. 168—169.

воеводам; в грамотах содержались ложные и преувеличенные сведения о количестве, местонахождении и передвижении московских полков. Гонец должен был, как бы по неосторожности, попасть в плен и своими показаниями на допросе и грамотой вести врага в заблуждение. Штаден изобразил это как обман царем Иваном своих собственных воевод, тогда как в действительности обманутым был крымский хан.

В нашей отечественной историографии очень рано утвердилось скверное обыкновение подхватывать и принимать на веру всякую ложь и клевету на нашу родину, в особенности же на ее правителей, которую историки и читатели находили у иностранцев, писавших о России. Сообщения и высказывания иностранцев считались особо авторитетными как мнения «просвещенных европейцев», хотя незнакомство с русской жизнью, непонимание ее самобытного уклада и явно завистливое, враждебное отношение были очевидны. Чтобы предостеречь читателей писаний Штадена, позволю себе охарактеризовать самого автора и подвергнуть некоторой критике его сочинения.

Едва грамотный, необразованный и некультурный авантюрист Штаден был лишен каких бы то ни было понятий о чести и нравственности. С отвратительным цинизмом и преувеличениями он хвастливо рассказывает о своих проделках, убийствах и грабежах, которые он совершал, прикрываясь званием и положением опричника. Нельзя сказать, что он был лишен наблюдательности и ума, но его наблюдательность и сметливость сводятся к сметливости бессовестного и ловкого плута, который смотрит на все события с точки зрения возможности использовать их в целях наживы. Общим смыслом событий и мотивами действий царя Штаден не интересуется, да и по своей необразованности он не был способен их понять. При поверхностном знакомстве со строем Московского государства и вообще с условиями тогдашней русской жизни Штаден не вникает во внутренний смысл описываемых явлений и дает только внешние черты.

По низменности своей натуры Штаден меряет все и всех на свой аршин. При описании приказного аппарата центрального управления Штаден с видимым вкусом говорит главным образом о взятках и злоупотреблениях приказных, о том, как они обирали казну и население, как будто вся их деятельность сводилась только к этому. Приведу пример, который мне кажется характерным для манеры изложения Г. Штадена. В Московском государстве XVI—XVII вв. землевладельцы, освобождаемые по тем или иным причинам от военной службы, например отставленные от службы за старостью и увечьем, вдовы и сироты-недоросли, должны были давать со своих поместий и вотчин даточных людей или платить особый налог. Этим делом заведовал, между прочим, главный военный приказ — так называемый Разряд или Разрядный приказ. Конечно, в этом деле, как во всяком деле челове-

ских рук, были возможны злоупотребления, но вот как изобразил это Штаден и что он нашел нужным сообщить об этом важном приказе: «Иван Григорьевич (Клобуков, дьяк.—[С. В.] был в Разряде (Krigscanzelei). Те князья и бояре, которые давали денег в этот приказ, не записывались в воинские смотренные списки (Krigsmusterregister), а кто не мог дать денег, тот должен был отправляться (в поход), даже если ничего, кроме палки, не мог принести на смотр. В этом приказе ведались все польские дела». Вот все, что мог сообщить Штаден о Разряде⁶.

Еще пример, и на этот раз последний. Правительство не раз напоминало дьякам Ямского приказа, и ямские дьяки смотрели за подъячми, чтобы они не посылали нарочных гонцов с грамотами по маловажным делам, а накапливали по несколько грамот или использовали для отправки их по городам попутчиков-челобитчиков, которые приезжали в Москву и бывали в Ямском приказе. Кроме этого небольшого дела отправки грамот в города, Ямской приказ ведал всей организацией и отправлением ямской гоньбы, [был] как бы Министерством связи. Вот что сообщает об этом важном приказе Штаден: «В Ямском приказе (Postcanzelei) обычно, когда приказывали отправлять грамоты (Briefe), устраивали так: копчили ребята (т. е. подъячие.— [С. В.] все грамоты вместе и отправляли их на ямских (auf die Post) все зараз. А затем представляли полный счет — сколько раз и когда лошади (будто бы) были наняты, и оставляли себе деньги, которые должны бы лежать (!? — [С. В.] в казне»⁷. Как ловкий плут, Штаден сразу смекнул, что в этом небольшом деле можно было жульничать, и только об этом нашел нужным сказать для характеристики Ямского приказа.

Для общей характеристики писаний Штадена приведенных примеров вполне достаточно.

По вопросу о начале опричнины и первых годах ее существования Штаден дает очень мало нового и еще меньше достоверного. Его сообщения о некоторых наиболее выдающихся жертвах опричнины сделаны без соблюдения последовательности событий и зачастую недостоверны. Исключительную ценность для истории города Москвы представляет у Штадена обстоятельное, какого мы еще не имели, описание расположения строений, их внешнего вида и назначения московского Опричного двора. В связи с другими сведениями о Москве и рассказом о майском пожаре Москвы 1571 г., во время набега Девлета, описание Опричного двора Штадена дает много нового.

Особую ценность писаний Штадена представляют те места, где он говорит о последних годах опричнины, когда он сам служил опричником и писал как очевидец.

⁶ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 80

⁷ Там же, стр. 81.

Если говорить вообще о положении вопроса (об опричнине) в нашей историографии, то можно сказать, что причины ее «отставки» в 1572 г. были для историков не меньшей загадкой, чем мотивы и цели ее учреждения.

Карамзин почерпнул у иностранных писателей сообщение, что опричнина просуществовала семь с половиной лет, но, не имея сведений в наших источниках, обошел вопрос и ограничился замечанием, что если казни и опалы не прекратились, то, по крайней мере, исчезло «ненавистное имя» опричнины. Автор примечаний к I тому «Актов Археографической экспедиции» высказал предположение, ни на чем не основанное, что «двор», «дворовые» приказы и города, которые упоминаются в источниках после 1572 г., суть то же, что опричнина, но под другим названием. Соловьев принял мнение Карамзина и редактора ЛАЭ, и оно в различных формулировках повторяется у последующих историков, включая С. Ф. Платонова. Об отставке опричнины в 1572 г. либо умалчивают как о незначительном факте, либо трактуют ее, надо признаться, довольно наивно, как «перемену вывески» на том же учреждении, так как старая «вывеска» всем опротивела и название Опричного двора стало ненавистным.

Записки Штадена дают ценные сведения по этому существенному вопросу: Штаден, сам того не подозревая, в ярких красках рисует разложение опричнины как учреждения, дает некоторый материал для суждения о причинах отмены опричнины и, наконец, сообщает очень интересные факты из своей жизни, из которых видно, во что на практике вылилось упразднение Опричного двора. Сообщения Штадена не разрешают всех вопросов, но, несмотря на свою недостаточность, не оставляют никаких сомнений в том, что отставка или упразднение в 1572 г. Опричного двора было государственным актом царя Ивана, гораздо более важным, чем «перемена вывески» или ставшего всем ненавистным названия.

Близость опричников к источнику всех милостей и благ и особое покровительство царя сами по себе оказывали на опричнину развращающее влияние. Штаден отмечает, что служба опричников оплачивалась, по сравнению с земскими, гораздо лучше и деньгами, и поместьями, и прочим, не говоря о том, что иногда опричники получали долю в добыче, а то и просто разрешение брать все, что им угодно, у населения, подвергавшегося репрессиям. Он цинично хвастается, как, отправляясь с царем на погром Новгородца, он выехал на одной лошади; «вернулся же я (в Москву. — [С. В.] с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные добра»⁸.

По словам Штадена, после учреждения Опричного двора великий князь послал в земщину (in die Semsky) приказ (Mandat):

⁸ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 145.

Судите праведно, наши (т. е. опричные.— [С. В.]) виноваты не были бы»⁹. Никто из земских судей и дьяков не осмеливался вынести по суду решение не в пользу опричника.

Если опричник жил где-либо по соседству с земским, то он мог не боясь никакой ответственности, отнимать у соседа землю, имущество и т. п. Поскольку в это время крестьяне имели еще право отказа и выхода, опричники, пользуясь своим привилегированным положением, сманивали крестьян из поместий и вотчин земских, а «кто не хотел добром переходить от земских под (власть.— [С. В.]) опричных (unter die Aprisna), тех вывозили насильством» (mit Gewalt geholet)¹⁰.

Подобные беззакония бывали и раньше, но теперь, в условиях опричного террора и безнаказанности опричников, они стали нормальным явлением, заурядной формой отношений опричных слуг царя Ивана к его «холопам» из земщины. Учреждая Опричный двор, царь Иван указал испомещать опричников «с одного», т. е. вместе и не чересполосно с земскими. Для этого всех земских выселяли из уездов, взятых в опричнину. А сверх того, лица, принятые на службу в опричнину, должны были приносить особую присягу в том, что они не будут иметь никакого общения с земскими, не будут вступать с ними в браки, «а если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать»¹¹.

По мере усиления террора и количественного роста Опричного двора царю Ивану приходилось быть менее разборчивым в выборе своих слуг, и в опричнину «примазалось» множество подонков общества, по выражению кн. Курбского, «похлебников и отовсюду злодеев, во всем согласующих злостям» царя. У Штадена мы находим на это прямые указания. Например, он рассказывает, что опричники, отправляясь по делам службы в отдаленные от центра уезды Поморья, составляли подложные указы и вымогали у богатых торговых людей и крестьян деньги под предлогом, будто царь вызывал их и их красивых дочерей в Москву, и за взятку освобождали от этой поездки. «Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе указы, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя. Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно!»¹².

Во время кошмарных погромов Новгорода, Твери и Пскова и непосредственно вслед за ними разгул опричнины дошел до того,

⁹ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 86.

¹⁰ Там же, стр. 95.

¹¹ Там же, стр. 93.

¹² Там же, стр. 95—96.

что стал вызывать восстания, избения опричников и поднял со дна общества отбросы, которые переодевались опричниками и пользовались тем, что население утратило всякую способность отличать опричника — царского слугу от простого разбойника. У Штадена мы находим много свидетельств полного разложения опричнины.

В рассказе о погроме Новгорода Штаден, между прочим, говорит: «Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек. Некоторые из земских переодевались опричниками и причиняли великий вред и озорство, таких выслеживали и убивали»¹³. Несколько вышше он говорит: «Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них были тайно убиты»¹⁴. Столкновения земских с опричниками иногда принимали размеры целых сражений. Возвращаясь в Москву после погрома Новгорода, Штаден «получил известие, что в одном месте земские побили отряд в 500 стрелков-опричников»¹⁵.

Погромы и разграбление целых областей, таких, как новгородские пятины и Псков, и широко разлившаяся по стране спорадические разбои, происходившие на фоне голода и чумной эпидемии, приняли в 1570—1572 гг. характер большого государственного бедствия. У современников, естественно, складывалось представление, будто царь Иван «возлюбил междуусобную крамолу», навравлявал одну часть населения на другую и «заповедал», т. е. приказал, опричникам насиловать, грабить и убивать земских. Нет надобности говорить, что царь Иван никогда не ставил себе подобных целей. Учреждая Опричный двор, он имел в виду в первую очередь обеспечить себе личную безопасность, а затем получить свободу действий, но употребленные им для этого средства вызвали такие гетерогенные, непредвиденные и нежелательные следствия, что исказили до неузнаваемости его замысли и намерения.)

Сообщение Штадена о конце опричнины, несмотря на присущую ему сумбуриность и поверхностность изложения, представляют исключительную ценность; таких важных сведений мы не находим ни у одного другого писателя. Сопоставляя показания Штадена с другими источниками, можно представить себе дело так.

Экцессы опричников во время погромов Новгорода, Пскова и других городов привели Ивана к решению обуздать опричников, подтянуть, если можно так выразиться, и навести некоторый порядок в Опричном дворе. «По своей прихоти и воле опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: довольно!»¹⁶.

К этому приблизительно времени относится загадочное исчезновение со сцены одного из самых больших опричников, боярина

¹³ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 91.

¹⁴ Там же, стр. 87.

¹⁵ Там же, стр. 145.

¹⁶ Там же, стр. 96.

Алексея Даниловича Басманова. По словам Курбского, А. Д. Басманов был убит по приказанию царя собственным сыном Федором. Подтверждения этому в других источниках мы не находим, но, как бы то ни было, А. Д. Басманов, как говорит перечень думных людей, «выбыл» из числа бояр.

Но опалой царя на отдельных опричников дело не ограничилось. Раньше царь покровительствовал безнаказанности опричников, так что земские не могли найти на них управы ни в одном суде. Теперь, непосредственно после погрома Новгорода, во всяком случае не позднее первых месяцев 1571 г., «великий князь сыграл обратную игру»: он приказал собрать во всех земских приказах все искн земских к опричникам и взыскать с опричников все полностью. Земские получили бы очень большие суммы, если бы майский пожар Москвы 1571 г. не истребил все дела и документы в приказах. «Это решение (царя.— [С. В.]) пришлось не по вкусу опричникам. Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины»¹⁷.

Далее Штаден, путая последовательность событий, сообщает имена некоторых опричников.

Кн. Афанасий Вяземский «умер в посаде Городецком в железных оковах»¹⁸. По словам Шлихтинга, причиной опалы царя было то, что А. Вяземский выдал Григорию Ловчикову тайное намерение царя разгромить Новгород врасплох.

Про Басмановых Штаден сообщает: «Алексей Басманов и его сын Федор, с которым великий князь обыкновенно предавался разврату, были убиты»¹⁹. Мы не знаем времени и обстоятельств гибели Басмановых, несомненно только, что Федор погиб приблизительно через год после отца. Во вкладной книге Троицкого монастыря в 7079 г. (т. е. в 1571 г.) записано, что по его душе царь пожаловал 100 руб. Чем объясняется эта исключительная заботливость царя о душе Федора Басманова, можно только догадываться.

Далее Штаден перечисляет десяток крупных опричников, погибших, несомненно, в разное время. Так, поместный дьяк Постник Суворов, Григорий и Никита Грязные погибли после отставки в 1572 г. опричнины. Для нашей темы следует отметить те казни, которые произошли до отмены опричнины. В работе о «Синодике опальных» я показал, что известный опричник Петр Васильевич Зайцев [погиб] в июле или августе 1571 г., т. е. приблизительно за год до отставки опричнины. Тогда же, по-видимому, погибли кн. Василий Темкин Ростовский и менее значительный опричник Григорий Дмитриевич Ловчиков, о котором Штаден не упоминает. По словам Штадена, В. Темкин был утоплен,

¹⁷ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 96.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

а П. Зайцев повешен на воротах своего дома «перед спальней»²⁰.

О смерти царского шурина кн. Михаила Темрюковича Черкасского Штаден говорит, что он был зарублен алебардами и топорами стрельцов, не связывая его казнь с майским набегом крымского хана Девлета. И далее, в рассказе об этом событии и о пожаре Москвы, Штаден ничего не говорит о несомненном влиянии этих событий на решение царя упразднить опричнину.

Напомню главные факты, дискредитировавшие в глазах Ивана опричнину как личную охрану царя и как военную организацию вообще. Весной 1571 г. в Москве переживали большую тревогу в ожидании грозившего набега хана Девлета. Было известно, что Девлету удалось привлечь к своему предприятию погайских мурз и кабардинских князей, которые обыкновенно враждовали с крымцами и не раз наносили им по стовору с Москвой или по своей инициативе тяжелые удары. Во главе опричных и земских полков, расположенных по обыкновению на Оке и в заочских городах, царь Иван поставил своего шурина кн. М. Черкасского и воевод из опричнины.

Сам царь находился в ставке кн. М. Черкасского, когда стало известно, что с Девлетом идет на Москву его тесть, отец его покойной жены Марьи Темрюковны и ее брата, главнокомандующего кн. Михаила, кн. Темрюк Айдарович. По-видимому, эта весть была причиной гибели кн. Михаила. По одним известиям, он был посажен на кол. Штаден говорил, что он был зарублен стрельцами. Несколько позже московские послы в Крыму на вопрос, за что был казнен Михаил Черкасский, должны были говорить, что он не был казнен, а пропал без вести в смятении, которое произошло, когда полчища Девлета без боя, не встречая сопротивления, прошли через московские полки и сожгли беззащитную Москву.

К сожалению, сохранившиеся источники не дают возможности установить последовательность событий, т. е. казнь ли главнокомандующего вызвала пагубное смятение в московских полках или страх перед превосходящими силами Девлета и неспособность опричных воевод были причиною постыдной робости и бездеятельности, открывших Девлету дорогу на Москву и вызвавших казнь М. Черкасского.

Как бы то ни было, растерявшийся царь в панике бросил свои полки и, не задерживаясь в Москве, скрылся в Ростов. Это дало возможность Девлету не только сжечь Москву, но и отступить, увозя с собой огромное количество пленных и увозя богатую добычу, не считаясь с полками, расположенными в городах на путях его отступления. Именно этот прискорбный в жизни царя Ивана эпизод подал повод кн. Курбскому называть его «бегуном и хорошей». Так, можно сказать, что если эксцессы опричнины време-

²⁰ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 97.

ни новгородского и других погромов побудили Ивана мерами строгости обуздать и дисциплинировать опричнину как учреждение, то набег Девлета и сожжение Москвы в 1571 г. подорвали веру Ивана в опричнину как охрану личной безопасности и как военную организацию. Такая оценка событий 1570—1571 гг. подтверждается тем, что в следующем году, когда Девлет предпринял вторичный набег, царь Иван поручил командование земским войскам, подчинил им опричные полки, смешав их с земскими, и во главе поставил земского воеводу кн. Михаила Ивановича Воротынского, героя взятия Казани, в 1562 г. сосланного в опале на Белоозеро и в 1566 г. помилованного.

Известно, что Воротынский и земские воеводы вполне оправдали доверие Ивана и наголову разбили Девлета. Во время второго набега Девлета царь Иван находился в Великом Новгороде. 6 августа он получил весть о поражении Девлета, а в последних числах августа вернулся в Москву и «неожиданно для своих подданных», как выразился Карамзин, объявил свое решение «отставить» опричнину. Факты, сообщаемые Штаденем, дают право сказать, что отмена опричнины произошла не неожиданно, по крайней мере для виднейших опричников, что ей предшествовали опалы и казни многих крупных опричников и что дело было далеко не в смене «вывески» или в новом названии организации, оказавшейся негодной.

Посмотрим, что дает Штаден. для понимания интересного и досих пор не выясненного историком вопроса, в чем состояла «отставка» опричнины. Напомню, во-первых, что Опричный дворец в Москве, сожженный Девлетом в мае 1571 г., не был возобновлен, и царь Иван, бывая после этого в Москве, останавливался по-прежнему в кремлевском старом дворце.

Отменяя разделение государства на земщину и опричнину, царь запретил, по словам Штадена, поминать даже самое слово «опричнина»; виновного в упоминании этого слова велено было наказывать: обнажив до пояса, бить на торгу, т. е. публично, кнутом.

Очень важны сообщения Штадена о последовавшем после «премены вывески» пересмотре штатов бывшего Опричного двора, об удалении со службы наиболее скомпрометированных лиц и о возврате вотчин и поместий лицам, высланным в свое время из уездов бывшей опричнины.

«Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками»²¹.

«Когда эта игра (die Spil) (т. е. опричнина. — [С. В.]) была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь не мог далее без них

²¹ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 110.

обходиться. Благодаря этому я лишился моих поместий и вотчин и уже не числился в боярской книге» (in der Knesen und Boiaren Musterregister)²². Увольнение со службы Штаден объясняет простым недоразумением: его-де вычеркнули из старого списка дворовых людей, предполагая, что он записан в смотренном списке служивших иностранцев, а в список немцев не внесли, потому что предполагали, его записанным в дворовом списке.

Ясно, в чем было дело. Отставка опричнины сопровождалась «разбором», как тогда говорили, людей, увольнением признанных негодными и составлением новых списков. Из рассказа Штадена об его участии в отражении второго набега Девлета видно, что он вел себя совсем не геройски. Он отбилсЯ от своей части, спрятался где-то на берегу Оки, затем при помощи крестьян поймал бегавшую по дугу татарскую лошадь и благополучно спасся бегством. Если бы он бился «явственно», как тогда говорили, то, конечно, был бы награжден, как были щедро награждены, по его же словам, все участники победы кн. Воротынского. Судя по хвастливым рассказам Штадена о его плутнях в опричнине, можно думать, что репутация его стояла невысоко. «Так при пересмотре меня и забыли». Храбрый вестфалец не нашел удобным напоминать о себе, «бросил все, уехал в Рыбную слободу (позже Рыбинск. — [С. В.]) и выстроил там мельницу»²³.

Далеко не всем опричникам удалось так благополучно поставить крест на своем прошлом и перейти к более мирным и полезным занятиям, чем служба в Опричном дворе. Из разных источников нам известны десятки два-три опричников, казненных непосредственно после отставки опричнины.

Важное сообщение Штадена о возврате вотчин прежним владельцам, выселенным в свое время из уездов, взятых в опричнину, может дать несколько упрощенное представление о сложности этой меры. В действительности дело было далеко не так просто, как представил его Штаден. Во-первых, многие лица получили в свое время при выселении полный или частичный эквивалент своих вотчин в земских уездах. Некоторые устроились на новых местах и не пожелали вернуться в прежние вотчины. Другие успели дать новые вотчины монастырям или отчуждить их тем или иным образом. Едва ли можно сомневаться, что такие выселенцы не могли претендовать на возврат старых вотчин. Во-вторых, неизбежно должны были возникнуть затруднения при отобрании земель у бывших опричников и испомещении их на новых местах. Наконец, каждую сдачу владения и получение прежней вотчины следовало оформить у местных властей и в центре — в Поместном приказе. Не следует при этом забывать, что дело шло о мно-

²² Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 152.

²³ Там же.

гих тысячах бывших вотчинников и тысячах же бывших опричников.

Дело возврата вотчин и испомещения бывших опричников осложнялось неблагоприятной политической и экономической обстановкой. Постоянные походы отвлекали служилых людей от их домашних дел. Разорение и разброд населения очень затрудняли восстановление хозяйства в вотчинах, побывавших в руках опричников. Приказная и местная администрация не могла справиться с большим количеством дел. Этим объясняется то, что возвращение выселенцев на старые поместья затянулось на много лет и при царе Федоре приняло стихийный характер, т. е. вотчинники самовольно возвращались в свои вотчины, не оформляя возврат в Поместном приказе, и завладевали своими землями «по старым крепостям», т. е. по тем документам [на] владения, которые у них были на руках. Нетрудно представить себе, что это обратное переселение многих тысяч людей открывало путь к различным злоупотреблениям в вопросах службы с земли, уплаты податей и т. п., не говоря о многочисленных тяжбах.)

Ниже я подробно буду исследовать и опишу это «гетерогенное» последствие непродолжительного существования опричнины, а пока закончу критику писаний Штадена вопросом по адресу тех историков, которые в попытках осмыслить учреждение Опричного двора навязывали царю Ивану такие планы и замыслы, которых он наверное никогда не имел. Если Иван, учреждая опричнину, поставил себе цель искоренить землевладение бывших удельных княжат, то при чем же здесь были многие тысячи разоренных выселениями мелких и средних землевладельцев? Какую оценку государственного ума и деятельности правителя мы должны сделать, если он, поставив себе цель разорить несколько десятков княжат, в действительности разорил многие тысячи рядовых служилых людей, а затем отказался от своих намерений и предложил всем княжатам и некняжатам, вернуться, как ни в чем не бывало, в свои разоренные владения? Затевать подобные дела, чтобы в конце концов от них отказаться, мог только совершенно умалишенный человек. А ведь царь Иван вовсе не был сумасшедшим! Какое же основание имели историки, выдумавшие нелепую концепцию опричнины, долженствовавшую как будто возвеличить Ивана как государственного деятеля, приписывать ему действия, на которые способен только сумасшедший?)

Поскольку Штаден, удаленный из Опричного двора, не дает нам ничего по вопросу о Государеве дворе после отставки опричнины, я закончу на этих вопросах к историкам критику писаний Штадена.

Иоганн Таубе и Элерт Крузе

«Послание» ливонских дворян Таубе и Крузе литовскому гетману Яну Ходкевичу было известно Карамзину, но несправность дошедших до нас списков «Послания» и неясности текста были, по-видимому, причиной, по которой оно долгое время оставалось не переведенным на русский язык. Впервые «Послание» было издано в 1922 г. в переводе М. Г. Рогинского под редакцией проф. Ю. В. Готье²⁴. В переводе Рогинского много неясных, иногда до явной нелепости, мест, но, не имея под руками оригинала, нет возможности сказать, какие неясности можно приписать переводчику и что объясняется несправностью текста, которым пользовался Рогинский.

Взятые в плен в одном из первых походов русских войск в Ливонию, Таубе и Крузе около 1564 г. получили свободу, были приняты на русскую службу, сумели втереться в доверие к царю Ивану и получали от него кое-какие поручения дипломатического характера. В 1571 г. они изменили своему покровителю и бежали в Литву, где рассчитывали продолжать свою карьеру авантюристов и интриганов.

На последней странице своего «Послания» они вполне ясно [раскрывают] крапленные карты своей игры. Побочным мотивом составления «Послания» было самооправдание в измене и побеге, но главная цель состояла в том, чтобы побудить Я. Ходкевича и других влиятельных деятелей Польско-Литовского государства к интервенции и разгрому Московского государства на пользу всех «христианских» народов, и в первую очередь, конечно, их родной Ливонии.

По мнению Таубе и Крузе, Московское государство так разорено, ослаблено и истощено «тиранством» царя Ивана, казнями знатнейших лиц, эксцессами опричнины, эпидемией и голодом, что легко может быть разгромлено и завоевано. Не следует только откладывать это дело, чтобы московский царь не успел оправиться и не заключил союз с крымским ханом и Турцией. Указанные мотивы определили содержание и свойства «Послания» Таубе и Крузе. Хронологические рамки «Послания» определились тем, что Таубе и Крузе только в 1564 г. были выпущены из тюрьмы, а второй половине 1571 г. бежали. Сидя в тюрьме, они не имели возможности что-либо видеть, и только события 1564—1571 гг. описываются по собственным наблюдениям и по рассказам очевидцев. Если прибавить, что Таубе и Крузе не знали русской жизни и русского языка и были неспособны поэтому многое понять даже из того, что происходило на их глазах, то станет ясным, что в их «Послании» мы находим очень мало достоверного, а их сужде-

²⁴ «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе». — «Русский исторический журнал», кн. 8. Пг., 1922, стр. 8—59.

ния о событиях не имеют никакой цены. В общем ни один сообщаемый ими факт, ни одно высказывание Таубе и Крузе не могут быть использованы в историческом исследовании без самой строгой критики и без проверки при помощи других, более достоверных источников. Эта неблагодарная в целом задача отвлекла бы меня далеко от темы исследования, и потому я постараюсь извлечь из этого мутного источника только то, что может быть признано достоверным и ценным для истории опричнины.

«Послание» начинается рассказом об отъезде царя из Москвы в Александрову слободу в декабре 1564 г. и о переговорах царя с митрополитом Афанасием и боярами об условиях, на которых царь согласился взять обратно свой отказ от власти. Рассказ Таубе и Крузе в существенном не противоречит тому, что нам известно из официозного летописца. Домыслы и рассуждения авторов по этому поводу не представляют интереса. Заслуживает внимания только одна подробность, которую они сообщают, — относительно того, как была принята в слободе московская делегация духовенства и бояр: «Когда же они пришли на место (т. е. в Александрову слободу. — [С. В.]), были они тотчас же, как явные враги, приведены под охраной и стражей к нему на аудиенцию, сам же он (т. е. цар. — [С. В.]) расположился как в военном лагере»²⁵. Это замечание Таубе и Крузе следует сопоставить с показанием Штадена, что царь выехал из Москвы, не объявляя своих намерений, потому, что опасался мятежа. Из других источников известно, что Александрова слобода действительно была превращена в укрепленный лагерь. В такой обстановке царь продиктовал, наконец, свой ультиматум об учреждении Опричного двора.

«На третий день после этого», — продолжают авторы «Послания», — начались казни наиболее видных бояр. Из летописи и других источников мы знаем, что казни начались в первых числах февраля. «На следующий день» после первых казней царь приказал вызвать в Москву всех служилых людей, т. е. помещиков и вотчинников, Суздаля, Вязьмы и Можайска, взятых в опричнину. Из других источников мы знаем, что первый набор опричников происходил в марте-апреле 1565 г.

Далее Таубе и Крузе рассказывают, как происходил набор опричников, и эта часть «Послания» является едва ли не самой ценной, несмотря на некоторые неточности и свойственные авторам преувеличения. Предварительно следует заметить, что описанный в «Послании» набор опричников и разбор служилых людей из уездов, взятых в опричнину, происходил в существенных чертах в порядке обыкновенных смотров, разборов и верстаний служилых людей. Разница была только в том, что при наборе опричников принималась во внимание политическая благонадежность, о чем не было речи при обыкновенных разборах, да в том, что разбор

²⁵ «Русский исторический журнал», кн. 8, стр. 32—33.

происходил на этот раз в присутствии самого царя, тогда как обыкновенные разборы производили бояре и разрядные дьяки.

Когда вызванные служилые люди прибыли, рассказывают Таубе и Крузе, царь сел со своими советниками Алексеем Басмановым, кн. Афанасием Вяземским, Петром Зайцевым (у Таубе Soyll) и «приказал каждому отдельному отряду воинов, число которых было 6000, явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение»²⁶. Обычно разбор и верстание новыми окладами производили под наблюдением бояр и дьяков выборные окладчики из числа наиболее заслуженных и уважаемых в уезде людей, иногда отставленных от службы за старостью и ранами. Таубе и Крузе, по-видимому, этого не знали и описывают разбор в таких внешних чертах: «Четверо из каждой области (т. е. уезда.— [С. В.]) должны были в присутствии самых знатных людей (? — [С. В.]) показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен и указать также, с какими боярами и князьями они вели дружбу»²⁷. Ниже будет показано, что при наборе в опричные дворцы Кормовой, Хлебный и Сытный низшего персонала Опричного двора (хлебников, сытников, трубников, истопников и т. п.) также производился сыск, кто с кем в родстве и «кто к кому прихож», т. е. с кем водит знакомство. «После того как он (царь.— [С. В.]) осведомился об этом, взял он себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами»²⁸.

Далее Таубе и Крузе по незнанию русской жизни или, быть может, намеренно допускают неверное утверждение, которое порождало в нашей историографии легенды о мнимом демократизме царя Ивана, проявившемся будто бы в составе Опричного двора: «Если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же 100, 200 или 50 (? — [С. В.]), 60 (? — [С. В.]) и больше сажен земли»²⁹. Ниже авторы «Послания» называют опричников «мужиками», которые «были привычны ходить за плугом и не имели вдобавок ни полушки в кошельке»³⁰, и сдобривают свое презрительное отношение к родовитости опричников тяжеловатой шуткой: «И случилось так, как поется в старой песне: где правит мужичье, редко бывает хорошее управление»³¹.

Если бы подобные высказывания иностранцев о составе Опричного двора не имели успеха у историков, то о них бы не стоило и говорить. Нетрудно доказать, что мнение лифляндских дворянчиков, продиктованное злобой, завистью и высоким мнением авто-

²⁶ «Русский исторический журнал», кн. 8, стр. 35.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 36.

³¹ Там же.

ров о своем собственном происхождении, не отвечает действительности.

Исключительно по личной годности, независимо от происхождения, в Московском государстве служили только низшие разряды военных сил армии: стрельцы, казаки, пушкарки, воротники и т. п. Эти разряды служили, как тогда говорили, «по прибору». Этим служилым людям «по прибору» источники противопоставляют кошицу из дворян, городских детей боярских, которые были набраны и поверстаны денежными и поместьными окладами жалованья «по отечеству». При зачислении на службу новиков, т. е. молодежи, конечно, принимали во внимание и личную годность человека, «кто какой собою» и с каким вооружением явился на смотр, но правительственные разборщики всегда должны были строго наблюдать, чтобы выборные окладчики записывали новиков в службу и верстали их тем или иным окладом денежного и поместного жалованья только из детей боярских «по отечеству», «по породе», т. е. по службе их отцов, дедов и т. д.

Поэтому нет никакого сомнения, что в числе служилых людей, вызванных царем в 1565 г. из Суздаля, Вязьмы, Можайска, Вологды, Галича и других городов, не могло быть никого из «простого народа», тем более из «мужиков», т. е. крестьян. В низах городских детей боярских, да и в низших слоях дворянства всегда было много безземельных, еще не устроившихся «детиншек боярских», и вполне естественно, что в этой среде легко было найти отзывчивых на царские щедроты, послушных и надежных исполнителей любого приказа царя.)

В странах Западной Европы того времени была хорошо известна фигура благородного бедного рыцаря, который сам ходил за своим плугом. И у нас в Московском государстве было много мелких безземельных «детиншек боярских», которые, как тогда говорили, «сидели на пашне», обрабатывая собственными силами небольшие участки своей земли или своих более состоятельных родичей.

В местнических спорах и перекорах более состоятельные местники, чтобы унижить своего противника, говорили, что он сам и его предки «сидели на пашне», и обзывали их «пашенными мужиками». Царь Иван, всегда внимательный к родовитости своих слуг и хорошо в этом осведомленный, называл таких людей «страдниками», т. е. простыми рабочими. Мы не можем сказать, как велико было в составе Опричного двора относительное количество подобных «страдников», Иваншек Пересветовых, но это представляется не важным, во-первых, потому, что в опричнине они играли роль черной рабочей силы, а во-вторых, самое тщательное исследование происхождения и состава класса служилых землевладельцев до сих пор не может обнаружить ни одной фамилии, про которую можно было бы сказать, что она сделала карьеру в опричнине; поднялась из низов и прочно заняла место

в более высоких слоях класса привилегированных землевладельцев.

Из верхнего слоя Опричного двора в настоящее время известно более сотни имен опричников, и мы имеем, таким образом, вполне достаточное основание сказать уверенно, что командная верхушка Опричного двора в генеалогическом отношении была ничуть не ниже титулованного и нетитулованного дворянства старого Государева двора. Об этом речь будет ниже, а пока вернемся к посланию Таубе и Крузе.

Из служилых людей, явившихся на смотр, не многие были приняты в опричнину. По словам Таубе и Крузе, из 12 тыс. чел. в Опричный двор было принято только 570 чел. Все прочие подлежали выселению из своих вотчин и поместий в уезды земщины, чтобы дать место испомещению опричников «с одного».

С первой страницы «Послания» и до последней Таубе и Крузе не останавливаются ни перед чем, чтобы очернить ложью и клеветой самого царя и его опричнину. Выселение земских служилых людей из уездов, взятых в опричнину, они изображают совершенно в нелепом виде. Выселению подлежали не одни «представители знатных родов», а все помещики и вотчинники, за исключением принятых в опричнину. Затем Таубе и Крузе ни слова не говорят о том, что выселенцы имели право получить эквивалент отобранных у них земель: за поместье — поместье, а за вотчину — вотчину же. Срочное принудительное выселение несомненно, было само по себе разорительным для выселяемых, но случай ограбления их при этом, о которых Таубе и Крузе рассказывают, не жалея самых мрачных красок, были, конечно, злоупотреблениями и эксцессами, а не общим правилом.

Во всем рассказе Таубе [и Крузе] о выселениях следует отметить только одно замечание, что вначале выселения производились «с соблюдением некоторых приличий, все-таки терпимо, но чем дальше, тем хуже». В этом замечании есть значительная доля правды. Фонд пригодных для раздачи выселенцам земель был невелик; он состоял главным образом из волостей черных и оброчных крестьян и небольшого количества вотчин и поместий, конфискованных у опальных людей. Этот фонд был быстро исчерпан в первые два года опричных выселений. По мере роста территории опричнины, в особенности после взятия в опричнину таких больших уездов, как Переяславский и Костромской, количество выселенцев стало исчисляться многими тысячами, выселенцам приходилось либо брать пустые земли, либо оставаться совсем без возмещения за отобранные у них земли.

С другой стороны, следует заметить, что опричные выселения первого года не преследовали никаких политических целей, земских помещиков и вотчинников переселяли из уездов, предназначенных для поселения опричников, и давали им эквивалент, чтобы они были в состоянии по-прежнему нести ратную службу. На

втором году выселений (из уездов бывшего удела старицких князей) уже заметно влияние политического мотива — разрушение гнезд служилых землевладельцев, преданных старицким князьям. Наконец, выселения землевладельцев из Костромского, Переяславского и Ярославского уездов на третьем году опричнины отмечены определенной политической [тенденцией], намерением разгромить сплоченные поуездные организации землевладельцев этих уездов. Естественно, что при таких условиях первоначальные «приличия» были отброшены, и выселения стали похожими на погромы.

Разорительность опричных выселений не только для служилых землевладельцев, но и для крестьян, а в конечном счете и для всего государства не подлежит сомнению. Но в этом деле была другая сторона, не менее пагубная: хозяйничанье новых помещиков — опричников. В наших источниках есть немало указаний на то, что опричники, «не проча себе» данные им земли, т. е. не уверенные в прочности своего положения и владения, пустошили их. Подтверждением этим указаниям служит то, что после отставки опричнины прежние владельцы получали обыкновенно свои владения в виде пустошей. Таубе и Крузе с обычными для них преувеличениями рассказывают об этом так: «Когда те, кто были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке, должны были выставить в поле сто и больше (? — [С. В.]) лошадей, стали они брать с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет. Огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель, и все-таки эти люди (т. е. опричники. — [С. В.]) не могли, как подобало, выступать в поле»³². Так опричные переселения подрывали военную мощь государства с двух сторон: выселенные в земщину помещики и вотчинники были разорены и не были в состоянии нести прежнюю службу, а новые, внезапно разбогатевшие помещики оказались неспособными нести службу соответственно данным им поместьям и разоряли крестьян непомерными требованиями. «Таким образом, — заканчивают Таубе и Крузе свой рассказ, — прежде состоятельные люди были превращены в нищих и были ограблены природными нищими»³³.

Сообщение Таубе и Крузе о наборе опричников и об опричных переселениях мне казались заслуживающими подробного анализа как по важности предмета, так и потому, что в других источниках мы не имеем по этим вопросам сведений. Все следующим части «Послания» шифляндских авантюристов представляют гораздо меньшую научную ценность.

³² «Русский исторический журнал», кн. 8, стр. 36.

³³ Там же, стр. 37.

«Новое известие» Шлихтинга, вышедшее в 1934 г. в переводе А. И. Маленна³⁴, еще не получило в исторической литературе надлежащей оценки, и поэтому я позволю себе высказать по поводу него несколько замечаний, которые могут быть полезными последующим исследователям этого источника. Переводчик в предисловии сделал попытку «показать историческую достоверность» повествования Шлихтинга, но не справился со своею задачей. Насколько плохо Маленн разбирался в событиях времени, можно видеть из того, что он рассматривает и трактует как единый «грандиозный заговор» 1570 г. три различных дела: дело, или будем называть его условно, заговор боярина Ивана Федорова 1567 г., дело старецких князей 1569 г. и погром Новгорода 1570 г.

Критики отдельных сообщений Шлихтинга у Маленна нет, а вместо нее мы находим весьма ответственные высказывания общего характера, не основанные на знании источников. По поводу не дошедшего до нас «изменного дела» новгородского владыки Пимена и других лиц 1570 г., которое хранилось в делах Посольского приказа и известно по описи дел этого приказа, спасенных от пожара Кремля 1626 г., Маленн авторитетно и уверенно заявляет: «Подлинник этого дела бояре постарались уничтожить». Какие бояре и когда постарались уничтожить это дело? Зачем его хранили 55 лет, если, по предположению Маленна, оно было неприятно боярам, и постарались его затем уничтожить? Нашивость заявления Маленна объясняется, по-видимому, его желанием лишний раз оплевать боярство, в противовес «нашей исторической науке», «обслуживавшей классовые интересы общества и неспособной понять насыщенного событиями времени Грозного»³⁵.

В изложении Шлихтинга следует различать его суждения и рассуждения от фактических сообщений. Его суждения представляют вообще небольшой интерес, страдают преувеличениями, а иногда имеют характер не поддающихся проверке слухов и даже сплетен. В сообщаемых им фактах много источников, но если учесть это и внести надлежащие поправки, то многое в его сообщениях является весьма ценным.

О событиях, предшествовавших учреждению опричнины, Шлихтинг сообщает следующее: «После взятия Полоцка (начало 1563 г. — [С. В.]), как это обычно бывает в счастливую пору, тиран обнагдел от удач судьбы и начал замышлять, как ему уничтожить своих приближенных, а особенно тех из них, которые отличались знатностью и древностью рода. Он считал таких лиц себе врагами за то, что они часто советовали ему править, как подобает спра-

³⁴ Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934.

³⁵ Там же, стр. 42.

ведливому государю... воздерживаться от несправедливых и недозволенных войн... если же он хотел быть благородным и великодушным и стремился к войне, то должен был обратить свои замыслы и оружие против врагов креста Христова, татар и турок, которые, как он видел, часто опустошали соседнюю с ними Московию»³⁶. Далее Шлихтинг рассказывает о тех уловках и коварствах, которые царь Иван употреблял, чтобы губить «великих и знатных древностью рода мужей», и в частности о гибели кн. Дмитрия Федоровича Овчинина Телениева Оболенского. Это сообщение разобрано мной подробно, и я не буду к нему возвращаться³⁷.

После рассказа о смерти кн. Д. Ф. Овчинина Шлихтинг пишет: «Пораженные жестокостью этого поступка, некоторые знатные лица и вместе с верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка... Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом пред верховным священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни онмышлял, как устроить опричнину...»³⁸.

Это — чрезвычайно ценное сообщение. Некоторые неточности рассказа и не всегда удачный перевод Маленина не должны нас смущать.

Эпоха кровавых опал и гонений началась не после взятия Полоцка, когда «тиран обнаглел от удач судьбы», а несколько ранее, приблизительно с конца 1562 г. Полоцкому походу и участию в нем самого царя предшествовал почти год опал, побегов, измен и в ответ на них новых опал. Полоцк был успешно взят 15 февраля 1563 г. Возвращение царя Ивана в Москву из полоцкого похода было обставлено очень торжественно, но ни блестящая победа, ни торжество возвращения не внесли успокоения и не разрядили атмосферу. Расправы царя с виновными или только заподозренными в измене продолжались и вызывали новые побегы. Показателен для этого времени отъезд с русской службы кн. Дмитрия Вишневецкого, который в 1558 г. предложил московскому правительству свои услуги, принимал участие в диверсиях русских войск по Днепру против крымского хана, оказал в этом предприятии большие услуги. В 1563 г. он отъехал в Польшу.

Поражение московских полков под Оршей на р. Уде по оплошности главного воеводы кн. П. И. Шуйского вызвало большой

³⁶ Там же, стр. 50.

³⁷ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник.

³⁸ Алберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного, стр. 52.

гнев царя и многочисленные опалы. К этому времени относятся побег кн. Курбского (апрель 1564 г.) и сообщаемое Шлихтингом обращение бояр во главе с митрополитом к царю, которое следует рассматривать как попытку внести некоторое примирение. Дело в том, что митрополит Макарий умер в конце 1563 г. В свое время он пользовался большим авторитетом и влиянием как у молодого царя, так и в боярской среде и не раз выступал примирителем и авторитетным арбитром столкновений царя с его советниками. По мягкости своего характера, а также из-за старости и болезни Макарий стал уклоняться от неблагодарной роли примирителя и, видя свое бессилие, почти не выходил из своей кельи. После его смерти митрополитом был поставлен по указанию царя Ивана его бывший духовник, старец Чудова монастыря Антошій. Вероятно, часть боярства рассчитывала при помощи нового митрополита повлиять на царя Ивана и внести примирение в разгоревшуюся вражду и обратилась к царю с ходатайством, о котором рассказывает Шлихтинг. По-видимому, это произошло весной 1564 г., после побега кн. Курбского. Во всяком случае наши источники дают право сказать, что решению царя учредить Опричный двор (декабрь 1564 г.) действительно предшествовал приблизительно полугодовой перерыв в опалах как передышка столкнувшихся сторон перед новой, еще более жестокой, чем прежде, схваткой.

Опричнину Шлихтинг понимал как организацию отряда телохранителей «проворных» и готовых на все «убийц, чтобы под защитой их охраны явиться на всеобщее избиение»³⁹, и дает краткое описание Опричного двора на Воздвиженке в Москве, под стенами Китай-города. Описание дворца в Александровой слободе Шлихтинг не дает и говорит о нем позже, очевидно, только по слухам, с чужих слов.

Общая характеристика образа действий и поведения опричников, которую дает Шлихтинг, производит коммариное и нелепое впечатление. Ясно, что он не настолько хорошо знал русскую жизнь и события, чтобы быть в состоянии отличать намерения и действия царя Ивана от эксцессов опричников. При упоминании лиц Шлихтинг часто ошибается или допускает неточности. Например, известного боярина И. П. Федорова он называет князем. Ниже говорит, что кн. И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский были у царя в особой милости, «хотя в один и тот же день он отравил его (чьего? — [С. В.]) брата и жену»⁴⁰. В действительности ни у Бельского, ни у Мстиславского братьев не было, и жены их не были отравлены. Казначей Хозю (Хозяина) Юрьевича Тютюна он смешивает с дьяком Казариным Дубровским. Но стоит ли ставить такие промахи в вину иностранцу, пробывшему недолго в России,

³⁹ Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного, стр. 52.

⁴⁰ Там же, стр. 57.

когда и Малешин, редактор и переводчик, не разобрался в этой путанице и не потрудился отметить ее в своих примечаниях.

Наряду с грубым искажением фактов, доходящим иногда до карикатуры, мы находим у Шлихтинга ценные сообщения и верные факты. Так, рассказ Шлихтинга о разгроме вотчин боярина Ивана Петровича [Федорова] подтверждается сообщениями других иностранцев, кн. Курбским и таким первоисточником, как Синодик опальных царя Ивана.

При оценке рассказа Шлихтинга о новгородском погроме, который он описал явно не как очевидец, а с чужих слов, необходимо сопоставлять и проверять отдельные показания с показаниями других источников. Только путем тщательной критики можно выяснить то верное и ценное, что дает Шлихтинг для понимания этой ужасной катастрофы. В работе о Синодике опальных я показал, что Шлихтинг дает очень ценное сообщение о казни новгородских гостей Сырковых, допуская при этом небольшие преувеличения и неточности.

В той же работе я показал, что рассказ Шлихтинга о гибели в опричнине шести человек из-за похищенной кольчуги Ивана Петровича Федорова подтверждается записью казненных Михаила Дымова и Козьмы Козина в Синодике.

Издание «Нового известия» Шлихтинга в переводе и под редакцией А. Малешина показывает, что научное издание подобных источников невозможно без предварительного их изучения и комментирования. Нельзя преподносить читателю Дмитрия Сыркова в виде Ширкова, в виде Дымова и т. п. Нельзя оставлять упоминаемые Шлихтингом имена без расшифровки. Редактор должен был пояснить, что «Дмитрий Васильевич» — околыничий Дмитрий Васильевич Данилов; «воевода Владимир» — это Владимир Васильевич Морозов; «старец Борис Титов» — государев сытник Борис Иванович Титов; Григорий, «по прозвищу Ловчик», — Григорий Дмитриевич Ловчиков; «воевода Иоанн» — боярин Иван Петрович Федоров, которого Шлихтинг называет «князем»; «Николай Фуников» в действительности — Никита Афанасьевич Фуников Курцев; «Иван Михайлович, секретарь тирана и заместитель казначея», — думный дьяк и печатник Иван Михайлович Висковатый и т. п.

Описание казни И. М. Висковатого и его сообщников (всего 116 чел.) Шлихтинг дает, по-видимому, как очевидец, и подробности, сообщаемые им по этому поводу, очень ценны.

В общем «Новое известие» Шлихтинга, при всех ошибках, неточностях и преувеличениях, доходящих иногда до фантастичности, производит благоприятное впечатление тем, что в нем нет той злостной лживости и преднамеренной клеветы, которыми проникнуто послание лифляндских дворянчиков Таубе и Крузе.

В заключение приведу одно замечание Шлихтинга из области социальной психологии, [которое] мне представляется очень цен-

ным. Он говорит, что когда польский король призывает к себе кого-нибудь, то приглашенный радуется и считает себя счастливым из-за внимания государя и надежды на милости. Совершенно противное бывает в Московии. «Если он (т. е. царь.— [С. В.]) прикажет прийти к себе какому-либо знатному сенатору или воину, тот, собираясь пойти к тирану, прощается с женой, детьми, друзьями, как бы не рассчитывая их никогда видеть. Он питает уверенность, что ему придется погибнуть или от палок, или от секиры, хотя бы он и сознавал, что за ним нет никакой вины»⁴¹.

Опасность делового и вообще бытового приближения людей к царю Ивану, конечно, преувеличена Шлихтингом, но по существу она отмечена правильно, а главное, дает верное представление о том страхе и даже ужасе, которые вызывал царь Иван у своих слуг и вообще лиц, приближавшихся к нему.

Очень интересно объяснение, которое дает этому ужасу Шлихтинг: «Московитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга перед тираном и пылать ненавистью одни к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану все это любо, и он никого не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они или правдивы, лишь бы только иметь удобный случай для гибели людей, хотя бы многим и в голову не приходило о взведенных на них обвинениях»⁴².

Так писал Шлихтинг под свежим впечатлением террора царя Ивана, когда люди вовсе не из «врожденного», как говорил Шлихтинг, «зложелательства», а из чувства страха или мести клеветали друг на друга и разжигали подозрительность царя Ивана доносами и клеветой. Одни доносили и клеветали, чтобы перестраховать свою шкуру, другие надеялись сделать на этом карьеру, третьи сводили свои старые счеты и местили за старые обиды. Напрасно Шлихтинг приписывает царю Ивану особую любовь к доносам. Не предилекция к доносам и не жажда человеческой крови сделали царя Ивана подозрительным и склонным слушать доносы, а тот путь безудержного произвола, неосмотрительных оцел и быстрых казней, на который он стал в конфликте со своими приближенными. И чем тяжелее были его удары, тем больше возрастала в нем уверенность в отрицательном отношении к нему даже близких ему людей и росла его подозрительность. Так возгоревшийся «пожар лютоcти» и «великого гонения», о котором говорил Курбский, бросал в объятия Ивану доносчиков и перестраховщиков и делал его самого игрушкой того водоворота событий, над которыми он хотел быть хозяином и господином.

[1940 г.]

⁴¹ Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного, стр. 53.

⁴² Там же.

РЕФОРМА 1550 г. И ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ТЫСЯЧНАЯ КНИГА*

В рассказе об опричнине можно было бы не говорить о реформе 1550 г. и о так называемых тысячниках, но приходится сделать отступление, так как вопрос о тысячниках, по недоразумению историков, сплетен с опричниной и вызывает много самых странных рассуждений.

Проф. М. В. Довнар-Запольский писал: «Как это ни странно может показаться, но идея опричнины, правда, в более слабой, зачаточной форме, была использована еще Избранной радой. В 1550 г. был издан государев указ о выборе 1000 человек из числа родовитой аристократии и об инопещении их под Москвой для государевой службы и разных посылок. Таким образом, двет родовой аристократии из центральных местностей, из Калужской, Тульской, Рязанской... переведен под Москву, сдвинут со старинных мест, с насиженных гнезд, под благовидным и почетным предложом государевой дворцовой службы. Князье переведено целыми гнездами... Нетрудно догадаться, что основная мысль, руководившая переселением служилых людей в 1550 г., была та же, которая руководила Грозным при устройении им опричнины, но Избранная рада эту идею проводила мягче и осторожнее: она стремилась к разрыву родовой аристократии с ее старинными вотчинами и к тому, чтобы сделать ее исключительно придворной аристократией»¹.

Трудно идти дальше в извращении совершенно ясных текстов исторических памятников: все рассуждение М. В. Довнар-Запольского является сплошным недоразумением. Однако нашлись и такие историки, которые увидели в тысячниках 1550 г. организацию «отряда телохранителей» — первый набросок будущей опричнины.

¹ М. В. Довнар-Запольский. Время царя Ивана Грозного. — «Русская история в очерках и статьях», т. 11, М., 1910, стр. 219—220.

Рассмотрим, как было дело в действительности. Для понимания реформы 1550 г. необходимо иметь в виду одно обстоятельство в истории Государева двора, которое сложилось еще в XV в. и стало создавать большие неудобства после объединения Руси под властью московских великих князей.

По хозяйственным условиям того времени дворянин, связанный службой с Москвой, не мог рассчитывать на наем в Москве «квартиры» для себя и своих многочисленных слуг и на покупку на рынке необходимых для его московской жизни продуктов. Дружинники XI—XIII вв. жили во дворе князя, пили его чашу и ели его хлеб. Слуги московских государей XIV—XVI вв. селились в Москве, жили в своих собственных дворах или дворах, полученных во временное владение от князя в Кремле и в городе, и заводили для своей семьи и многочисленной дворни большое хозяйство. Для ремонта и отопления многочисленных дворовых построек они нуждались в лесе. Для прокормления себя и дворни им были нужны различные продукты. Наконец, всякому дворянину для содержания наготове служебных лошадей были необходимы сено и овес. При слабом развитии денежного хозяйства и рынка каждый стремился к тому, чтобы иметь все необходимые продукты в своем хозяйстве, по возможности ближе к Москве. Поэтому у каждого сколько-нибудь значительного служилого человека, кроме вотчины и поместья в отдаленных от Москвы уездах, обыкновенно имелась небольшая вотчина поблизости от Москвы. Из подмосковной вотчины он получал дрова, сено, овес и другие менее громоздкие и трудноперевозимые продукты. В подмосковную вотчину он отправлял на отдых утомленных на службе лошадей, устраивал в ней мельницу и промежуточную базу для продуктов, свозившихся санным путем из отдаленных вотчин и поместий.

Подчиняясь тем же условиям хозяйства, все сколько-нибудь значительные монастыри, устраивая в Москве свои подворья с постоянным представительством, на содержавшие их приобретали подмосковное владение.

После объединения Руси двор московских государей разросся и пополнился множеством новых лиц, которым не удалось еще обзавестись московскими дворами и подмосковными хозяйствами. Такие лица, связанные большую часть года с Москвой, должны были терпеть большие неудобства. Между тем под самой Москвой и в ее окрестностях было много земель старого княжеского хозяйства, утративших свое прежнее назначение. По всей территории Московского уезда были разбросаны земли бортников, когда не было уже бортных лесов, тетеревников, перьевников (охотников на птицу), псарей и целой волости ордынцев, числяков и делюев. Часть их сидела на оброке, а многие несли черное тягло. Вот эти-то земли, которые стали излишними и ненужными для царского хозяйства, и было решено использовать для устройства дворян,

которым, как говорит указ, следовало всегда «быть готовым в посылки», но которые не имели подмосковного хозяйства.

Следует отметить прежде всего то, что это было вовсе не полным испомещением под Москвой, а разделением добавочным помещением. Оклады обычного испомещения колебались в пределах от 50 до 1000 четвертей земли, т. е. от 75 до 1500 дес., не считая угодий. Для добавочного испомещения по указу 1550 г. было установлено только три статьи: 200, 150 и 100 четей, не считая угодий, а с угодьями это представляло участки приблизительно в 330—400 га земли для первой статьи и 175—200 га для третьей статьи.

Район испомещения не ограничивался Московским уездом, а распространялся частично и на соседние уезды: Дмитровский, Рузский, Звенигородский, Верейский (члсляки и ордынцы) и. по-видимому, Коломенский уезд — «от Москвы верст за 60 и за 70».

Весь Государев двор состоял в это время приблизительно из 3 тыс. чел., но многие представители старых служилых родов уже имели подмосковные вотчины или поместья, и указ 1550 г. не давал им права на добавочное испомещение: «А за которыми бояры и за детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в ином городе близ Москвы верст за 50 или за 60, и тем поместья не дать»². Не имели права на добавочное испомещение и те, у кого на указанном расстоянии от Москвы были уже поместья. Этим объясняется то, что из полусотни думных людей по указу 1550 г. поместья получили только 28 чел.

По очень приблизительным вычислениям, количество дворян, уже имевших подмосковные владения, составляло $\frac{1}{5}$ двора, т. е. около 600 чел. Количество дворян, не имевших подмосковных владений, достигало приблизительно 2300—2400 чел. Для испомещения такого количества новых лиц не хватало земельного фонда. Пришлось наделять поместьями только «лучших» слуг.

Текст Тысячной книги довольно ясно говорит, что количество испомещенных определялось наличным земельным фондом. По предварительной смете, к первой статье был отнесен 61 чел., которые должны были получить по 200 четей, всего 12 200 четей. 86 чел. второй статьи должны были получить по 150 четей, всего 12 900 четей. Самая многочисленная была третья статья. К ней отнесено 931 чел. по 100 четей, всего 93 100 четей. Всего по смете 1078 чел. должны были получить 118 тыс. четвертей земли, не считая угодий, что составляло, если говорить приблизительно, около 200 тыс. га. На угодья надо прибавить минимально 10% четвертного надела поместья. Как можно видеть, это было мероприятие очень крупного социально-экономического значения.

² Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга 1550—1550 г. Орел, 1911, стр. 1.

Новое издание Тысячной книги см.: А. А. Зимин. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.—Л., 1950.— *Прим. ред.*

Официального текста Тысячной книги мы не имеем. Она дошла до нас только в частных списках, большей частью неисправных, которые определяют цифру испомещенных то в 1071, то в 1078 чел. А некоторые родословные росписи указывают цифру в 1090 чел. Эти разногласия объясняются тем, что приказные вносили в подлинную книгу отметки об изменении в составе испомещенных, что было предусмотрено указом 1550 г.: «А который по грехом из тое тысячи вымрет, а сын ево не пригодитца к той службе, и в то место прибрати иного»³. Родословные люди делали для себя списки в разное время, и этим объясняются некоторые разногласия сохранившихся списков Тысячной книги.

Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что реформа 1550 г. разом исчерпала фонд свободных и пригодных для испомещения подмосковных земель, и позже были возможны только единичные испомещения на выморочных поместьях.

В истории Государева двора есть один интересный вопрос, остающийся пока не вполне ясным. Мы видим, что во второй половине XVI и в XVII в. из всей массы так называемых городских детей боярских, служивших поуездно «с городом», выделяется немногочисленная группа лиц, служивших, не теряя связи со своим уездом, по дворовому или, как иногда говорили, по московскому списку. Эта группа лиц, наряду с московскими чинами, входила в состав Государева двора, образуя в нем низший слой, так называемых жильцов. Из числа этих дворовых выделялась небольшая группа лучших по службе и в генеалогическом отношении лиц, так называемый «выбор из городов», т. е. отборных. По уездам количество дворовых и выбора было очень различно. Например, в десятне Каширского уезда 1556 г. записано всего 403 чел., из них в выборе — 16 чел. и 42 дворовых; в Муроме, по десятне 1597 г., всего было около 200 чел., из которых в выборе — 5, дворовых — 25 да вновь записано в дворовый список 8 чел.

«Выбор из городов» и есть те лучшие слуги дворового списка, которые должны были постоянно быть готовыми «на посылки» и получили для этого в 1550 г. добавочные поместья под Москвой. Есть много оснований говорить, что эта категория «выбора из городов», просуществовавшая до реформы Петра I, была создана реформой 1550 г. Это повешество заслуживает внимания потому, что в истории служилого класса «выбор из городов» был промежуточным слоем и как бы слайкой между массой городских детей боярских и родовитой верхушкой московского дворянства. Для городских детей боярских служба по дворовому списку, а затем, в случае успеха, в «выборе», была единственным каналом, по которому они могли подняться в верхние слои правящего класса.

³ Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга 7059—1550 г., стр. 1.

Акад. Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев издали проверенный по многим спискам текст Тысячной книги и в приложении к нему дали в алфавитном порядке послужные списки тысячников⁴. Н. Мятлев в работе «Тысячники и московское дворянство XVI столетия»⁵ сделал попытку всесторонне осветить значение реформы 1550 г. в истории Государева двора и сравнивал список тысячников с Тетрадью дворовой, о которой речь будет ниже.

Работы Лихачева и Мятлева показывают с несомненностью, что тысячники были частью Государева двора, что по своим правам и обязанностям они ничем не выделялись из всей массы дворян, за исключением обязанности жить в Москве или под Москвой, чтобы быть в постоянной готовности к «посылкам», для чего они и получили добавочные поместья. Мы видим тысячников, так же как и других дворян, в полковых воеводах и головах, в наместниках и волостелях, в писцах, в послах и гонцах в соседние государства и т. д. Само собой разумеется, что никакого особого «отряда» или категории дворян, тем более отряда телохранителей, тысячники не составляли ни по замыслам правительства, ни на деле.

(Главной целью реформы 1550 г. было увеличить кадры ответственных исполнителей заданий центрального правительства Московского государства.) К середине XVI в. «вотчина» московских государей разрослась и по существу стала большим государством. Между тем аппарат власти московского государя в своем развитии отставал от быстрого роста территории государства, от увеличения и усложнения задач центральных и местных органов власти.

Изучая эпоху крупных и плодотворных реформ 60-х годов, мы видим, что большинство реформ этого времени было направлено в первую очередь на реорганизацию и усовершенствование центральных и местных органов власти. Само собой разумеется, что значение реформ в жизни Московского государства не исчерпывалось непосредственными целями той или иной реформы. Так, например, реформа 1550 г. имела своим следствием крупный социально-экономический факт — ликвидацию в Московском и соседних уездах большого количества земель черных и оброчных крестьян и распространение служилого землевладения за счет крестьянского, но это было следствием, быть может, предвиденным, но только следствием, а не целью реформы. Вообще, исследуя сложные явления государственной и социальной жизни далекого прошлого, никогда не следует уменьшать цели правительства, предполагаемые или достоверно известные, с последствиями, которые могли быть и обыкновенно бывают в одних случаях

⁴ Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга 7059—1550 г., стр. 52—263.

⁵ Н. В. Мятлев. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.

предвиденными и желательными, в других — и непредусмотренными, и нежелательными.

Для обслуживания центральных органов власти и для срочных поручений по управлению государством до реформы 1550 г. в распоряжении московского правительства было пять-шесть сотен человек. Реформа 1550 г. доводила кадры этих лиц по меньшей мере до полутора тысяч человек, которые, как выражается указ, должны были быть всегда готовыми для «скорых», т. е. срочных «посылок». Человека, жившего в своем хозяйстве под Москвой, можно было быстро вызвать и дать ему то или иное поручение. Наличие хозяйства давало служилому человеку возможность в короткий срок изготoвиться и снарядиться на свой, как тогда полагалось, счет в командировку. Таким путем реформа 1550 г. в очень значительной степени усиливала государственную власть и давала в ее распоряжение более многочисленные и более подвижные кадры исполнителей правительственных мероприятий.

С этой точки зрения реформу 1550 г. следует рассматривать как одно из звеньев ряда реформ 60-х годов. Достаточно сказать, что в эти годы перестраивается вся система приказного центрального управления. Приказы возникли и долгое время существовали как личные поручения князем какого-либо дела своим приказчикам. В 60-х годах такие важные приказы, как Посольский, Поместный, Разряд, Разбойный и др., получают определенную структуру и приобретают значение учреждений с постоянным персоналом и архивом решенных дел. Отмена в 1556 г. кормлений сопровождалась коренной реорганизацией всего строя органов местного управления. Служилый человек, получая вместо жалованья кормления, становился временным сборщиком государственных доходов. Отменяя кормления, правительство само взялось за сбор доходов при помощи выборных от населения и устроило особые приказы (четверти), которые принимали эти доходы с тем, чтобы давать их в виде денежного жалованья служилым людям.)

Отмечу в заключение оборонное значение реформы 1550 г. (Весь командный состав армии Московского государства комплектовался исключительно из чинов Государева двора: главнокомандующие и воеводы полков — из высших чинов двора, а полковые и сотенные головы (как бы офицерский состав армии) — из низших чинов. В больших военных действиях принимал участие так называемый государев полк, в котором в качестве рядовых шли в поход жильцы, самые низшие чины двора.) Государев полк был крупной боевой силой, так как каждый жилец должен был выходить в поход в сопровождении трех-пяти слуг, конных в полном вооружении. Реформа 1550 г. в два раза увеличивала прежние кадры командного состава и жильцов и придавала им большую мобилизационную подвижность.

Как можно видеть, реформа 1550 г. никого не отрывала от «насиженных мест», не создавала отряда телохранителей и не

имела никакого отношения к опричнине. М. В. Довнар-Запольский рассказ о тысячниках расцвел от себя, но по существу он шел по стопам С. Ф. Платонова, который в своих «Очерках по истории Смуты» писал: «Грозный в данном случае (т. е. при учреждении опричнины.— [С. В.]) повторил то, что было сделано им самим (? — [С. В.]) за 15 лет перед тем. В 1550 г. он разом испоместил кругом Москвы помещиков, детей боярских лучших слуг тысячу человек. Теперь он также выбирает себе... тысячу голов»⁶. Так случайное совпадение цифр показалось С. Ф. Платонову достаточным основанием, чтобы сравнить явления, не имевшие ничего общего.

Тетрадь дворовая и Государев двор накануне опричнины

Тысячная книга в связи с так называемой Тетрадью дворовой дает возможность установить почти полный личный состав Государева двора с начала царствования Ивана IV и до учреждения опричнины. Для исследования и понимания опричнины это очень важно, так как царь Иван набрал в свой Опричный двор людей из старого Государева двора, и в составе того же старого двора мы находим множество лиц, казненных в опричнине.

В списке Тетради дворовой из Уваровского собрания, напечатанном П. Н. Милюковым, не хватает 21 города, приблизительно двух пятых памятника⁷. В Тысячной книге мы находим 614 чел., служивших по утраченным в Уваровском списке городам. Затем Н. Мятлев насчитал в Тетради дворовой более 400 чел., которые записаны также в Тысячной книге.

В общем можно сказать с уверенностью, что если будет найден полный список Тетради дворовой, то мы найдем в нем всех тысячников.

По странной случайности такой ценный источник для истории царствования Ивана IV, как Тетрадь дворовая, до сих пор не вошел в научный оборот. Это обстоятельство, а также определен-

⁶ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 134—135.

⁷ «Записки русского археологического общества». т. XII, вып. I—II. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии, кн. V, СПб., 1901. В сохранившейся части Тетради всего 28 городов: Белев, Белоозеро, Боровск, Волок Ламский, Воротынский, Дмитров, Зубцов, Калуга, Кашира, Кашира, Козельск, Коломна, Кострома, Мещовск, Можайск, Москва, Переяславль Залесский, Пошехонье, Ржева Владимирова, Романов, Ростов, Руза, Рязань, Серпухов, Старица, Таруса, Тула и Ярославль. Не хватает по сравнению с Тысячной книгой городов: Бежецка, Белой, Владимира, Вязьмы, Галича, Дорогобужа, Клина, Лук Великих, Мосальска, Муром, Новгорода Великого, Оболенска, Пскова, Ржевы Пустой, Стародуба Ряполовского, Суздаля, Твери, Торжка, Торопца, Углича и Ярославца Малого.

ные трудности научного использования этого источника заставляют обратить на него внимание историков и сообщить некоторые подробности.

Первые определенные указания на Тетрадь дворовую мы находим у архимандрита Леониды (Кавелина) в его «Описании» библиотеки Успенского женского монастыря в г. Александрове⁸. Этот список конца XVII в. пока следует считать утраченным. По крайней мере в числе рукописей, поступивших в послереволюционное время из библиотеки Успенского монастыря в Московский исторический музей, его не оказалось. Другой список, из собрания гр. А. С. Уварова, был указан Н. П. Лихачевым⁹. С этого списка Тетрадь дворовая была напечатана в 1901 г. П. Н. Милюковым. В небольшом предисловии Милюков обещал дать окончание книги, указатель и примечания, но по неизвестной нам причине своего обещания не выполнил.

В том виде, в котором Тетрадь дворовая была издана, она совершенно недоступна историкам. Без указателя, без введения, в котором были бы освещены происхождение и значение памятника, без восстановления правильной последовательности перепутанных в Уваровском списке листов Тетрадь дворовая осталась не замеченной и не использованной историками.

Н. В. Мятлев предполагал обработать Тетрадь дворовую, как он обработал Тысячную книгу, и издать ее, но преждевременная смерть помешала ему осуществить свое намерение. В исследовании о тысячных и московском дворянстве XVI в. Мятлев глухо упоминает о нескольких известных ему списках Тетради дворовой, но где они находятся и полные ли это списки, не говорит. Таким образом, нам приходится пока что пользоваться только Уваровским списком и изданием Милюкова¹⁰.

Попытки Лихачева и Мятлева выяснить время и цель составления Тетради дворовой нельзя признать удачными. Лихачев произвольно приурочивал Тетрадь дворовую к 1577 г., отождествляя ее с той «Книгой дворовой 85 года», которая упоминается в описи дел Разряда, вынесенных во время майского пожара 1626 г., когда в Кремле погибли почти все приказные архивы. Эта Книга дворовая была, по мнению Лихачева, сводкой нескольких старых боярских списков и десятиен. Видно, что Лихачев высказал такой взгляд после весьма поверхностного знакомства с Тетрадью дворовой в начале своей научной карьеры, когда он еще не успел приобрести те большие познания о первоисточниках, которыми отличался впоследствии.

⁸ «Вестник археологии и истории», вып. II, СПб., 1885, стр. 48.

⁹ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 444—446.

¹⁰ Новое, более полное и точное издание Тетради дворовой см.: А. А. Зимицн. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950.— *Прим. ред.*

Книга 1577 г. по счастливой случайности сохранилась и в 1890 г. была напечатана¹¹. Мы видим, что книга 1577 г. по форме, расположению материала и по составу записанных в ней лиц совершенно не похожа на Тетрадь дворовую. Это обычный список думных людей, «выбора из городов» и дворовых, по чинам и окладам. Конец книги утрачен, и потому нельзя сказать, содержал ли он полный перечень дворовых. При царе Василии, лет 30 спустя, этим списком пользовались с неизвестными целями и сделали против некоторых имен отметки: «умре», «изменил» (царю Василию), «на воеводстве в Сибири», «на Москве с государем» и т. п. Никаких следов сводки разных источников в книге 1577 г. нет.

Мятлев не согласился с Лихачевым и высказал мнение, что Тетрадь дворовая составлена в связи с реформой 1550 г. и помещением под Москвой тысячи лучших слуг, а затем пополнилась сведениями из других источников. Когда Тетрадь дворовая перестала «пополняться», для чего делали пополнения и почему из нее не вычеркивали умерших, убитых и выбывших, об этом Мятлев не говорит. Между тем мы видим в Тетради дворовой Ивана Григорьевича Морозова, умершего в 1549 г., находим много людей, убитых при взятии в 1552 г. Казани, убитых или взятых в плен в 1555 г. на Судбищах и в первых ливонских походах, и множество лиц, казненных перед учреждением опричнины и в опричнине. Если Тетрадь дворовая имела какое-нибудь практическое значение, если она пополнялась новыми лицами, то непонятно, почему из нее не вычеркивали «мертвые души», как это делали обыкновенно во всяких списках служилых людей.

Отвергнув мнения Лихачева и Мятлева, приходится взяться за критику происхождения этого интересного памятника. Предварительно следует дать его описание.

Уваровский список имеет такой заголовок: «Тетрадь дворовая, а в ней пишет бояре и дьяки, да князи и дети боярские дворовые Московские земли и приказные люди лета 7045 году»¹². Текст заголовка явно испорчен переписчиком. Большие сомнения вызывает приведенный в заголовке год. Мятлев указал, что в росписях, которые подавались служилыми людьми в Разряд в конце XVII в., Тетрадь дворовая упоминается нередко, но датируется то 44-м, то 45-м, то 46-м годом¹³.

Опись дел, спасенных от пожара 1626 г., дает более исправный текст заголовка и другую дату: «Книга дворовая, а в ней писаны бояре и околичные и дьяки и дети боярские Московские земли и приказные люди с 60 года». Разногласия в датировке объясняются, по-видимому, тем, что в подлиннике даты не было совсем,

¹¹ АМГ, т. I, СПб., 1890.

¹² Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 445.

¹³ Н. В. Мятлев. Тысячники и московское дворянство XVI столетия, стр. 54.

а переписчики и составители описи проставляли ее от себя, предположительно¹⁴.

Действительно, датировка Тетради дворовой, как мы сейчас увидим, дело мудреное. Рассмотрим ее состав и расположение материала.

Тетрадь имеет следующие разделы: 1) бояре, 2) окольнічие, 3) дяки (приказные), 4) дворовые дяки, 5) «князи и дети боярские, князи дворовые служилые»; далее идут дворовые по городам: «с Москвы», «с Дмитрова» и т. д., всего (в Уваровском списке) по 28 городам.

Перечень первых четырех категорий, в особенности дяков, неполон и составлен явно небрежно. Бояре расположены с некоторыми перебоями, но в общем порядке пожалования их боярским чином. В конце списка окольных приписаны дворецкие, казначеи и постельничие.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с Тетрадью дворовой, это широкие хронологические рамки ее. В списке бояр мы видим Ивана Григорьевича Морозова, который начал служить в конце XV в., в 1510 г. был уже окольным, в 1531 г. пожалован в бояре и в 1549 г. умер.

Показателем перечня князей Трубецких (в пятой категории). Семен-Богдан Александрович упоминается на службах в 1531—1553 гг.; Семен Иванович Персидский — 1535—1558 гг.; Александр Семенович — 1558—1565 гг., умер в 1567 г.; Михаил Андреевич — 1536—1554 гг., умер в 1557 г.; Василий Андреевич — 1550—1559 гг., умер в 1561 г.; Никита Андреевич — 1558 г. Наконец, Федор Михайлович: начал служить незадолго перед учреждением опричнины, был зачислен в опричники, пожалован в бояре в 1572 г. и умер в этом чине в 1602 г.

И. Г. Морозов и Ф. М. Трубецкой представляют исключение, а подавляющее большинство лиц, записанных в Тетради дворовой, начали служить в годы малолетства Ивана IV, были помещены в качестве «лучших слуг» в 1550 г. под Москвой, погибли в боях под Казанью, на Судбицах, на полях Ливонии, умерли своей смертью перед опричниной и, наконец, в большом количестве погибли от опал и казней царя Ивана в годы опричнины и после ее отмены.

Всматриваясь в перечни дворовых по городам, мы сразу замечаем несомненные следы наслоения из разновременных источников. Главным источником были, конечно, десятни. Известно, что десятни составлялись не ежегодно, а время от времени, главным образом в связи со смотрами и походами, когда служилым людям

¹⁴ В разрядной описи мы имеем ряд случаев, когда начало памятника было утрачено или не имело даты, и составители описи проставляли дату от себя. Например, «Список боярской 75 года, а в начале кн. А. П. Телятевский да окольных» или «Книга 66-го и 68-го года, и в начале Игнатей Борисович Блудов».

давали денежное жалованье на подъем, пересматривали кадры и записывали вновь в службу новиков. По этим поуездным десятиям подьячие составляли перечни дворовых по городам. Известно также, что в десятинях людей записывали по старшинству службы и поместных и денежных окладов: сначала выбор, затем дворовые, а после дворовых дети боярские, служившие «с городом». После этих рубрик шли новики в том же порядке.

Составители Тетради дворовой, работая над десятинями, выбирали из них имена дворовых, но делали это с различной степенью тщательности. В одних случаях, когда количество лиц было невелико, они группировали лиц одной фамилии вместе, в других случаях, когда число дворовых города было велико, они делали это непоследовательно.

По Рязани служило большое количество дворовых. Перечень их получил такой вид. После трех Денисьевых и четырех Измайловых — Чевкины и Сунбуловы, затем двое Вердеревских, трое Коровиных и двое Таптыковых. Несколько ниже — трое Колеминых, а после них еще двое Вердеревских. Ниже, после ряда лиц разных фамилий, — еще четверо Колеминых, один Вердеревский, двое Таптыковых, четверо Измайловых, один Денисьев и один Сунбулов.

Когда мы имеем возможность справиться с родословием той или иной фамилии, то видим, что представители ее записаны в Тетради дворовой в порядке времени их служебной карьеры и возраста. Так, Яков Никитич Измайлов, записанный первым, начал служить еще в начале века. В 1519 г. он был послан провозжать в Азов турецкого посла¹⁵. В разрядах он упоминается в последний раз в 1558 г. как воевода в полках. Его старший сын Иван Яковлевич в 1550 г. был зачислен в тысячники. В 1562 г. за намеренье бежать в Литву с кн. Бельским он был бит кнутом и сослан в Галич¹⁶. Помилованный, он стал служить и был казнен в опричнине. Его младший брат Василий Яковлевич упоминался на службах в 1565—1592 гг. В конце списка по Рязани записаны: Васпий Петрович, Петр Никитич и вторично его сын Василий... Петр Никитич, младший брат Якова, упоминался на службах в 1558—1563 гг. Его сын Васпий упоминается в разрядах с 1571 г., в последний раз — в 1591 г.

Приведу еще пример. По Романову записаны: четыре князя Нерыцких, трое Козловских, шестеро Львовых и трое Вяземских. Затем заголовок: «На Романове литва дворовая», а под ним — кн. С. А. Гнездиловский. Гнездиловские были из смоленских княжат, но поскольку они выехали в Москву из Литвы, их причисляли к Литве. После Гнездиловского, по небрежности подьячих или переписчиков, под тем же заголовком записан исконный русак

¹⁵ Сб. РИО, т. 95, стр. 619.

¹⁶ ПСРД, т. XIII, ч. II, стр. 340

тверич Григорий Шетнев, а затем еще пятеро Козловских, в числе которых один по недосмотру был записан вторично, один и затем еще один Львов и двое Вяземских.

В одном случае мы находим в Тетради дворовой прямое указание на последующее нахождение из десятиен. В перечне лиц по Белоозеру написано: «По смотру и по десятой 63 года (1555.— [С. В.] Третьяка Дубровина в холопах Василий да Митка да Фетка князь Ивановы дети Шишкины Дябринского...»¹⁷, т. е. они похолопились и выбыли.

Наслоениями из разновременных источников объясняются частые случаи записи в Тетрадь дворовую отцов, а затем их сыновей и даже в нескольких случаях внуков. Этим же объясняется запись некоторых лиц дважды, в разных местах, и даже трижды. Так, Никита и Константин Фуниковы Курцевы записаны по Переяславлю, где у них была вотчина на Киржаче, причем отмечено: «с Москвы», т. е. что они стали служить в Москве. Это объясняется тем, что они были пожалованы в дьяки. Никита Фуников быстро сделал в Москве блестящую карьеру, был пожалован в тверские дворецкие, печатники и казначей. Составители Тетради дворовой записали его еще дважды: в списке думных людей — в чине дворецкого и в чине казначея.

Если бы составители Тетради дворовой имели в виду сделать список на какой-нибудь определенный момент и имели дело с живыми людьми, то, конечно, не стали бы писать умерших, убитых и выбывших или, в крайнем случае, сделали бы соответствующие отметки, как это практиковалось при составлении десятиен. Но они имели дело с мертвым материалом разновременных боярских списков и десятиен и производили чисто механическую сводку разных источников.

Если дело обстояло так, то естественно возникают вопросы, для чего и когда был составлен столь необычный и совершенно непригодный для текущих нужд учета и управления служилого люда документ. По вопросу о назначении и целях Тетради дворовой возможны только догадки, а время ее составления может быть определено довольно точно и уверенно.

Время составления Тетради дворовой лучше всего выяснить по записанным в ней думным людям, службы которых нам известны лучше, чем время жизни и служб рядовых дворовых людей. Предварительно следует заметить, что по вопросу о времени пожалования того или иного человека в чины приходится пользоваться списком думных людей, напечатанным в XX томе «Древней Российской Вивлиофики» Новиковым, в котором много неточностей и ошибок.

¹⁷ «Записки русского археологического общества», т. XII, вып. I—II. Новая серия. Труды Отделения славянской и русской археологии, кн. V, стр. 28.

В конце списка бояр мы находим пожалованных в 1563 (7071) г. Якова Андреевича Салтыкова, его брата Льва и Федора Ивановича Умного Колычева. Там же мы видим кн. Дмитрия Ивановича Хилкова, боярина с 1557 (7065) г., казенного в 1564 (7072) г. В списке окольничих мы видим несколько лиц, пожалованных в бояре перед 1564 г., например Льва Салтыкова, Ивана Яковлевича Чеботова и Алексея Даниловича Басманова, которые уже раньше попали в перечень бояр. Нет в боярах также окольничих Василия Дмитриевича (боярин с 1564 (7073) г.) и Афанасия Андреевича (боярин с 1563 (7072) г.) Бутурлиных.

А вот пример из карьеры дьяков. Известный дьяк Василий Ступа Андреев записан в Тетради дворовой в числе общеприказных дьяков, а в перечне дворовых дьяков его нет. Между тем уже в апреле 1564 (7072) г. он был дворцовым дьяком и в этом чине присутствовал на Земском соборе 1566 г.¹⁸ Как дворцовый дьяк он должен был бы попасть в список дворовых дьяков.

Эти и другие подобные наблюдения приводят к выводу, что Тетрадь дворовая составлена никак не ранее 7071 г. и не позже 7073 г. Вероятнее всего, что она составлена в 7072 г., что по нашему летоисчислению соответствует времени с 1 сентября 1563 г. по 1 сентября 1564 г. Уточнить время составления Тетради дворовой, к сожалению, не представляется возможным.

Выяснив время составления Тетради дворовой, можно перейти к вопросу о цели ее составления. Выше было сказано, что Тетрадь дворовая по своему содержанию была совершенно непригодна для текущих нужд Разряда по учету государевых дворян. Другого подобного памятника в делах Разряда мы не знаем. Сохранившиеся или упоминаемые в старых описях боярские списки и списки дворовых были составлены на какой-либо определенный момент и если служили несколько лет, то в них делались отметки о смерти, выбытии или служебных передвижениях того или иного лица. Тетрадь дворовая, как было показано выше, имеет совсем другой вид. Она представляет из себя механическую сводку, сделанную, видимо, наспех, без надлежащей проработки источников, содержащую в себе множество лиц, давно уже умерших или выбывших, и давала перечень дворовых не на какой-либо определенный момент, а за время начиная с детства Ивана IV и до кануна учреждения опричнины. Это позволяет высказать догадку относительно цели, с которой была составлена Тетрадь дворовая.

У Таубе и Крузе мы находим очень интересный рассказ о начале опричнины. Они писали, что «на следующий день» после казни кн. А. Горбатого и других лиц (1 февраля 1565 г.) царь приказал созвать служилых людей из городов, взятых в опричнину: Можайска, Вязьмы и Суздаля. Когда они явились, царь,

¹⁸ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV. М., 1917, стр. 525; СГГД, т. I, стр. 553.

окруженный своими советниками и большим отрядом воинов. «спрашивал у каждого его род и происхождение. Четверо из каждой области должны были в присутствии своих ратных людей показать после особого допроса происхождение рода этих людей и рода их жен и указать также, с какими боярами они вели дружбу. После того как он осведомился об этом, взял он себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатыми родами»¹⁹.

Рассказ Штадена менее ясен и точен, но он сообщает некоторые интересные подробности: «Царь перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным». Далее он прибавляет, что зачисленные в опричнину «распределялись по степеням (т. е., правильнее сказать, по чинам.— [С. В.]) не по богатству, а по породе»²⁰. Последнее замечание очень интересно. В очерке об учреждении опричнины будет показано, что царь Иван всегда и высоко ценил породу, родовитость своих «людишек», что обычаи местничества соблюдались в опричнине так же, как в земщине, и что давно пора покончить с легендой о мнимом демократизме царя Ивана.

В известной описи архива царя Ивана мы находим любопытные подтверждения рассказов Таубе, Крузе и Штадена. Напомню, что, учреждая «Особный» или Опричный двор, царь Иван проявил недоверие не только к старому двору, к дворянам в собственном смысле слова, но и к низшим разрядам старого дворцового хозяйства, к «техперсоналу» Государева двора, если можно так выразиться: к сытникам, ключникам, хлебникам, поварам, конюхам и т. п. При учреждении Опричного двора и этот «техперсонал» подвергся чистке и просвечиванию. В Царском архиве хранились, составляя целый (200-й) ящик, «сыски родства ключников и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помясов, и всяких дворовых людей»²¹. Вероятно, к тому же сыску и просвечиванию дворовых людей относится и память какого-то Юшки Вошесникова, который «писал имяна, кто к кому был прихож», хранившаяся в 217-м ящике Царского архива²².

Естественно, что при пересмотре высших слоев старого двора, дворян в собственном смысле слова, и наборе опричников царь Иван был еще более внимателен, чем при переборе мелких «людишек». Поскольку родственные связи в то время играли в быту и в служебной карьере очень большую роль, царь Иван не ограничи-

¹⁹ «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе». — «Русский исторический журнал», Пг., 1922, кн. 8, стр. 35.

²⁰ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 86.

²¹ ААЭ, т. I, стр. 350.

Новое издание описи Царского архива см. «Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.», под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. — *Прим. ред.*

²² Там же, стр. 351

вался справками о службе дворян и их предков, но также «сыскал» об их родственных связях и о том, кто к кому был «прихож», т. е. вел знакомство. Это и отметили Таубе и Крузе.

Родственные связи дворян и знакомства устанавливались путем непосредственного допроса и показаний (наверное, под присягой) выборных окладчиков, как это бывало при обычных разборах служилых людей. Для справок о службах дворян обычно списки дворовых людей были слишком громоздким и малопригодным материалом. Они давали сведения только о самих дворянах, а не об их предках и родственниках. А главное, они давали сведения не о всей карьере служилого человека, а только о последнем моменте карьеры. Для царя Ивана этого было недостаточно, и он приказал сделать сводную справку о составе его двора за все время своего государствования. Это и было сделано дьяками и подьячими Разряда, когда Иван обдумывал учреждение особого двора, вероятнее всего, в 1564 г.

При таком взгляде на происхождение и назначение Тетради дворовой становятся понятными и естественно объяснимыми ее особенности, которые отличают ее от обычных боярских и других списков Государева двора.

Возможно, что не все согласятся с моей догадкой, но это несколько не уменьшит ценности Тетради дворовой как источника для истории царствования Ивана IV, и в частности для истории опричнины. Дело в том, что Тетрадь дворовая в связи с Тысячной книгой 1550 г. дает почти полный список дворян Ивана начиная с его малолетства и до учреждения опричнины. Таким образом, эти источники дают то, чего не хватало всем историкам опричнины. Это очень важно, так как знание состава старого Государева двора, от которого царь Иван ушел в новый, Опричный двор, совершенно необходимо для понимания и правильной оценки опричнины вообще. Предвосхищая выводы из анализа личного состава старого Государева двора, замечу, что в Тетради дворовой и в Тысячной книге мы находим почти всех известных нам опричников, либо их отцов и родичей, и в тех же источниках мы находим сотни жертв опал и казней царя Ивана.

РАЗРЫВ ЦАРЯ ИВАНА СО СВОИМИ СОВЕТНИКАМИ

Крупные личности благовещенского попа Сильвестра и окольничего Алексея Федоровича Адашева долгое время стояли в центре внимания историков. Удаление их в 1560 г. рассматривали как «перелом» или грань двух периодов в частной жизни и в государственной деятельности царя Ивана. По вопросу о причинах расхождения царя с Сильвестром и Адашевым поступали так, как обыкновенно делается в таких случаях: подбирали задним числом в источниках аргументы в пользу того или иного мнения и оставляли без внимания то, что казалось неподходящим.

Карамзин обращал свое внимание на личные отношения царя к своим любимцам и опекунам, на благотворное влияние их на царя и управление государством. При таком подходе к вопросу, естественно, получалась антитеза, данная еще Курбским. Молодой царь, находившийся под влиянием Сильвестра, Адашева и своих советников, «блаженно царствовал», как выражался Курбский, совершил много славных дел на пользу всего государства и был если не образцом добродетели, то во всяком случае мудрым монархом. Освободившись от опеки «невежды попа», как выражался Иван, он перестал слушаться своих советников, окружил себя дурными людьми, стал вести распутный образ жизни и превратился в свирепого тирана. Поучительная мораль сей басни ясна.

Тенденциозность и слабая обоснованность указанной антитезы очень рано вызвали в историографии естественную реакцию, но новых источников было мало, приходилось пользоваться почти тем же материалом, который был в распоряжении Карамзина, оторваться от старых представлений было трудно, и антитеза осталась, хотя и была построена иначе. Потребовалось бы много места, чтобы проследить в историографии эволюцию или, вернее, блуждания исторической мысли по этому вопросу. Ограничусь

поэтому только указанием на концепцию, которую можно считать противоположной концепции Курбского и Карамзина.

Расхождение царя с его опекунами произошло не в 1560 г., а много раньше, и не столько на почве личных отношений царя к Сильвестру и его сторонникам, сколько на почве принципиальных разногласий по важнейшему вопросу государственной политики — о войне с Ливонией. Дальновидный и мудрый царь, предвосхищая мысль Петра Великого «в Европу прорубить окно», был сторонником войны с Ливонией, а из-за Ливонии — с Польшей и Швецией. «Невежда поп» и его недалёковидные «согласники» не понимали великих замыслов царя, постоянным «претыканьем», т. е. возражениями и спорами, раздражали царя и мешали выполнению его планов. В конце концов царь потерял терпение и удалил их.

При таком подходе к проблеме личные отношения царя к его советникам, вообще психология действующих лиц утрачивали если не все свое значение, то во всяком случае интерес. С. Ф. Платонов считал достижением исторической науки то, что историки отказались от психологических характеристик и перешли к исследованию социальных явлений, учреждений, классов, событий и действий исторических лиц, чтобы судить об исторических деятелях не по предполагаемым мотивам, а по результатам.

Произвольные психологические характеристики действительно всем надоели, но правильно ли отказываться от них наотрез и заведаться целью писать историю человеческого общества без живых людей? Опыт и наблюдение показывают, что оперирование в исторических исследованиях такими отвлеченными понятиями, как класс, социальные слои, процесс, явление и т. п., предъявляет к историку требования очень высокие как с точки зрения количества материалов и предварительной их критики, так и в отношении выправки логической мысли. Достижения исторической мысли на путях, указанных Платоновым, оказываются весьма сомнительными. Фантастика произвольных психологических характеристик оказывается на деле часто замененной фантастикой общих фраз, столь же необидительных и ни для кого не обязательных, как и психологические портреты времени кн. Щербатова и Н. М. Карамзина.

Для понимания разрыва царя Ивана со своими советниками главным источником является переписка царя с Курбским, но использование этого источника затрудняется тем, что высказывания Ивана и Курбского сделаны ими пять лет спустя после разрыва, когда развернувшиеся большие и, наверное, не предвиденные ни царем, ни Курбским события в сильной степени должны были деформировать первоначальные представления авторов. Поэтому прежде чем перейти к анализу и изложению указанного источника, необходимо установить факты и правильную последовательность их.

Выше было упомянуто, что в октябре и ноябре 1559 г. царь Иван с большой царицей был задержан распутицей в Можайске, куда он ездил на богомолье, а 1 декабря вернулся в Москву. В «Послании» к Курбскому царь глухо намекает на какое-то малое непотребное слово, которое было сказано им в лути. Неясно, сами Иван выругался по адресу своего духовного отца или непотребное слово сорвалось у несчастной Анастасии, но только в декабре или, вернее, в самом начале 1560 г. Сильвестр понял, что ему ничего не остается, как удалиться. Он по своей воле удалился из Москвы и поселился в Кириллове монастыре.

Нет сомнения в том, что многочисленные враги Сильвестра воспользовались этим, и весной того же года царь решился, наконец, сделать следующий шаг к освобождению от надоевшей ему опеки. В апреле был назначен разряд полков для похода на Феллин. Главнокомандующим полков был назначен кн. И. Ф. Мстиславский, и к нему в «большой» полк третьим воеводой был назначен А. Адашев. Следует отметить, что А. Адашев до этого никогда в полковых воеводах не бывал, вся его деятельность протекала в сфере гражданского управления и отчасти в области дипломатических сношений. В такой вежливой и в своем роде почетной форме А. Адашев был удален от двора и лишен непосредственного общения с царем.

Из этого можно сделать вывод, что у царя в то время не было никаких объективных данных для опалы и обвинения А. Адашева в «измене» или в каких-либо преступлениях.

Добровольный уход Сильвестра в Кириллов монастырь и временное удаление Адашева на ливонский фронт не были решением вопроса об их дальнейшем влиянии на царя. У них было много сторонников и «согласников», да и сами они не были лишены возможности вернуться ко двору и попытаться вернуть прежнее влияние.

Курбский рассказывает, что Иван в борьбе с Сильвестром и Адашевым стал собирать «окрест себя яко пресильный и великий полк сатанинский»¹ приверженцев, связывая их особой присягой. Он говорит об этом в связи с событиями последней битвы, которую царь и враги Сильвестра и Адашева дали павшим вельможам в сентябре 1560 г., но из его рассказа неясно, к какому времени относится это предприятие царя. Мне кажется, что начало формирования «сатанинского полка» следует отнести к лету того же года, когда Сильвестр мирно жил в Кириллове монастыре, а Адашев принимал участие в военных действиях против Феллина. После этой оговорки вернемся от предположений к фактам, но прежде следует сделать небольшое отступление и сказать, какое значение имела в те времена присяга за крестным целованием.

¹ РИБ, т. XXXI, стр. 263.

Нам, людям XX в., трудно представить себе, какое большое значение в жизни людей XIV—XVI вв. имело крестное целование. Историки, трактуя явления далекого прошлого, обыкновенно исходят из привычных им понятий современности и редко дают себе труд вникнуть и понять круг представлений людей, историю которых они берутся исследовать и описывать. Естественно поэтому, что никто из историков, писавших об Иване Грозном, не обращал внимания на то, что царь Иван в вопросе о присяге за крестным целованием, как и во многих других вопросах, был человеком своего времени и широко пользовался этим старым средством обуздывать людей и подчинять их своей воле.

В древнейшие времена формула служебной присяги дружинника князю была, вероятно, простой и устной. В XIV в. были уже в ходу особые записи, по которым служивый человек приносил присягу, подкрепляя ее целованием креста. Такие записи назывались крестоцеловальными или подкрестными. Последнее название объясняется тем, что священник, приводя человека к присяге, клал присяжную запись на аналой под крест. Присягающий должен был отчетливо, не пропуская ни одного слова, проговорить всю запись, а затем поцеловать крест.

Курбский в своей «Истории» упоминает о «проклятых грамотах», которые царь Иван заставлял людей поневоле давать на себя. Во избежание недоразумений следует пояснить это выражение Курбского. Иногда, быть может, даже нередко, присягающий после изложения по записи своих обязательств в конце присяги призывал на себя, в случае нарушения принятых обязательств, проклятие всех сил небесных «в сем веке и в будущем». Это дало Курбскому повод, играя словами, называть такие записи «проклятыми грамотами».

Древнейшая известная нам запись относится к первой половине XV в. Это — запись, по которой за поручительством митрополита и владык церкви целовал крест великому князю служивый человек, провинившийся и прощенный великим князем². По существу, если отбросить поручительство митрополита и владык, эта

² Запись находится в хорошо известном историкам сборнике митрополичьих посланий и носит заглавие: «Грамота жалованная князя великого к его боярам и их вине» (Московский государственный Исторический музей, собрание Синодальной библиотеки, кн. 562, лл. 123—124). Ниже мне не раз придется сослаться на этот ценный документ, и поэтому я привожу его целиком:

«Се яз, имярек, что есмь бил челом своему господину и осподарю великому князю имярек за свою вину своим господином имярек митрополитом всеа Руси, и с его детьми и со служебники епископы, имярек. И государь мой князь великий их доля прошения и челобитья меня, своего человека, пожаловал, нелюбье свое мне с сердца сложил, а вины моеи мне отдал, и мне, имярек, и детей своих больших к своему государю к великому князю, имярек, привести и к его детям; мне, имярек, с теми своими детьми служити до своего живота, а не отъехати мне, имярек, ни всем моим детям от

запись дает формулу обычной присяги служилого человека великому князю.

Обязательства человека определяются записью в очень общих выражениях: служить со своими детьми до живота, т. е. пожизненно, не отъехать к иному князю, всегда, везде и во всем хотеть добра, не замышлять, не хотеть и не чинить никакого лиха, т. е. ничего дурного. По-видимому, это была очень древняя формулировка обязательств дружинника при вступлении на службу к князю, которая повторялась по традиции и считалась достаточной для установления общей служебной зависимости человека от князя.

Практика присяги не стала развивать старую формулу, а в своей эволюции пошла по другому пути — пути развития специальных записей, по которым человек присягал при вступлении на какую-либо должность, сверх общей присяги о службе. По понятиям людей того времени, присяга, чтобы быть действительной, должна была содержать перечисление всех возможных важнейших преступлений на той или иной должности и обязательства не совершать эти преступления.

До нас дошло от более позднего времени множество образцов крестоцеловальных записей специального назначения. Так, при пожаловании дьяка «в думу» он присягал, что не будет никому выдавать и разглашать тайные думы государя, которые ему могут быть известными по его участию в совещаниях «думы». Приказный подьячий присягал на том, что не будет «корытоваться госу-

---

своего государя от великого князя, имярек, ни от его детей к иному государю ни к кому. А добра нам ему и его детям хотети везде во всем, а лиха ми своему государю великому князю и его детям мне, имярек, и со своими со всеми детьми не мыслити, ни хотети ни детям везде во всем никакова. А в том во всем по сей по моей грамоте ялся по мне и по моих детям государю моему великому князю, имярек, и его детям и до моего живота господин мой, имярек, митрополит всея Руси и с теми с своими детьми, со владыками и с архимандриты, которые писаны в сей моей грамоте. А через сю мою грамоту яз, имярек, и с своими детьми, что имем думати и починати, или явятся из, которое лихо наше перед нашим государем перед великим князем, имярек, и перед его детьми, ино не буди на мне, ни на моих детях милости божие и пречистые его богоматери и святых чудотворцев Петра митрополита и Леонтия епископа Ростовского и всех святых, также ни благословения господина моего, имярек, митрополита всея Руси и его детей, тех владык и архимандритов, которыми еси бил челом своему государю великому князю, имярек, не буди на мне ни на моих детях ни в сий век, ни в будущий, а государь мой князь великий и его дети надо мною и над моими детьми по нашей вине в казни волен. А по грехам по нашим какова придет на нас от кого обмолва государю нашему великому князю, имярек, и государю нашему великому князю без суда и без исправы не учинити нам ничего. А крепости демя яз, имярек, и с своими детьми осподарю своему великому князю, имярек, и его детям целовали есмь честный и животворящий крест и дали есмь на себя сю свою грамоту за подписью и за печатью господина своего, имярек, митрополита всея Русии. А дана грамота...»

По такой записи в третьей четверти XV в. присягал вел. кн. Иваану боярин кн. Д. Д. Холмский (см. СГГид, т. I, № 103, стр. 249—250).

даревыми деньгами», т. е. не будет их красть или пускать в оборот, а будет немедленно записывать в приход и хранить в запечатанной дьяком коробье, и т. п. На том же присягал и таможенный голова, а сверх того, давал обещание ценить предъявляемые торговыми людьми в таможню товары «вправду» и т. д. Кабацкий голова давал обещание не разбавлять в кабаке вино государев водой, «не корыстоваться» и не пользоваться всякой «рухлядью», которую питухи клали ему в заклад; деньги, поступающие за питье, голова обязывался класть в запечатанный ящик, который в конце дня вскрывался в присутствии его товарищей целовальников, а не за пазуху, не за щеку и не в карман и т. д. Все подобные обязательства подкреплялись целованием «животворящего креста господня», и по этим крестоприводным записям лучше всего можно составить большой перечень всех возможных и наиболее распространенных злоупотреблений должностных лиц на всех постах государственной службы.

Ниже мы увидим, что царь Иван при разных обстоятельствах и с разными целями широко использовал крестоцелование на специальных записях и вообще веру своих «холопей» в нерушимость присяги за крестным целованием.

Чтобы охарактеризовать всесторонне значение крестного целования, следует сказать, что и частные люди в разных случаях жизни прибегали к нему, дабы подкрепить свои соглашения и договоры. Для нас в настоящее время особый интерес представляет применение присяги за крестным целованием заговорщиками. Можно сказать уверенно, что ни один заговор, ни одна крамола не обходились без того, чтобы заговорщики, по крайней мере главари, не связывали себя присягой. Приведу два случая из истории Московского государства, которые могли быть известны царю Ивану.

Когда Владимир Гусев и группа придворной молодежи в 1497 г. задумали вмешаться в вопрос о престолонаследии и составили заговор в пользу вел. кн. Софьи и ее сына Василия, заговорщики, привлекая сочувствующих, приводили их к крестному целованию.

А вот случай, который произошел на глазах Ивана. В 1542 г. бояре, завидуя кн. Ивану Бельскому и негодуя из-за его влияния на великого князя, составили заговор и «начаша злосоветовати со своими советники» и с кн. И. Шуйским, который стоял в то время с полками во Владимире. «И князь Иван Шуйский в Володимери многих детей боярьских к целованию привел, что быти в их совете»³. Захват кн. Бельского был назначен боярами на 3 января, и к этому сроку И. Шуйский прислал из Владимира своего сына с тремя сотнями детей боярских, при помощи которых бояре и произвели переворот, схватили кн. Бельского и сослали его на Белоозеро.

³ ПСРД, т. XIII, ч. II, стр. 439.

После отступления по вопросу о значении присяги за крестным целованием в жизни московских государей и частных лиц вернемся к рассказу о падении Сильвестра и Адашева. Удаление их от царя в начале 1560 г. открывало их врагам и соперникам путь для дальнейших действий, и они стали лестью и клеветой обрабатывать царя. Рассказ об этом Курбского настолько психологически правдоподобен и столь ярок, что его стоит изложить подробно.

Враги Сильвестра и Адашева прежде всего стали раздражать самолюбие царя и льстить ему: «...тебя, государя, так великого и славного и мудраго, боговенчанного царя, держали пред тем, аки в оковах, повелевающе тебе в меру ясти и пити и со царицею жити», не давая ни в чем воли, ни в малом, ни в большом, «а ни царством твоим владеть...»⁴. Если бы они «тебя не держали, аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладал...». «Царь же, напився от окоянных со сладостным ласканием смешанного смертоноснаго яду, и сам, лукавства, паче же глупости, наполнивися, похваляет совет, и любит и усвоет их в дружбу, и присягами себе и их обвязует, вооружающеса на святых неповинных (т. е. на Сильвестра и Адашева.— [С. В.]), к тому и на всех добрых и добро хотящих ему... и собрав и учинив уже окрест себя яко пресильный и великий полк сатанинский»⁵.

Далее Курбский переходит непосредственно к рассказу о суде, который произошел месяца три-четыре спустя после первых действий врагов Сильвестра и Адашева. Внести поправку в последовательность событий нетрудно. Летом 1560 г. дело было, если можно так выразиться, как бы в состоянии неустойчивого равновесия: царь, видимо, не решался принять решительные меры и довести дело до полного разрыва. Неустойчивое равновесие было нарушено смертью царицы Анастасии, последовавшей 7 августа после продолжительной, тяжелой болезни. Враги Сильвестра и Адашева, в особенности родственники Анастасии — Захарьины, решили воспользоваться горем царя и перешли в наступление.

30 августа в Москве была получена отписка главнокомандующего ливонским фронтом кн. И. Ф. Мстиславского о взятии Феллина, «и царь и великий князь писал к боярам..., а велел в Вильяне оставить окольных и воевод Олексея да Данила Федоровичев Адашевых, да Осипа Полева, да Романа Олферьева»⁶. По словам Курбского, который сам был в то время на фронте и имел возможность знать все, что там происходило, Алексей Адашев оставался в Феллине «на мало время». Доброе и тактичное обхождение А. Адашева с населением вызывало к нему симпатии, и «не мало градов лифлянских, еще не взятых, хотяще поддаться ему его ради доброты». Это вызвало беспокойство у врагов Адашева, они уси-

⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 261.

⁵ Там же, стр. 261—262.

⁶ П. И. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, стр. 225.

лили натиск, стали «прилагать» «клеветы к клеветам, шептание к шептанию, лжесшивание ко лжесшиванию» и вскоре добились того, что царь приказал взять А. Адашева под стражу и перевести в Юрьев, где он «в недуг огненный впал» и через два месяца умер⁷.

Сопоставляя показания Курбского с разрядной книгой и другими источниками, можно так определить время событий. Во второй половине сентября в Москве состоялся заочный суд над Сильвестром и Адашевым. Сильвестр из Кириллова монастыря был сослан и заточен в Соловецкий монастырь, а А. Адашев подвергся формальной опале и был отправлен под стражу в Юрьев, где и умер в декабре того же года.

Чтобы окончательно уничтожить в глазах царя авторитет А. Адашева, его враги, по словам Курбского, стали клеветать царю, будто Адашев, избегая наказания за свои преступления, кончил жизнь самоубийством: «Се твой изменник сам себе задал яд смертоносный и умре»⁸. В известной описи царского архива мы находим подтверждение этому сообщению Курбского: в 223-м ящике хранился обыск кн. Андрея Петровича Телятевского, будущего опричника, «в Юрьеве Ливонском про Алексею смерть Адашева» (интересно отметить, что в этом же ящике хранились оставшиеся после А. Адашева черновики памятей, «что писати в Летописец лет новых, которые у Алексея взяты» и были перевезены в Москву Телятевским)⁹.

Установив правильно последовательность событий, можно перейти к самому важному по своим последствиям эпизоду разрыва царя с Сильвестром и Адашевым — к собору, собранному царем во второй половине сентября для заочного суда над павшими временщиками.

Чрезвычайно важные и достоверные сведения по этому вопросу сообщает Курбский в «Истории о великом князе Московском». Когда умерла царица Анастасия, враги Сильвестра и Адашева начали наговаривать царю, «как бы счеровали ее оные мужи... Царь же, буйства исполнився, абие (т. е. вскоре, тотчас. — [С. В.]) им веру ял»¹⁰. Когда это обвинение дошло до сведения Сильвестра и Адашева, они стали умолять царя, «ово епистолиями посылаючи, ово чрез митрополита Руского, да будет очевистное глаголение с ними». «Не отрицаемся, рече, аще повинни будем смерти, но да будет суд яственный пред тобою и предо всем сенатом твоим». Враги Сильвестра и Адашева перехватывали и не допускали до царя «епистолии», грозили митрополиту и говорили царю: «Аще, рече, припустишь их себе на очи, очаруют тебя и детей твоих; а к тому, любяще их все твое воинство и народ, нежелли тебя

⁷ РИБ, т. XXXI, стр. 264.

⁸ Там же.

⁹ ААЭ, т. I, стр. 354.

¹⁰ РИБ, т. XXXI, стр. 260.

самого, побьют тебя и нас камением». Ежели же этого не случится, «обвяжут ты паки и покорят тя, аки в неволю себе»¹¹.

По каноническим правилам Сильвестр, как лицо духовного звания, не мог быть судим светской властью без предварительного осуждения церковным судом и лишения священнического сана. А. Адашева, как человека в думном чине, царь должен был судить по старым обычаям вместе с боярами. Чтобы обойти эти затруднения и придать всему делу вид законности, был созван собор «все-го сената», т. е. всех думных людей и так называемого «преосвященного собора», т. е. митрополита и епископов. Кроме того, на собор были призваны некоторые «прелюкавые» монахи — Мисаил Суккин, издавна прославленный «в злостях» и «бесный», т. е. одержимый бесом, Вассиан (Топорков?) и некоторые другие. «Что же на том соборнице производят? Чтут, пописавши, вины оных мужей заочне...» Митрополит Макарий и все «добрые люди», согласные с ним, возражали: «Подобает, рече, приведенным им быти zde пред нас, да очевисте на них клеветы будут, и нам убо слышети воистину достоит, что они на то отвещают... Губительнейшие те ласкатели вкупе со парем возопиша: «Не подобает, рече, о епискупе! Понеже ведомые сии злодеи и чаровици велицы очаруют царя и нас погубят, аще приидут». И тако осудише их заочне»¹².

С величайшим негодованием Курбский восклицает: «И где таков суд слышав под солнцем, без очевистого вещания?» Такой суд противен не только «всем церковным канонам», но даже у язычников и варваров, скифов и сарматов, не бывал, «сей соборный царя нашего христианского таков суд!»¹³.

Чтобы понять негодование Курбского и правильно оценить все значение факта заочного суда над Сильвестром и Адашевым для последующих событий, необходимо еще раз сделать отступление в область понятий и обычаев людей раннего феодализма и Московского государства относительно княжеского «правого» суда. Досадно прерывать нить рассказа, но без этого нельзя обойтись, так как наши понятия о суде, о государственном правосудии настолько отличны от понятий людей XVI в., что незнание последних может порождать и действительно порождало у историков большие недоразумения.

Постараюсь быть кратким и сообщить только самое необходимое. Древний суд был по существу состязанием двух сторон. Состязание называлось тяжбой, что выражало как бы мысль, что каждая сторона тянет в свою сторону. Обе стороны в древнейших памятниках называются истцами, так как каждая сторона «искала» своего. Термин ответчик для определения обороняющейся стороны входит в употребление только в XVI в. Князь или его намест-

¹¹ РИБ, т. XXXI, стр. 260.

¹² Там же, стр. 263—264.

¹³ Там же, стр. 266—267.

ник играют в тяжбе пассивную роль, она сводится к наблюдению за тем, чтобы истцы соблюдали в борьбе освященные обычаями правила борьбы. Активность князя и его заместителя проявляется только тогда, когда дело доходит до взыскания с проигравшей тяжбу стороны соответствующей пошлины в пользу князя.

В чем же обвиняли на соборе Сильвестра и Адашева? Этого мы так и не знаем. Курбский об этом ничего не говорит и только в общих выражениях упоминает, что злые советники царя, в особенности царские шурыя Даниил и Никита Романовичи и Василий Михайлович Захарьины Юрьевы, шептали и наговаривали царю, будто Анастасия умерла от чар волшебства. Весьма возможно, что на соборе была сделана попытка предъявить Адашеву подобное обвинение, но до него, как тогда говорилось, «дело не дошло», т. е. не оказалось никаких конкретных данных для обвинения.

Косвенное подтверждение этому можно видеть в начале рассказа Курбского о том, что вскоре после смерти А. Адашева «воскурилося гонение великое, и пожар лютоости в земле Русской возгорелся». Первой жертвой «пожара лютоости» Курбский называет какую-то «ляховицу», т. е. польку, вдову Марию-Магдалину, женщину примерной жизни, казненную с пятью сыновьями; «оклеветана же перед царем, аки бы то была чаровница и Алексеева согласница, того ради ее погубити повелел и со чады ее...»¹⁴.

Мало дают для освещения вопроса о винах Сильвестра и Адашева высказывания самого царя Ивана, сделанные в полемике с Курбским. С большим раздражением, подробно Иван говорит [об этом] в нескольких местах своего «Послания», а затем в ответах Курбскому, но все его обвинения выражаются в общих фразах и производят весьма невыгодное для самого Ивана впечатление. Обращает на себя внимание и то, что Иван в своих гневных тирадах винит во всем не одного Сильвестра и Адашева, а берет их, если можно так выразиться, под одну скобку со всеми боярами.

Иван пишет, что приблизил к себе Сильвестра и избрал духовным отцом «совета ради духовнаго и спасения ради души своея». Он, Иван, «видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покорятися без всякого разсуждения», повиновался Сильвестру не только в больших делах но и в «малейших и худейших... до обуца и спанья, вся не по своей воли бяху, но по их хотению (т. е. Сильвестр и его «согласников». — [С. В.] творяхуся, нам же аки младенцем пребывающим. Ино сему противно разуму, еже не восхотехом в совершенном возрасте младенцем быти?»¹⁵.

Существенным можно было бы признать обвинение «попа невежды» в том, что он вмешивался в светские дела, например, досаждал царю по поводу войны с Ливонией, но не следует забы-

¹⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 277.

¹⁵ Там же, стр. 62, 64.

вать, что в обычаях того времени было советоваться со своим духовным отцом не только по вопросам совести, но и получать от него наставления по всем делам жизни. Царь сам должен был бы винить себя, что, избрав Сильвестра своим духовником, получал от него не только приятные и полезные советы, но иногда и неприятные и неполезные. Иван рос на глазах Сильвестра и своих бояр, и естественно, что они не замечали, как он мужал и с течением времени все более и более тяготился висевшей над ним с детства онекой.

В живом воображении царя Ивана все отражалось в уродливо-преувеличенном виде. От «злобесного умышления» бояр, писал он Курбскому, сключили все опалы и казни, «понеже с попом Селиверстом положисте совет, дабы аз лише словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государи»¹⁶. Восемь лет спустя это представление получило еще более гиперболическую формулировку: «Тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Олексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Рускую землю видети» (письмо Курбскому, 1578 г.)¹⁷.

Кроме подобных общих обвинений, и притом не столько по адресу Сильвестра, сколько всего боярства, в письмах Ивана мы ничего не находим. По-видимому, и сам Иван сознавал, что в его аргументации не все ладно относительно Сильвестра, и в «Послании» к Курбскому определенно говорит в свое оправдание, что Сильвестр удалился сам, по своей воле, а он, царь, его отпустил, «не яко устыдевшися, но яко не хотевши судити здесь, но в будущем веце...»¹⁸.

Итак, если вся вина Сильвестра была в том, что он надоел в конце концов царю со своими пастырскими наставлениями и непрошенными советами, если царь из смирения не пожелал судить здесь, на земле, своего бывшего духовника, а отложил это дело до второго пришествия, то почему же он решился в сентябре 1560 г. созвать собор и допустил осуждение Сильвестра заочно?

Сильвестр действовал в деликатной и темной области царской совести, его вины, если таковые были, неуловимы и трудно определимы. Поэтому понятно, что Иван не мог выявить их и ясно сформулировать. Но А. Адашев много лет работал в государственном аппарате, был сначала постельничим царя, заведовал приемом всевозможных челобитных частных лиц на имя царя и докладывал их, принимал участие в дипломатических переговорах и т. д. Казалось бы, что на этих поприщах легче было найти и указать вины и преступления, например корыстолюбие, мздоимство, превышение власти и т. п. Ничего подобного в «Послании» царя Ивана мы не находим. Вместо этого царь ругается, обзывает Адашева

¹⁶ РИБ, т. XXXI, стр. 22.

¹⁷ Там же, стр. 120.

¹⁸ Там же, стр. 66.

собакой и с презрением говорит о его низком происхождении. Превеличивая все по своему обыкновению, Иван говорит, что Адашев «не вем, каким обычаем, из батожников» водворился во дворце, а через строку, противореча себе, заявляет, что он «взял» Адашева «от гноища и учиних с вольможами, чающе от него прямыя службы»¹⁹. Вины А. Адашева оказываются в том, что он с Сильвестром, в союзе со всеми боярами, «снял» с царя всякую власть и оставил ему только честь председательствовать в боярском совете.

Понятно, что подобного рода обвинения можно было высказать в пылу полемики несколько лет спустя после смерти А. Адашева, но выступать с ними на суде против такого умного и тактичного человека, как Адашев, было невозможно. Возмужавший, многое уже видевший и многому научившийся царь давно тяготился опекой Сильвестра и советами бояр, привыкших смотреть на него как на несовершеннолетнего, пришел в конце концов к мысли отделаться от них, но как это сделать, не знал и запутался. Его новые советники и доброхоты не помогли ему, а направили на ложный путь. Им было мало того, что Сильвестр удалился сам, а Адашев был удален в корректной форме и лишен, таким образом, возможности влиять на царя, и они лезть и клеветой толкали царя на ложный шаг — положить опалу на Адашева заочно, без объявления в лицо мотивов опалы, что было противно всем обычаям службы в думных и вообще высших чинах двора. Вторым ложным шагом царя Ивана был созыв собора и заочное осуждение Сильвестра и Адашева.

Эти ошибочные шаги царя по логике вещей породили ряд осложнений и повлекли за собой такие тяжелые последствия, которых не предвидели ни он сам, ни его новые советники.

Выше было рассказано, в каких до явного неправдоподобия выражениях характеризовал интриган официальная летопись всемогущества Сильвестра *. Если поверить ему, — а многие историки очень доверчиво относились к этому источнику, — то Сильвестр был не временщиком, а прямо-таки узурпатором. Такая характеристика в случае надобности могла служить хорошим оправданием расправы царя со своим многолетним опекуном. Не менее тенденциозны выпады царя Ивана по адресу А. Адашева в «Послании» к Курбскому. Оправдывая свои опалы на бояр, Иван называет Адашева их «начальником». Быть может, Иван рассчитывал этой гиперболой уязвить самолюбие Курбского, но о неправдоподобии такого определения роли и значения Адашева не стоит и говорить. В самом деле, исследуя этапы падения Сильвестра и Адашева и события, развернувшиеся в ближайшие после этого годы, мы не без удивления видим, что боярство в собственном смысле слова, т. е. думные люди, не принимали в этих событиях сколько-нибудь заметного участия. Это наблюдение дает основание сделать

¹⁹ РИБ, т. XXXI, стр. 62.

несколько выводов, которые я постараюсь обосновать в дальнейшем изложении.

Влияние Сильвестра на царя и на дела управления тенденциозно преувеличено самим Иваном и официальным летописцем *.

А. Адашев, как человек новый в боярской среде и неродовитый, не был и не мог быть «вождем» какой-либо боярской партии, тем более не был «начальником» боярства, как утверждал Иван.

В связи с этими положениями стоит третье: борьба врагов Сильвестра и Адашева за влияние на царя, длившаяся более года, происходила в очень ограниченном кругу ближайшего окружения царя; боярство, как правящая группа думных чинов, не принимало в этой борьбе сколько-нибудь заметного участия, не придавало ей принципиального значения и только через два-три года начало понимать, что заочное и по существу бессудное осуждение А. Адашева было вызовом ему, боярству, грубым нарушением основных уставов его служебного положения и связанных с ним прав и привилегий.

Удаление Сильвестра и Адашева было первым этапом на пути царя Ивана к свободе действий и независимости от совета думных людей. Достижение этой цели на первом этапе оказалось задачей относительно легкой по сравнению со вторым этапом борьбы Ивана за неограниченное самодержавие. На этом этапе Иван должен был выйти из узкого круга интимных советников и руководителей его совести и войти в конфликт со всем исторически сложившимся строем Государева двора, и в частности с его верхушкой — государевой «думой».

Рассмотрим, как и на что использовал Иван достигнутую им свободу от опеки Сильвестра и Адашева. Чтобы осветить этот вопрос, придется касаться весьма интимных сторон личной жизни царя Ивана. Подобные темы не пользуются симпатиями у новейших историков, но я не нахожу возможным обойти этот вопрос и в свое оправдание, если только в данном случае нужно оправдываться, сошлюсь на такого умного и всеми уважаемого историка, как В. О. Ключевский. В яркой характеристике Ивана Ключевский, между прочим, писал: «Описанные свойства царя Ивана сами по себе могли бы послужить только любопытным материалом для психолога, скорее для психиатра, скажут иные... К сожалению, одно обстоятельство сообщило описанным свойствам значение гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьезы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, как русская: Иван был царь. Черты его характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное, влияние на его политический образ действий, испортил его»²⁰.

[1945]

²⁰ В. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2. М., 1906, стр. 240.

ПЕРВЫЕ ОПАЛЫ И КАЗНИ

Вскоре после удаления Сильвестра и Адашева «воскурилось гонение великое» и «возгорелся пожар лютости», но замечательно, что опалы и казни первых полутора-двух лет были направлены вовсе не против боярства, которое Иван считал виновным в похищении его царской власти.

О начале гонения сам Иван в первом письме к Курбскому рассказывает так: «...Сыскав измены собаки Алексея Адашева со всеми его советники, милостивой своей гнев учинили: смертные казни не положили, но по разным местом розослали...», «исперва же убо казнию конечную ни единому коснухомся; всем же убо, иже к ним (Сильвестру и Адашеву. — [С. В.] не преставши, повелехом от них отлучитися и к ним не престаяти, и сию убо заповедь положили и крестным целованием утвердихом». Далее Иван писал, что согласники Адашева не послушались его заповеди, нарушили крестное целование и стали замышлять вернуть опальных «на первый чин», а против царя старались «лютейшее составить умышление»¹. Содержание крестоприводной записи нам неизвестно, но вероятно, что по существу она была прототипом тех записей, по которым опричник давал обязательство не иметь общения со своими родственниками и вообще с земскими.

В этом заявлении Ивана следует отметить, что он начал «отлучать» приверженцев Сильвестра и Адашева, когда последние были удалены, но еще не подверглись опале.

Во втором письме к Курбскому царь Иван бросает обвинение по адресу уже не одних согласников Адашева, но всех бояр: «Только б есте на меня с попом не стали, ино б того ничего не было: все то учинилося от вашего самовольства... Яз такие досады стерпеть не мог, за себя есми стал. И вы почали против меня больши

¹. РИБ, т. XXXI, стр. 66.

стояти да изменяти, и я потому жесточайше почал против вас стояти»².

Рассказ Курбского о том, как «воскурилось гонение великое», дает, естественно, иное освещение действиям царя, но в существенном подтверждает приведенные выше высказывания Ивана. Курбский писал, что царь, вооружаясь на борьбу с павшими фаворитами и их сторонниками, стал подбирать сочувствующих ему льстецов и «злых советников» и «усвояет их в дружбу и присягами себе и их обвязует»³. Далее Курбский рассказывает, как «скоро» после смерти Алексея Адашева началось гонение: «первые начал сродников Алексеевых и Сильвестровых писати имена», и не только родственников, но и друзей и соседей, знакомых и незнакомых, у кого, по доносам и клевете, было хорошее состояние, и так «многих имати повелел и мучити различными муками, а других множайших от именей их из домов изгоняти в дальние грады»⁴.

В числе первых жертв Курбский называет «ляховицу» Марию-Магдалину, казненную с детьми за волшебство, и Ивана Федоровича Шишкина Ольгова «со женою и с детками; сродник был Алексеев и муж вопстину праведный и zelo разумный, в роде благороден и богат»⁵. Иван Федорович Шишкин служил в низших чинах Государева двора — вероятно, был жильцом — и в 1550 г. в числе тысячи «лучших» слуг двора получил поместье под Москвой.

К сожалению, в дальнейшем перечислении жертв Курбский не соблюдает последовательности событий. Очевидно, память изменяла ему, да он и не придавал, видимо, этому значения. После упоминания о Шишкине он писал: «Потом по летех двух або трех убиена благороднии мужие: Данило, брат едноутробный Алексеев, и с сыном Тархом... лет аки дванадесять, и тесть Данила оного, Петр Туров, и Феодор, и Алексеи и Андреи Сатины, их же была сестра за Алексеем предреченным (т. е. Адашевым. — [С. В.]), и других с ними»⁶.

Даниил Федорович Адашев, младший брат Алексея, служил исключительно на ратном поприще. В 1556 г. он был воеводой во Мценске. В первом ливонском походе 1558 г. Даниил был сначала головой у казанских людей в передовом полку, а затем в походе Алексея Даниловича Басманова под Ругодив. После взятия Ругодива он был в походе к Юрьеву. В 1559 г. Даниил был пожалован в окольные чины и послан на очень смелое предприятие — произвести диверсию против крымских татар, спустившись на судах по Днепру. В этом блестящем походе Даниил Адашев был воеводой большого полка. В 1560 г. он был опять на ливонском фронте — с

² РИБ, т. XXXI, стр. 121.

³ Там же, стр. 262.

⁴ Там же, стр. 276—277.

⁵ Там же, стр. 278.

⁶ Там же.

кн. А. М. Курбским вторым воеводой большого полка. После взятия Феллина Д. Адашев был оставлен там вместе с братом Алексеем. В разрядах он больше не упоминается, но из летописей известно, что в марте 1562 г. он был опять на Днепре⁷. После этого он нигде не упоминается.

Туровы были отраслью тверского боярского рода Левашовых. Сильно размножившиеся Левашовы на службе в Москве занимали очень невысокое положение. Петр Иванович Туров, имея вотчину в Костроме, служил в Государеве дворе в чине жильца. В 1551—1552 гг. он участвовал в действиях против Казани; в 1560 г. он был писцом Нижегородского уезда и после этой службы не упоминается.

Сатины были потомками кн. Ивана Федоровича Шонура Козельского, который в середине XIV в. стал служить московским князьям, «сложивши» с себя княжеское звание. Сыновья и ближайшие потомки Шонура служили в боярах у боровско-серпуховских и других удельных князей, принимали видное участие в борьбе удельных княжат против великого кн. Василия Темного, а после поражения княжат выбыли из боярской среды. На службе в Москве Сатины занимали скромные места в низших чинах двора. Тесть Алексея Адашева Захарий Андреевич Постник Сатин в 1520 г. был писцом Переяславля, а в 1537—1538 гг. писцом Звенигорода и Рузы. На первой свадьбе царя Ивана в поезжанах были его сыновья Никита, Федор и Алексей. Алексей Сатин упоминается в 1560 г. в разрядах как воевода во Мценске. Курбский называет только трех Сатиных, но в частной записи рода Сатиных в синодике Чудова монастыря показаны «убиенными», кроме упомянутых трех братьев, еще Варвара, Иван, Макарий и Неронтий.

Других жертв первого гонения мы пока не знаем. Не задело гонение ни Данила Петровича Головина, женатого на Ульяне Федоровне, сестре Алексея и Данила Адашевых, ни Ивана Петровича Большого Головина, женатого на Анне, дочери Алексея Адашева. Все, что известно о первых жертвах опал, говорит о том, что, за исключением Данила Адашева, погибшего как брат Алексей, все жертвы принадлежали к рядовым дворянам и частью к городovým детям боярским. Ни одного имени из боярских родов, тем более из думных людей, в первые полтора года после смерти Алексея Адашева мы не знаем. Этот несомненный факт не вяжется с укоренившимся в историографии представлением об А. Адашеве как о главе боярской партии или, как говорил сам Иван, «начальнике злосоветных бояр». Из этого факта можно сделать только тот вывод, что историки, доверяя высказываниям царя Ивана, сделанным в пылу полемики с Курбским, сильно преувеличивали политическую роль Сильвестра и А. Адашева.

⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 340.

Однако если первые опалы царя Ивана поразили главным образом рядовых дворян, и в особенности родственников и «согласников» павших вельмож, то это еще не значит, что они не затрагивали интересов боярства. Характерным и многозначительным представляется то, что на первых же порах у Ивана происходят крупные столкновения не со старым московским титулованным и нетитулованным боярством, а со своими родственниками, выезжими из Литвы магнатами. Очевидно, в образе действий царя с самого же начала гонения было что-то такое, что выходило далеко за пределы вопроса удаления и уничтожения родственников и приверженцев Сильвестра и Адашева.

Уже летом 1561 г. у царя произошел какой-то крупный конфликт с его двоюродным дядей кн. Василием Михайловичем Глинским. При посредничестве митрополита Макария и всего освященного собора владык конфликт был улажен, Глинский помилован, и дело ограничилось тем, что кн. Глинский за поручительством митрополита и собора дал на себя запись в верной службе и в неотъезде⁸.

Через полгода, в январе 1562 г., у царя произошло еще более серьезное столкновение с другим, еще более значительным магнатом, кн. Иваном Дмитриевичем Бельским. Летописец Русский, умалчивая о мотивах измены Бельского, сообщает, что он «преступил крестное целование и клятвенную свою грамоту, а царю и великому князю изменил, хотел бежать в Литву и опасную грамоту у короля взят», т. е. получил как бы визу на въезд в Литву⁹. Для обсылки с Литвой Бельскому было необходимо два-три месяца времени. Таким образом, можно предположить, что столкновение царя с Бельским произошло вскоре после конфликта с Глинским.

Сообщниками кн. Бельского были дьяческий сын Богдан Постников Губин, рязанец Иван Яковлевич Измайлов и стрелецкий голова Дмитрий Елсуфьев — «той ему (т. е. Бельскому. — [С. В.]) и дорогу на Белую выписывал»¹⁰. Так, кн. Бельский был уличен в измене, а не только заподозрен, как Глинский, и по всем правилам «правого» царского суда мог быть подвергнут «конечной», т. е. смертной, казни. Однако царь Иван на это не решился, видимо, по политическим соображениям, так как казнь такого большого человека, потомка великих князей литовских, у которого были родственники в Литве, произвела бы очень неблагоприятное впечатление.

Елсуфьеву за подговор кн. Бельского к побегу вырезали язык. Губина и Измайлова били кнутом и сослали в заточенье в Галич, а кн. Бельский был арестован. Через два месяца, по ходатайству митрополита и духовенства, Бельский был освобожден, прощен,

⁸ СГГД, т. I, № 172, стр. 470.

⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 340.

¹⁰ Там же.

и все ограничилось тем, что он дал по себе поручные в большей крепости кн. Бельский, кроме [составления] поручных записей, должен был целовать крест своим по особой записи, а его люди и слуги со своей стороны были присягнуть по особым записям¹¹.

В сентябре того же года у царя происходит столкновение с двумя крупнейшими представителями боярства, но московского, а с удельными князьями Воротынским ром и Михаилом Ивановичами. На этот раз дело шло и неизвестно, были ли Воротынские в чем-либо ули сец говорит коротко, что за «изменные дела» царь по на Воротынских, взял на себя их вотчину: Новосиль, мышль и их долю в Воротынске; кн. Михаила с женой Белоозеро в тюрьму, а кн. Александра с женой сослал посадил «в тыне» под стражей, т. е. в более легкое за чем в тюрьме¹².

Кн. Александр пробыл в ссылке немного более полутора апреле 1563 г. был освобожден, дав по себе поручные ? В 1564 г. Александр был воеводой в Ржеве и заспорил кн. Иваном Пронским. На это ему была послана 4 августа с суровым выговором, что ему «пригоже быть» «менского: «и ты б знал себе меру и на нашей службе б наказу»¹³. По-видимому, по своей воле он не стал и постригся в монашество.

Кн. Михаил, герой казанского взятия и ряда других, пробыл в ссылке три с половиной года и в апреле 1563 г. помилован, восстановлен в своих правах и получил часть удела, а вместо другой части получил компенсацию в Ряполовском¹⁴.

Приблизительно через месяц после ссылки князя Курлятева царь Иван опалился на боярина кн. Дмитрия Ивановича Курлятева. «За его великие изменные дела» царь постриг прилично самого Курлятева, его жену, сына Ивана и двух дочерей [Д. Курлятев и] сын его Иван были сосланы в Коневецкий монастырь, а [жена и] дочери — в Челмогорский¹⁵.

В деле Курлятевых обращает на себя внимание то, что в нем нередко наблюдать в опалах царя Ивана, это — тесное отношение политических мотивов опалы с личными счетами царя.

Из послания царя Ивана к Курбскому видно, что кн. Дмитрий Курлятев был «единомысленником» Сильвестра и Алексея Ада-

¹¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 339—340; ААЭ, т. I, стр. 339; СГГид, т. I, № 175—176, стр. 475—483.

¹² ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 344.

¹³ СГГид, т. I, № 178—179, стр. 487—495.

¹⁴ П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, стр. 250.

¹⁵ СГГид, т. I, № 189—191, стр. 533—542.

¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 344.

шева, т. е. в числе бояр, которые, по представлению царя, отняли у него всю власть. Можно думать, что Д. Курлятев продолжал держать себя независимо и высказывать непрошенные и неугодные царю советы, и в этом была вся суть его вины. Но оказывается, что дело было не только в этом. В том же послании ниже царь с большой горечью вспоминает такие интимные подробности своих ссор с боярами, которые нам совершенно непонятны, но очень характерны: «А Курлятев был почему меня лутчше? Его дочерям всякое узорочье (ценные ивоземные ткани.— [С. В.]) покупай,— благословно и здорово, а моим дочерем — проклято да за упокой. Да много того, что мне от вас бед, всего того не исписати»¹⁷.

В Московской Руси бывали случаи принудительного пострижения политических противников, чтобы сделать их таким образом неспособными к общественной и политической деятельности, но пострижение целой семьи, хотя бы и за вину члена семьи, Курбский называет «неслышанным беззаконием». В «Истории о великом князе Московском» Курбский прибавляет, что после неслышанного беззакония, совершенного над Курлятевыми, «по коликих летех подавлено их всех»¹⁸. В этом есть некоторое правдоподобие. По родословцам, старший сын Дмитрия Ивановича Курлятева Иван, постриженный с отцом, показан в родословцах бездетным. Бездетным же показан младший сын Роман, но последний умер, по-видимому, в молодости, до опалы отца (Роман Дмитриевич служил по дворовому списку и записан в Тетради дворовой). Курбский ошибочно считал Владимира Курлятева братом кн. Дмитрия. Казненный много позже в опричнине, около 1569 г., Владимир Константинович Курлятев в действительности был племянником Дмитрия Ивановича.

В конце 1562 г., когда царь во главе большой армии лично отправился на Полоцк, конфликт его со своим двором был в полном разгаре. Опалы и казни вызывали многочисленные побеги за границу — в Литву, Швецию и даже в Турцию, а в ответ на них следовали новые опалы и казни, преимущественно родственников бежавших, «всеродне», т. е. целыми семьями. В дальнейшем участники схватки покатались по наклонной плоскости ожесточения, на которой невозможно было остановиться.

Приведу два примера. Курбский рассказывает, что царь, «идучи к Полоцку», в Невле убил стгоряча палицей собственноручно кн. Ивана Шаховского¹⁹. Официозный летописец сообщает, что по дороге к Полоцку из полков бежал родовитый дворянин Богдан Никитич Колычев Хлызнев и предупредил гарнизон Полоцка о движении московских полков²⁰. Литовские воеводы не поверили

¹⁷ РИБ, т. XXXI, стр. 120.

¹⁸ Там же, стр. 280.

¹⁹ Там же, стр. 284.

²⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 350.

Колычеву и упустили, таким образом, возможность нанести московским полкам тяжелый удар с фланга и по обозам.

Московская рать под командой царя нанесла литовцам поражение, и 15 февраля 1563 г. Полоцк был взят. Царь был очень доволен этим крупным успехом и на обратном пути, в начале марта, заехал в Старицу к кн. Евфросинье и кн. Владимиру Андреевичу, щедро жаловал их и пировал. Ничто не предвещало, казалось, конфликта, который разразился через три месяца. Повод к конфликту очень характерен. Кн. Владимир Андреевич посадил за что-то в тюрьму своего дьяка Савлука Иванова. Последний нашел способ послать из тюрьмы царю в Александрову слободу память, «а в памяти писал многие государские дела, что княгиня Офросиния и сын ее кн. Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят, и того для держат его скована в тюрьме»²¹.

Царь вытребовал к себе Савлука Иванова, «и по его слову многие о том сыски были, и те их неисправления сысканы»²². В чем состояли «неправды» и «неисправления» старицких князей, неизвестно. Неисправлением называлось вообще всякое нарушение присяги. Царь призвал митрополита Макария и освященный собор владык и «известил» им вину старицких князей, но по ходатайству митрополита и владык «гнев свой им отдал». Кн. Евфросинья изъявила желание постричься и удалиться в построенный ею Воскресенский Горицкий монастырь на р. Шексне, получила на это милостивое разрешение царя и с почетом была отправлена на Белоозеро. «Для бережения», т. е., попросту сказать, для надзора, к ней был приставлен Михаил Иванович Колычев. Чтобы обезвредить кн. Владимира, царь взял к себе на службу его бояр, дворян и приказных людей, а к нему назначил вместо них бояр и приказных людей по своему выбору²³.

31 декабря 1563 г. умер в преклонном возрасте митрополит Макарий. Его смерть была большой потерей как для царя Ивана, так и для всего его дворцового окружения. Безупречный в личной жизни, всегда и ко всем доброжелательный, образованнейший книжник своего времени, много сделавший для успехов церковной и летописной литературы, Макарий принадлежал к тем немногим избранным натурам, которые одним своим присутствием облагораживают и поднимают окружающих их людей и своим молчаливым упреком действуют сильнее, чем резким осуждением. Для борьбы он был слишком мягким человеком, но влияние его на царя долгое время было очень велико.

Когда после смерти царицы Анастасии царь утратил душевное равновесие, и «воскурилось гонение великое», Макарий стал терять свое влияние на царя. На соборе 1560 г. он один решился поднять голос, и не столько за Сильвестра и Адашева, сколько за соблю-

²¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 368.

²² Там же.

²³ Там же.

дение обычаев «правого» суда и против заочного осуждения обвиняемых. Боярство не поддержало выступление Макария. Иван поддался влиянию своих шурьев Захарьиных, а также и других «ласкателей» и «злых советников». Тем не менее в последующие годы Макарий старался по возможности ходатайствовать за опальных и вносить примирение в конфликты царя с его дворянами. Так, в 1561 г. он выступил ходатаем и поручителем за кн. В. М. Глинского, в 1562 г. — за кн. Бельского, а в 1563 г. по приглашению самого царя улаживал его столкновение со старицкими князьями.

24 февраля царь с освященным собором владык избрал на пост митрополита бывшего своего духовника, протопопа Благовещенского собора старца Афанасия, проживавшего на покое в Чудове монастыре, а 5 марта состоялось поставление его на митрополию. Неизвестно, чем был вызван этот выбор царя. Афанасий не был из среды тех иерархов церкви, которые из честолюбия и властолюбия делали всеми правдами и неправдами карьеру и угодили перед царем. Быть может, царь, зная Афанасия по духовничеству, рассчитывал, что он будет санкционировать авторитетом митрополитского сана все его действия, не претендуя хотя бы на относительную самостоятельность мнений и поступков. Афанасий тяготился таким положением, сделал несколько попыток быть примирителем и посредником между царем и его опальными, но, видя бесплодность своих попыток, вскоре после учреждения опричнины по болезни отказался от власти.

«Пожар лютости» в это время был в полном разгаре, и к этому времени относится интереснейшее сообщение Шлихтинга о попытке митрополита и бояр склонить царя Ивана на прекращение гонений. К сожалению, время этого выступления митрополита и бояр можно определить только приблизительно.

Шлихтинг рассказывает, что возгордившийся от успеха после взятия Полоцка царь Иван стал уничтожать своих приближенных за то будто бы, что они часто советовали ему воздерживаться от несправедливых войн с «христианскими народами», а обратить свое оружие против «врагов креста Христова» — татар и турок. Жестокие расправы царя со своими приближенными вызвали попытку митрополита и бояр образумить царя и убедить его отказаться от пролития крови невинных людей. Царь был поражен этим выступлением митрополита и бояр, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался спокойным... Тем временем он обдумывал, как устроить опричнину, т. е. отряд телохранителей, «чтобы под защитой их охраны явиться на всеобщее избиеие»²⁴.

Сообщение Шлихтинга тем более заслуживает внимания, что во второй половине 1564 г., перед учреждением опричнины, дей-

²⁴ Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935, стр. 52.

ствительно заметно затишье в опалах. Особенно важно было бы выяснить соотношение этого выступления митрополита и бояр с побегом кн. Курбского, весть о котором была получена в Москве 30 апреля.

7 мая царь со всей своей семьей, митрополитом Афанасием и кн. Владимиром Андреевичем отправился в Переяславль на освящение каменной церкви в Никитском монастыре, «бо бе государь царь и великий князь велику веру держаше к преподобному чудотворцу Никите, и в том монастыре постави церкви и трапезу каменны и украси в церкви иконами и книгами и всякими утварьми церковными и землями монастырь изволи, и ограду каменну вокруг монастыря повеле учинити»²⁵. Из Переяславля царь поехал в Троицу, в Александрову слободу, в село Озерцкое, в Алешню, можайское дворцовое село кн. Владимира Андреевича, а затем стал объезжать дворцовые села Верейского и Вяземского уездов. Из этого необычайно продолжительного объезда царь вернулся в Москву через два месяца — 9 июля.

В июле и в первой половине августа все внимание царя было занято дипломатическими переговорами. 13 июля в Москву прибыли гонцы нагайских мурз, затем приехали послы бухарского царя, а 2 августа прибыло посольство шведского короля для важных переговоров и заключения перемирия на основе разграничения шведских и русских интересов в Ливонии. Таким образом, в июле и августе царю Ивану было не до опал, да и вообще во время пребывания в Москве иноземных послов, чтобы не выносить сора из избы, опалы и казни прекращались или, по крайней мере, затихали.

Учитывая необычайно продолжительную отлучку царя в объездах на богомолья и потехи в дворцовых селах и занятость царя дипломатическими делами после возвращения в Москву, можно предположить, что выступление Афанасия и бояр произошло в апреле или в самом начале мая. В это время «гонение великое», бессудные казни и убийства, вроде того, как был убит в церкви у всеошной кн. М. П. Рещниц, достигли высшего напряжения. Одним из следствий этого, как будет показано ниже, был побег кн. Курбского. Бояре воспользовались поставлением нового митрополита и убедили его сделать попытку повлиять на царя.

Историки много говорили о побеге Курбского, ставили даже самое учреждение опричнины в связь с этим фактом, производим, несомненно, на царя большое впечатление, но упускали из виду, что побег Курбского был одним из звеньев очень длинной цепи предшествовавших ему побегов и что этот факт необходимо рассматривать и оценивать его значение в связи с целым потоком побегов, начавшихся в 1562 г. или, быть может, в конце 1561 г.

²⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 383.

ПОБЕГИ ЗА ГРАНИЦУ И ПОРУЧНЫЕ ЗАПИСИ

Побеги за границу и так называемое право отъезда

Великой загадкой царствования Ивана был и остается вопрос, как и почему произошел многолетний разрыв царя со своими приближенными и дворянами, наложивший неизгладимую кровавую печать на имя Ивана у современников и потомства. Историки, чтобы понять и как-нибудь объяснить эту загадку, много говорили о так называемых «притязаниях» (разумеется, своекорыстных и реакционных) боярства, и на фоне обличения этих притязаний вырисовывалась величественная фигура царя, чуть не революционера на троне, тщетно всю жизнь боровшегося с косным, невежественным и своекорыстным боярством.

Среди этих притязаний боярства одно из первых мест занимало так называемое право отъезда. Правда, в рассуждениях о праве отъезда оговаривались, что оно давно уже вышло из употребления, но что боярство пыталось будто бы восстановить эту далекую старину. В основе этих рассуждений лежит очень большое недоумение.

Упускали из виду, что огромное большинство московских служилых родов уже более двухсот лет служило наследственно, от отца к сыну, что случаи отъездов в этой среде были крайне редким исключением даже в XV в., что при ликвидации независимости Ярославского, Тверского и Рязанского княжеств местные землевладельцы сохранили свои вотчины ценой отказа за себя и за свое потомство от права отъезда и что в XVI в. отъезжать было некуда, так как последний удельный князь Владимир Андреевич Старицкий, получая в 1541 г. удел, дал обязательство не принимать к себе на службу людей великого князя.

Напомню, что на соборе 1550 г. было проведено постановление, по которому митрополит и владыки не имели права принимать к себе на службу детей боярских без особого разрешения царя. Наконец, в судебнике того же года было постановлено запретить

кому бы то ни было принимать на службу государевых детей боярских, за исключением отставленных от службы.

Чтобы покончить с легендой о притязаниях боярства на право отъезда, достаточно внимательно и без предубеждения просмотреть полемику царя Ивана с Курбским. Казалось бы, кому как не Курбскому было кстати в оправдание своей измены и побега вспомнить о старинном праве отъезда. В действительности этого мы не видим.

Царь Иван в первом «Послании» к Курбскому пишет, что тот, изменив и нарушив крестное целование, спас свою жизнь, но погубил навеки душу. Гораздо выгоднее было бы ему, по мнению царя, вытерпеть все от него, строптивного владыки, и получить за то мученический венец на том свете: «Ты же, тела ради, душу погубил еси и славы ради мимотекущая нелепотную (т. е. дурную.— [С. В.]) славу приобрел еси, и не на человека възъярився, но на бога востал еси... и аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптивного владыки, страдати и венец жизни наследити (т. е. унаследовать.— [С. В.]), ...единого ради малаго слова гневна не токмо свою едину душу, но и своих родителей души погубил еси»¹. Ниже в том же «Послании» Иван, противореча себе, что с ним случалось нередко, писал: «Зла же и гонения безлепа от мене не приял еси, и бед и напастей на тебя не подвигли есме; а кое и наказание мало бывало на тебе, и то за твое преступление... А лжей и измен, их же не сотворил еси, на тебя не взваживали есме; а которые еси свои проступки делал, и мы по тем твоим винам по тому и наказание чинили»².

Курбский в первой «епистолии», оправдывая свой побег, писал: «Коего зла и гонения от тебя не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! И коих лжеплетений презлых на мя не возвел еси! ...Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, ни исходатайствовах от тебя никоея же милости архирейскими чинами», т. е. заступничеством митрополита и владык³. В третьем письме Курбский писал, что «аще кто по неволе присягает или кленется, не тому бывает грех, кто крест целует, но паче тому, кто принуждает, аще бы и гонения не было; аще ли же кто прелютаго ради гонения не бегаёт,— аки бы сам себе убойца», т. е. самоубийца. При этом Курбский ссылается не на право отъезда, а на священное писание: «Аще же, рече, (бог.— [С. В.]), гонят вас во граде, бегайте во други»⁴.

Что побег Курбского был вызван далеко не единым и не малым гневным словом царя, видно из «Послания» самого Ивана и из приведенных заявлений Курбского. Если нужны еще подтверждения, то укажу на частное письмо Курбского в Печерский Псков-

¹ РИБ, т. XXXI, стр. 16, 17.

² Там же, стр. 88.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 131.

ский монастырь, написанное им в эмиграции. Курбский пишет старцу Вассиану Муромцеву о своих делах и высказывает, между прочим, упрек по адресу иерархов церкви: «Каких напастей и бед, и наругания, и гонения не претерпех! Многажды в бедах своих ко архиерею и ко святителем, и к вашему чина преподобию (т. е. к архимандритам и игуменам монастырей.— [С. В.]) со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадаю и валяюся пред ногами их... и ни малые помощи, ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые от них потаковники их кровем нашим наострители явпшася»⁵.

Итак, все притязания Курбского сводятся к тому, чтобы не быть битым без вины и без суда, а в оправдание своего побега он ссылается не на право отъезда, хотя бы устаревшее и вышедшее из употребления, а на Евангелие, которое не только разрешает, но и рекомендует бежать от верной смерти, чтобы не совершить «великого греха» самоубийства. Само собой разумеется, что венец мученика в загробной жизни, который ему предлагал Иван, Курбского не соблазнял. Не менее ясна позиция царя Ивана: «жаловати своих холопей вольны, а и казнити их вольны же», и не дело холопа рассуждать, за вину бьют его или без вины.

Если можно считать несомненным, что Курбский не претендовал на право отъезда, то не менее несомненным следует считать то, что его побегу предшествовал ряд столкновений с царем, что ему приходилось прибегать, как это было в обычаях, к печалованию и заступничеству иерархов церкви и что он бежал в конце концов не от «малого гневного слова» царя, а от более или менее реальной угрозы смерти. В чем была его последняя вина и насколько действительно была грозившая ему опасность, об этом Курбскому было лучше знать и судить, чем нам спустя 400 лет после событий, относительно которых до нас дошло так мало источников.

Чтобы правильно понять и объяснить значение факта побега Курбского, недостаточно выслушать заявления по этому вопросу царя Ивана и самого Курбского, необходимо рассмотреть весь поток побегов, захвативший в 1564 г. Курбского и продолжавшийся в последующие годы.

В родословных источниках довольно много указаний на побег. Их было бы еще больше, если бы подобные факты считались похвальными и достойными сохранения в памяти потомства. К сожалению, все эти указания не датируются, что значительно снижает их цену.

Опалы вызывали побег, и обратно, побег влекли за собой новые опалы, поражавшие в первую очередь семью бежавшего, а затем больший или меньший круг его родственников. Разобраться в последовательности событий большей частью очень трудно. Так,

⁵ РИБ, т. XXXI, стр. 406.

в самом начале опричных казней был казнен думный дворянин Петр Иванович Горенский Оболенский; у него был брат Юрий, про которого родословцы сообщают, что он бежал в Литву. Побег ли Юрия вызвал казнь его брата Петра или казнь Петра побудила Юрия бежать, сказать невозможно.

Тимофей Иванович Пухов Тетерин за неизвестную нам вину был принудительно пострижен и сослан в Антониев Сийский монастырь. Около 1563 г. он бежал из ссылки в Литву и вступил в ряды вражеской армии. Его измена и активное выступление против родины вызвали преследование его родственников. Некоторые были казнены, кажется, непосредственно после побега Тимохи, другие в самом начале опричнины были сосланы на житье в Казань, а несколько позже тоже казнены. В общем в Синодике опальных записано 17 чел. Тетериных (в писцовых книгах Казани 1565 г. показаны сосланными на житье: родной брат Тимохи Осип, двоюродные братья Василий Иевлев, Михаил и Григорий Гундоровы и Ширяй).

Иногда казнь видного представителя рода ложилась клеймом на весь многочисленный род и вызывала побег и новые казни. Так было с Квашниными. В 1571 г. был казнен в Новгороде Василий Васильевич Квашнин Розладин, а жена его принудительно пострижена. Много позже, в 1589 г., Василий Андреевич Квашнин в местническом споре с Ф. Бутурлиным писал: «А то, государь, деялось грехом нашим да государскою опалою; в государскою опале не стало Ивана Пояркова сына Квашнина да Семейки Чулкова сына Квашнина, да Ивана Федорова сына Невежина, да Василья Розладина. И видя, государь, наш грех, а государскую на нас опалу, в те ж поры пропал в Литве Золотой Григорьев сын Квашнин. и государь на нас в те поры на всех положил опалу, и мы, государь, видя свой грех, не смели ни о чом бить челом государю, ни о отечестве, ни о местах»⁶.

Относительно И. Ф. Невежина известно, что он был казнен года через два после Василия Розладина. Приблизительно в то же время бежал в Швецию Петр Розладин, вероятно, двоюродный брат Василия. Петр Розладин вступил на службу и в 1594 г. был подполковником. Его сын Фриц в 1625 г. был причислен к шведскому дворянству и умер бездетным в 1628 г. Золотой Квашнин при царе Федоре выпросил себе помилование, вернулся в Москву и в 1610 г. служил в городских детях боярских с небольшим окладом в 6 руб.

Немногим эмигрантам удавалось устроиться и, подобно Петру Розладину, сделать карьеру, большинство беглецов пропадало навсегда в полной безвестности.

Просматривая список известных нам беглецов, мы видим, что подавляющее большинство их принадлежало вовсе не к высшим

⁶ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, приложения, стр. 16.

чинам Государева двора, а к рядовым дворянам и к младшим, иногда совсем захудалым членам боярских родов. Побег кн. Курбского, боярина и прославившегося во многих походах воеводы, был исключением и потому произвел такое сильное впечатление.

Перед учреждением опричнины побег стал столь заурадным явлением, что летописец, рассказав об отбитом в октябре 1564 г. нападении Литвы на Полоцк, прибавляет: «...В государеве вотчине в городе Полоцке всякие осадные люди, дал бог, здорово; а только один изменник государьской убежал с сторожи к литовским людям новоторжец сын боярской Осмой Михайлов сын Непейцын»⁷. По родословным источникам, в разное время бежали следующие лица из боярских родов: князя Василий Андреевич Шамаха Шасгунов, Лев Иванович Морткин Бельский, Иван Дмитриевич Губка Шуйский, Михаил Иванович Ногтев Суздальский, Ф. И. Буйносос Ростовский, Михаил Андреевич Ноготков Оболенский (бежал после казни своего отца); Иван Борисович Прусыкин, Владимир Семенович и Иван Иванович Ярого Микулин Заболотский. Даниил Петрович Белеутов «казнен в литовском отъезде». Григорий и Иван Тимофеевичи Борисовы Бороздины в 1553 г. были осуждены по обвинению в ереси М. Башкина. Иван Тимофеевич был сослан в Валаамский монастырь и бежал оттуда в Швецию⁸.

Заканчивая рассказ о побеге, следует сказать несколько слов о другой форме уклонения от грозы гонений, к которой прибегали слуги царя Ивана, — о пострижении в монашество. Риск быть пойманным в пути или на пограничной заставе и кары, которыми обыкновенно подвергались родственники бежавшего, удерживали многих от побга, и они избирали менее рискованный путь — заканчивали свои счеты с жизнью и самовольно уходили в монастырь. Для ухода в монастырь обыкновенно было необходимо разрешение царя, но поскольку пострижение в монашество считалось вообще делом богоугодным, царь Иван смотрел на него сквозь пальцы и даже сам прибегал, как упоминалось выше, к принудительному пострижению персонально и целыми семьями. Но когда уход в монастырь стали многочисленными, Иван стал вносить в поручные записи обязательство служилого человека не постригаться без разрешения, а иногда подвергал самовольно постригшегося человека казни, не взирая на монашескую рясу, которой тот рассчитывал прикрыться от царского гнева.

Так погиб Никита Казаринов Голохвастов с сыном Федором. Когда царь узнал, что тот постригся и принял «ангельский чин», т. е. схиму, он приказал привести его с сыном в Александрову слободу и казнил их. Курбский рассказывает, будто Иван при этом

⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 39.

⁸ ААЭ, т. I, стр. 355.

Новое издание описи Царского архива, см. «Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.», под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. — *Прим. ред.*

сказал: «Он... ангел: подобает ему на небо взлетети», велел посадить на бочку с порохом и, «привязавши тамо мужа, взорвати»⁹.

Поручные записи

В борьбе с побегами царь Иван употреблял старое средство — поручные записи, доводя его до крайних пределов. Издавна московские князья, «отдавая вину» провинившемуся служилому человеку «за печалованием» митрополита и владык или по ходатайству бояр и дворян, приводили его к крестному целованию по особой записи и брали поруку в форме особой поручной записи или писали поручителей в крестоприводную записи.

Ответственность митрополита и властей была исключительно моральной. Подкреплением поручной записи со стороны поручителей была угроза отлучения от церкви и проклятие «в сем веке и в будущем», если прощенный за их поручительством человек провинится вновь. Ответственность поручителей из частных лиц могла быть двойной. Поручитель отвечал либо «головой», т. е. лично и всем своим имуществом, как и человек, за которого он ручался, либо поручительство было только имущественным и ограниченным определенной суммой.

Полное поручительство можно было получить только в среде родственников, друзей и близких знакомых. Ограниченное поручительство, конечно, было легче получить, но и оно требовало от выручаемого человека тех или иных жертв. Во всяком случае поручители, принимая на себя ответственность, становились заинтересованными в поведении и образе жизни вырученного ими лица и по существу как бы брали его под свой надзор.

Обыкновение брать записи по человеку, провинившемся перед князем и прощенном им, существовало давно. До нас дошло, начиная с третьей четверти XV в., [много] записей (они напечатаны в I томе «Собрания государственных грамот и договоров»). От времени царя Ивана мы имеем записи по десяти лицам, но в действительности их было очень много. Так, в известной описи царского архива, кроме напечатанных записей, упоминаются записи по известному боярине Иване Ивановиче Хабарове и целый ящик (35-й), «а в нем грамоты поручные, старые и новые, и список грамот подтвержденных»¹⁰.

Из той же описи царского архива мы узнаем, что кн. Иван Бельский дал в 1562 г., сверх обычных поручных, еще другие подтвердительные записи: записи, по которой он целовал крест своим поручителям, и записи, по которой были приведены ко кресту его дворовые люди.

Записи времени царя [Ивана] отличаются от старых исключительно большим количеством головных (основных) поручителей,

⁹ РИБ, т. XXXI, стр. 308.

¹⁰ ААЭ, т. I, стр. 338.

очень большим количеством подручных с ограниченной ответственностью и огромной по тому времени денежной неустойкой.

Напечатанные более ста лет тому назад записи до сих пор остаются не использованными и не оцененными в должной мере историками. На них ссылались в связи с тем или иным лицом, которое должно было дать запись, заимствовали какую-нибудь подробность из текста записи, но никто не обращал внимания на поручителей и не задавался вопросом, какое практическое значение имело поручительство сотен лиц. Между тем только в десяти напечатанных записях насчитывается до 950 чел., из которых 117 чел. ручались дважды, 16 — трижды, 7 — четырежды, а рязанец Кушник Григорьевич Вердеревский ручался пять раз.

Внимательный анализ состава поручителей дает возможность сделать несколько существенных наблюдений и выводов. Обыкновенно выручаемый должен был сам набрать поручителей и договориться с ними, но не исключена возможность, что царь Иван приказывал, конечно, негласно, тому или иному доверенному лицу предложить свое поручительство с тем, чтобы поручитель имел основание и право интересоваться частной жизнью и поведением выручаемого.

Поручительство частных лиц по существу было аналогично печалованию за виновного митрополита и властей. Поручители были как бы посредниками и соглашателями между царем и заподозренным или провинившимся перед ним человеком. Рискуя своей головой и имуществом, они связывали свои интересы с судьбой выручаемого. Таким образом, практика поручительства, доведенная царем до крайних пределов, вызывала последствия, едва ли предвиденные царем и едва ли для него желательные; она сплачивала среду, с которой Иван был в конфликте.

В составе поручителей мы видим самые разнообразные элементы класса служилых землевладельцев. После учреждения опричнины опричникам было запрещено не только поручительство, но даже иметь общение с земскими, однако в записях после 1565 г. мы находим то же разнообразие элементов.

Возьмем поручную 1562 г. по кн. И. Д. Бельском. Напомню, что Бельский был не заподозрен, а уличен в измене и намеревался бежать в Литву. Поэтому поручительство было делом весьма серьезным. В числе поручителей по Бельском мы видим будущих опричников: Ивана Ивановича Наумова Бухарина, Федора Васильевича Вокшерина, который незадолго перед тем привез царю Ивану невесту из Кабарды, Федора Матвеевича Денисьева Булгакова, кн. Петра Ивановича Борятинского, Ивана Григорьевича Совина, Алексея Михайловича Старого Меликова и др. Вперемежку с будущими опричниками за Бельского ручались лица, казненные в разное время — до учреждения опричнины и после: боярин Владимир Васильевич Морозов и кн. Михаил Петрович Репнин, Иван Григорьевич Выродков, Григорий Иванович Кафтырев, Михаил

Матвеевич Лопатин, Молчан Семенович Митьков (убитый царем на пиру), кн. Дмитрий Федорович Шевырев Оболенский, Григорий Семенович Плецеев, кн. Василий Васильевич Волк Ростовский, Семен Степанович Сунбулов, Андрей Федорович Щепотьев и др.

В социальном отношении состав поручителей очень разнообразен и охватывает разные слои служилого класса. Мы видим, наряду с людьми в думных чинах, дворян разной значительности и разных чинов и довольно большое количество заурядных городских детей боярских. Большинство поручителей, конечно, было из дворян.

Не менее показателен состав поручителей по кн. Александре Воротыньском (1563 г.). За него ручались головой и 15 тыс. руб. кн. Иван Дмитриевич Бельский, кн. Иван Федорович Мстиславский и такие крупнейшие будущие опричники, как Алексей Данилович Басманов, Иван Яковлевич Чеботов, бояре кн. Андрей Иванович Ногтев Суздальский, Дмитрий Иванович Немого Телепнев Оболенский и казенные вскоре после этого поручительства бояре кн. Юрий Иванович Кашин Оболенский и Михаил Петрович Репнин. Еще разнороднее состав подручных поручителей с ограниченной ответственностью. И здесь мы находим будущих опричников: кн. Петра Ивановича Борятинского, Ивана Ивановича Выродкова, Андрея Тимофеевича Зачесломского, Утеша Андреевича Капустина и Никифора Матвеевича Товарищева.

В поручной записи по боярине Иване Васильевиче Большом Шереметеве 1564 г. мы видим будущих опричников: Константина Дмитриевича Поливанова, Василия Федоровича Ошанина и Ивана Ивановича Бухарина Наумова, а рядом с ними казенных впоследствии Андрея Ивановича Баскакова, Федора Молчанова Дементьева, Андрея Тимофеевича Зачесломского, Григория и Семена Романовичей Образцовых, Никифора и Степана Матвеевичей Товарищевых.

Более детальное исследование поручных записей, наверное, даст возможность еще ярче охарактеризовать сложность и многообразие отношений родства и свойства, бытовых и служебных связей, отношений дружбы и соседства, которыми сплетались представители служилого класса, в особенности в ограниченной сфере Государева двора, ближайшего окружения царя. Каждый удар, который царь Иван наносил тому или иному представителю этой среды, задевал в большей или меньшей мере десятки лиц, связанных с опальными, и вызывал с их стороны реакцию. Когда в 1563—1564 гг. опалы поразили большое количество дворян, царь Иван должен был почувствовать себя опутанным густой сетью «печальников», ходатаев и лиц, готовых ручаться за опальных головой и всем своим имуществом.

Официальный рассказ об учреждении Опричного двора подтверждает вывод, сделанный выше на основании изучения поруч-

ных записей. В грамоте, присланной из Александровой слободы в Москву, царь писал: «И в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотрити, и архиепископы, и архимадриты, и игумены, сложася з бояры и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати»¹¹.

Обойтись в управлении государством и в армии без старого Государева двора и входивших в состав его людей было невозможно. Оставаться в этой среде и одновременно бороться с ней становилось небезопасным. Выход из этого положения царь Иван нашел в том, чтобы удалиться из старого двора и устроить новый, «особый» или, как его позже стали называть, «опричный двор», набрать в него по своему усмотрению доверенных и покорных слуг, обеспечить себе таким образом безопасность личную и получить свободу действий.

Кажется совершенно непонятным, как можно было рассуждать об Опричном дворе, не зная, что он был выделен из старого Государева двора, существовавшего с незапамятных времен, и организован по его образцу, что все время существования опричнины старый двор продолжал существовать параллельно, что, наконец, отставка опричнины состояла в том, что оба двора были по-прежнему слиты в один двор, который после этого просуществовал до реформы Петра I.

В рассказе о реформе 1550 г. была сделана мной общая характеристика Государева двора и в основных чертах выяснены значение дворян в центральном и местном управлении Московского государства и место, которое занимал двор во всей массе служилых помещиков и вотчинников. В дополнение к этой характеристике необходимо ближе рассмотреть генеалогический состав двора, чтобы иметь ясное представление о той среде, в которой пришлось жить и действовать царю Ивану.

Дружина князя XII—XIII вв. делилась на две неравные части: на старейшую и на молодшую дружины. Такое же, по существу, деление было и во дворе московских государей XVI в. Приблизительно две трети двора, около 1800 чел., служили в чине жильца. Это — молодшая дружина московских государей. Жильцы несли охрану царского дворца, исполняли мелкие поручения, а в царских походах были рядовыми государева дворового полка. Таким образом, жильцы играли роль телохранителей и были как бы гвардией московской армии. Никакой роли в управлении государством они не играли.

Роль старейшей дружины играли высшие чины двора, начиная с боярина. Думные чины от боярина до думного дьяка включительно были правящей верхушкой двора. При царе Иване «дума»

¹¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 392.

состояла из 50—60 чел. В руках думцев и следующих двух чинов — больших дворян и стольников было все центральное и местное управление государством, все командные должности в армии, в гражданском управлении и во внешних сношениях.

Для характеристики Государева двора важно отметить две его стороны: во-первых, совершенно непривычную для наших понятий генеалогическую устойчивость состава двора и, во-вторых, очень ограниченное количество родов и фамилий, представители которых из поколения в поколение занимали место в высших чинах двора. Поясню эти положения двумя примерами. Дьяки, независимо от происхождения, служили обыкновенно по дворовому списку. Сыновья дьяков зачислялись во двор в чине жильца, и это было обычно пределом их карьеры. В исключительных случаях дьяческий сын, если его отец был из детей боярских, достигал чина стряпчего или стольника. Представитель боярского титулованного или нетитулованного рода начинал обычно службу с чина стольника. Если он благополучно и исправно продвигался по службе, то из стольников мог попасть в думные дворяне и даже в окольничие, а затем получить высший чин — боярство. Но были и такие «великие», как тогда говорили, роды, представители которых, начиная службу с чина стольника, получали боярство непосредственно, минуя чин окольничего.

Для характеристики состава двора, чтобы не слишком углубляться в дебри генеалогии, приведу несколько справок о дворе царя Ивана.

Из рода Бяконта (Плещевы, Игнатьевы и др.) и из рода Пушкиных при Иване во дворе служило по 43 чел.; 30 — Заболотских, 39 — Беклемишевых, по 22 чел. Поливановых и Татищевых, не менее 30 — из рода Ратши (Федоровы, Бутурлины, Чеботовы, Чулковы, Жулебины, Слизневы, Челяднины и другие фамилии).

То же мы видим и в титулованных родах. При Иване во дворе служили: не менее 120 чел. князей Ярославских, 69 — Оболенских, 31 — Белозерских, 29 — Стародубских, 28 — Ростовских, 25 — Мещерских и т. п.

В общем можно сказать, что две трети Государева двора времени Ивана, и притом в высших чинах, происходило из трех десятков княжеских и четырех десятков нетитулованных родов. Естественно, что при большой устойчивости служебного положения и ограниченном количестве родов все они с течением времени в напряженной борьбе за положение многократно сплетались узами родства и свойства путем браков. Важное значение этого факта станет ясным, если напомнить, что и московские великие и удельные князья на протяжении истории не раз вступали в брачные связи и выдавали своих сестер и дочерей за своих титулованных и нетитулованных слуг.

Рискуя наскучить читателю, приведу несколько справок о родственных связях ближайшего окружения царя Ивана.

Обзор следует начать с князей Глинских, родственников царя Ивана по матери, Елене Васильевне Глинской. Брат вел. кн. Елены кн. Юрий Васильевич, убитый в Москве чернью в 1547 г., был женат на кн. Ксении Васильевне Бычковой Ростовской. Их сестра кн. Марья Васильевна была замужем за старшим представителем рода ярославских князей, за кн. Иваном Даниловичем Пенковым. Родной дядя вел. кн. Елены кн. Михаил Львович Дородный (умер в тюрьме в 1534 г.) был женат на кн. Елене Ивановне Немого Телешевой Оболенской. Их дочь была замужем за кн. Федором Ивановичем Троекуровым. Наконец, двоюродный брат царя Ивана по матери кн. Иван Михайлович Глинский женился на дочери известного опричника Григория Лукьяновича Малюты Скуратова Бельского.

В брачных связях князей Глинских следует отметить их родство с князьями Оболенскими и с одной из самых могущественных боярских фамилий — с Челяднинными. Кн. Иван Иванович Немой Телешнев приходился двоюродным братом известному боярину Ивану Федоровичу Овчине Оболенскому, погибшему в борьбе князей Шуйских со сторонниками вел. кн. Елены. Сестра кн. Ивана Федоровича Овчины Аграфена, по мужу Челяднина, как известно, была мамкой будущего царя Ивана, которой вел. кн. Василий Иванович, умирая, поручил воспитание своего наследника.

Челяднины, начиная со времени вел. кн. Василия Темного, были в особой близости у великих князей. Родная тетка мамки Аграфены Марья Андреевна Челяднина была замужем за кн. Семеном Даниловичем Холмским, брат которого Василий в 1500 г. женился на дочери вел. кн. Ивана III Федосье. Кн. Василий Данилович Холмский за какую-то провинность, вероятно, семейного свойства, был лишен боярства и в 1509 г. сослан на Белоозеро, где и умер в тюрьме.

Боярин и конюший Иван Иванович Челяднин (умер в 1542 г.) был женат на кн. Анастасии Ивановне Палецкой, а его сестра Марфа была замужем за кн. Дмитрием Федоровичем Бельским. Последней представительницей рода Челяднинных была Марья Васильевна, родная племянница мамки Аграфены. В первом браке она была за кн. Иваном Осиповичем Дорогобужским, а во втором — за известным боярином Иваном Петровичем Федоровым, старшим представителем рода Акинфовичей Ратшиных, из которого вышли фамилии Бутурлиных, Чеботовых, Чулковых, Жулебиных.

Карьера князей Бельских, потомков великих князей Литовских, может служить хорошим примером тех трудностей, которые приходилось преодолевать знатным выходцам из-за рубежа, попадая в сплоченную среду московского боярства. В 1482 г. кн. Федор Иванович Бельский порвал связи со своей родиной и выехал в Москву к вел. кн. Ивану. Его выезд имел большое политическое значение, и он был принят с большой честью. Он женился на кн. Анне

Васильевне Рязанской и получил в вотчину и в удел большое владение Демон, Мореву слободу и волость Велилию в Шелонской пятине Великого Новгорода¹². Однако знатный Гедиминович, видимо, не мог сразу примениться и привыкнуть к московским порядкам и в 1493 г. подвергся опале, был посажен в тюрьму и лишился пожалованной ему вотчины. В конце века Федор Иванович был помилован и получил вотчину — удел, но не на западной окраине Московского государства, а на восточной — на Волге. Вел. кн. Иван дал ему город Лух с волостями, Вичугу, Кинешиму и Чихачев¹³.

У кн. Федора Ивановича было три сына, из которых второй, Иван Федорович, был убит в 1541 г. кн. Шуйским, а младший, Семен, в конце княжения вел. кн. Василия бежал в Литву.

Бельские сплелись узами родства с великокняжеским домом и с несколькими первостепенными боярскими родами. Иван Федорович, убитый в 1541 г. Шуйским, был женат на кн. Елене Михайловне Щенятевой и был, таким образом, в свойстве с князьями Куркиными и Голицыными. Его старший брат Дмитрий Федорович был женат на Марфе Ивановне Челядниной (умер в 1551 г.). Единственный сын Дмитрия Федоровича Иван Дмитриевич, последний представитель рода, был женат на кн. Марфе Васильевне Шуйской, внучке царевича Петра и правнучке вел. кн. Ивана III. Сестры кн. Ивана Дмитриевича были в замужестве: Евдокия — за боярином Михаилом Яковлевичем Морозовым, казненным в 1573 г., а Анастасия — за царским шуряном Василием Михайловичем Юрьевым, которого современники считали одним из вдохновителей учреждения опричнины.

Наряду с князьями Глинскими и Бельскими по знатности и высокому положению при дворах вел. кн. Василия и царя Ивана стояли князья Мстиславские, потомки Гедимина. Кн. Федор Михайлович Мстиславский выехал в Москву в 1526 г. и получил в вотчину и в удел волость Юхть, бывший удел ярославских князей Юхотских. Кн. Федор Михайлович первым браком был женат на вдове кн. Василия Васильевича Шуйского, кн. Анастасии Петровне, дочери царевича Петра и внучке вел. кн. Ивана III. Через этот брак Ф. М. Мстиславский породнился с князьями Бельскими, так как дочь кн. В. В. Шуйского и Анастасии Марфа стала женой кн. Ивана Дмитриевича Бельского. Вторым браком кн. Ф. М. Мстиславский был женат на Анастасии Владимировне Воротынской, родной племяннице кн. Михаила Ивановича Воротынского, казненного в 1573 г.

Сын Федора Михайловича, Иван Федорович, был женат на кн. Ирине, дочери кн. Александра Борисовича Горбатого Суздальского, казненного при учреждении опричнины. Этот брак роднил И. Ф. Мстиславского с Романовыми, так как другая дочь

¹² ПСРЛ, т. XII, стр. 213—214.

¹³ СГГид, т. I, стр. 392.

кн. Александра Горбатого, Евдокия, была женой Никиты Романовича Юрьева, брата царицы Анастасии.

Кн. Александр Борисович Горбатого через свою жену Анастасию Петровну Головину был в родстве и свойстве с рядом боярских фамилий. Ховрины, Головины и Третьяковы, богатые потомки выезжего грека Стефана Васильевича, были как бы узлом целого клубка родственных нитей, связывавших ряд боярских фамилий. Отец кн. Анастасии Горбатой, казначей Петр Иванович, был женат на кн. Марье Васильевне Одоевской. Сестра казначея Петра Марья была замужем за боярином кн. Иваном Дмитриевичем Пронским. Его другая сестра, Евдокия, была женой боярина Ивана Васильевича Хабарова Симского, отца злополучной жертвы царской опалы боярина И. И. Хабарова, принудительно постриженного и умершего, по-видимому, не своей смертью в Кириллове монастыре.

Агриппина Дмитриевна Ховрина была женой боярина Ивана Григорьевича Морозова, а ее сестра Анна-Славна — боярина кн. М. В. Кислого Горбатого Суздальского.

В следующем колене рода Ховриных Головиных следует отметить такие связи. Казначей Иван-Фока Петрович Головин (умер в 1562 г.) был женат на кн. Анне Ивановне Шаминой Ярославской. Его брат Петр Петрович, казненный при учреждении опричнины одновременно с кн. Александром Горбатым, был женат на Анне Поджегиной Зайцевой, дочери известного любимца вел. кн. Василия Ивана Юрьевича Шигони. Другой брат Ивана-Фоки, Даниил Петрович, был женат на Ульяне Федоровне Адашевой, сестре Алексея и Даниила Адашевых. В том же колене Евдокия Ивановна Третьякова была замужем за кн. Василием Ивановичем Горбатым, а ее двоюродные сестры Софья Юрьевна Грязного Ховрина — за кн. Василием Ивановичем Репниным, а Дарья — за Никитой Романовичем Юрьевым, братом царицы Анастасии.

Отмечу еще несколько связей боярских фамилий с великокняжеским домом.

Кн. Василий Андреевич Сицкий, принятый в Опричный двор, был женат на Анне Романовне, сестре царицы Анастасии.

Князья Курбские через Тучковых Морозовых были в кровном родстве с царицей Анастасией Романовной. Ирина Ивановна Тучкова была матерью Романа Юрьевича Захарьина и бабкой царицы Анастасии, а Андрей Михайлович Курбский был правнуком по матери Василия Борисовича Тучка Морозова, родного брата Ивана Тучка — деда царицы Анастасии.

Об этом родстве кн. А. М. Курбский напоминал царю Ивану в ответ на его упрек: «А и съ женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было»¹⁴. На это Курбский отвечал, что только у московских

¹⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 120.

князей в обычае губить «всеродне» своих кровных родственников, «а тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница»¹⁵.

Хорошо известный историкам перечень думных людей по годам, начиная со времени вел. кн. Василия Темного, при первом поверхностном знакомстве не дает правильного представления о составе и характере Боярской думы великих князей и царей. Для понимания этого источника совершенно необходимо иметь все время под руками поколенные росписи титулованных и нетитулованных родов. При помощи поколенных росписей выясняется очень важный для понимания Боярской думы и ее значения в истории Московского государства факт. Большинство представителей думы, и притом в высших чинах, принадлежало к небольшому количеству первостепенных родов, которые из поколения в поколение выделяли из своей среды по нескольку человек в думные чины и в высший командный состав армии. На втором плане за этими первостепенными родами стояли роды, представители которых достигали думных и «стратилатских» чинов спорадически, порознь, в порядке особой удачи и счастья за исключительные заслуги или по родству с великокняжеским домом.

Приведу несколько примеров карьеры первостепенных родов.

У боярина Григория Васильевича Поплевы Морозова (умер в 1492 г.) было пять сыновей. Из них один был убит в молодости под Смоленском, а другой утонул в юности в Оке. Старший сын, Иван, в 1510 г. был пожалован в окольниковиче, затем в 1531 г. в бояре (умер в 1549 г.). Второй сын, Василий, в 1516 г. стал окольниковичим и в 1532 г. боярином (умер в 1538 г.). Третий сын, Яков, до боярства не дослужился и умер в чине окольниковичего в 1538 г.

В следующем колене было пять человек, все в думных чинах.

Семен Иванович — с 1552 г. окольниковичий (умер в 1557 г.).

Григорий Васильевич — с 1548 г. окольниковичий, а с 1549 г. боярин (умер в 1556 г.).

Владимир Васильевич — с 1549 г. окольниковичий, с 1562 г. боярин, казнен незадолго перед учреждением опричнины.

Петр Васильевич — с 1550 г. окольниковичий, с 1554 г. боярин (умер в 1578 г.).

Михаил Яковлевич — с 1548 г. окольниковичий, с 1549 г. боярин и дворецкий (казнен в 1573 г.).

Кн. Андрей Иванович Старицкий был женат (1533 г.) на кн. Евфросинье Андреевне Хованской. Его сын, последний удельный князь московского дома, кн. Владимир Андреевич, первым браком был женат на Евдокии Александровне Нагой (1549 г.). Второй женой Владимира Андреевича была кн. Евдокия Романовна Одоевская (1555 г.).

Евдокия Романовна, как известно, была казнена с мужем в 1569 г., а ее брат боярин Никита Романович Одоевский, последний

¹⁵ РИБ; т. XXXI, стр. 133.

удельный князь Одоевский, служил в это время в Опричном дворе, а через четыре года был тоже казнен.

Приведенные справки дают ясное и достаточное представление о том сложном и запутанном клубке связей кровного родства и свойства по бракам, в котором жил и действовал царь Иван.

Трагедия многолетнего кровавого конфликта царя Ивана со своим двором состояла в том, что история поставила его государем огромной страны, а та же история и все прошлое московских великих князей связывали его многообразными и многократными узами родства и свойства с правящей средой государства и тем самым делали его участником и действующим лицом напряженной борьбы лиц, группировок фамилий и родов, которая никогда не прекращалась.

В обычное время авторитета и власти великого князя было достаточно, чтобы держать эту борьбу в рамках существовавших обычаев и приличий, но неустойчивое равновесие легко нарушалось чрезвычайными обстоятельствами. Наиболее частым поводом для вспышек было вхождение в правящую среду новых лиц и родов. Появление новых лиц в одних случаях было следствием особой милости великого князя и заслуг выдвигенца, в других — следствием выезда из-за рубежа или поступления на московскую службу княжат ликвидируемых княжеств. Наконец, следует отметить третий путь выдвижения, быть может, более всего вызывавший интриги и зависть, — брачные связи великих князей со своими «рабами», как выразился один из ростовских князей про брак царя Ивана с Анастасией Романовной Захарьиной.

Примером выдвижения по милости великого князя за исключительные заслуги могут служить Басенковы и Адашевы. Известно, какие большие услуги оказал Федор Васильевич Басенок великому князю Василию Темному во время его борьбы с княжатами. Об исключительном доверии великого князя к Ф. В. Басенку говорит то, что он был свидетелем и, вероятно, участником составления духовной грамоты великого князя. Заслуги Басенка и милости великого князя привели его к гибели — приблизительно через год после смерти своего покровителя Басенок был ослеплен и сослан в Кириллов монастырь. Его сын, пожалованный в окольничие, был последним представителем этого рода, а затем Басенковы были вытеснены из боярской среды.

Судьба Адашевых в некоторых отношениях аналогична судьбе Басенковых. И они были в боярской среде выдвигенцами. Федор Григорьевич Адашев своими заслугами сделал исключительную карьеру и получил боярство, но не успел закрепить свое положение родственными связями и богатством. Исключительная милость царя Ивана к его сыновьям возвысила их, но вызвала зависть и вражду боярства, и этим, несомненно, объясняется то, что боярство не заступилось за Алексея Адашева, когда Иван подверг его заочно опале.

УКАЗ ОБ ОПРИЧНИНЕ *

С. Ф. Платонов выражал сожаление, что нам неизвестен подлинный указ об Опричном дворе, который упоминается в описи Царского архива. По мнению Платонова, официальная летопись дает «не вполне удачное и вразумительное его (т. е. указа.— [С. В.]) сокращение», «повествует об этом кратко и не раскрывает смысла учреждения» Опричного двора¹.

Мне представляется, что рассказ летописца о событиях, непосредственно предшествовавших указу об опричнине, вполне ясен, и сокращенный пересказ подлинного указа дает все необходимые сведения для понимания сущности и смысла Опричного двора. Конечно, лучше было бы знать подлинный указ, но мне кажется, что знание его было бы бесполезно для тех, кто не может понять летописного сокращения. Трудность понимания старых памятников заключается вовсе не в устаревшем языке, а в том, что их авторы хорошо знали современную им жизнь и, описывая те или иные факты и события, имели в виду читателей, которые знали, в чем дело. Автор памятника сообщает только существенное, предполагая, что все прочее известно читателю и понятно с полуслова.

Напомню главные выводы предшествовавшего очерка. Практика поручных записей и выступление митрополита Афанасия и бояр весной 1564 г. должны были убедить царя, что продолжать борьбу с изменами, побегам и своеволием дворян, оставаясь в их среде, в окружении старого Государева двора, невозможно и небезопасно. Еще в 1560 г. царь стал подбирать покорных приверженцев и приводить их к особой присяге. Так, в недрах старого Государева двора стал образовываться, как выражался Курбский,

¹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 131, 132.

как бы «полк сатапинский». Этого оказалось недостаточно. Однако несомненно, что в 1564 г. в среде боярства и дворян был определен раскол: меньшинство покорилось и примкнуло к партии царя, а большинство по-прежнему стояло на почве старых обычаев, ограничивавших, если не формально, то по существу, самодержавие царской власти. После весеннего выступления митрополита Афанасия и бояр в опалах наступило затишье, и царь стал готовиться к решительной схватке. Выход из положения царь нашел в том, чтобы уйти из старого Государева двора и образовать особый двор из приверженцев и надежных людей. Так как большинство дворян было против этого намерения царя, то произвести задуманный переворот, оставаясь в Москве, в окружении старого двора, было небезопасно. Сообщение Г. Штадена о том, что царь из опасения мятежа выехал из Москвы и дал свой указ об опричнине из Александровой слободы, мне представляется весьма вероятным и важным для понимания дальнейших событий.

Вернемся теперь к рассказу официальной летописи. 3 декабря царь с царицей и сыновьями поехал из Москвы в село Коломенское. «Подъем же его не таков был, яко же преже того ездывал по монастырем молитися...»². Необычность «подъема» состояла в том, что царь захватил с собой «святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшеные, и суды золотые и серебряные... и платие, и денги, и всю свою казну повеле взяти с собою»³. Необычно было и то, что царь приказал избранным боярам, дворянам и приказным людям сопровождать его не одним, а с женами и с детьми, а сверх того, взял с собой отряд дворян и детей боярских «выбором изо всех городов» и приказал им выступить в полной боевой готовности «с людьми и с конми, со всем служебным нарядом»⁴.

Как можно видеть, летописец хорошо знал, что было существенно и что следовало отметить, и если историки не обратили внимания на это и картинно расписывали «таинственность» и загадочность царского отъезда, говорили о большом обозе, который, по их предположению, должен был везти царскую казну, то летописец в этом не виноват.

Необычная оттепель, от которой вскрылись реки, задержала царский поезд в Коломенском. 17 декабря царь выехал в село Тайнинское, оттуда в Троицкий монастырь, где 21 декабря праздновал память митрополита Петра, а от Троицы отправился, наконец, в Александрову слободу. Только 3 января 1565 г. царь прислал в Москву с известным впоследствии опричником Конstantином Дмитриевичем Поливановым к митрополиту Афанасию и к оставшемуся в Москве правительству грамоту и «список, а в

² ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 391.

³ Там же.

⁴ Там же.

нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей»⁵.

Таким образом, правительство и все москвичи целый месяц были в недоумении относительно необычайного царского отъезда и в неведении о дальнейших намерениях царя. Следует напомнить, что московские государи, уезжая из Москвы даже на короткое время, всегда назначали несколько бояр ведать в их отсутствие столицу и все дела. На этот раз царь уехал, не назначив никого замещать его. Что же произошло вследствие этого в Москве? В рассказе об этом я буду придерживаться летописи, делая от себя лишь необходимые пояснения и добавления.

Прежде всего остановилась работа всего правительственного аппарата: «...Все приказные люди приказы государские отставиша и град оставиша никим же брегом»⁶, т. е. не оберегаемым. Всяких чинов люди, начиная от бояр и до «множества народа», приходили к митрополиту и «от много захлипания слезного» с плачем говорили: «Увы, горе, како согрешихом перед богом и прогневахом государя своего многими пред ним согрешении... ныне х кому прибегнем, и кто нас помилует, и кто нас избавит от нахождения иноплеменных? Како могут быти овцы без пастыря? ...Также и нам как быть без государя? И иная многая словеса подобная сих изрекоша ко Афонасию митрополиту...»⁷. Растерявшиеся «всяких чинов люди» умоляли митрополита быть ходатаем перед государем, чтобы он «гнев свой отовратил, милость показал и опалу свою отдал, а государьства своего не оставляя и своим государьствы владел и правил, якоже годно ему, государю»⁸.

Трудно в понятиях и языке того времени ярче изобразить крайнюю растерянность, которая охватила москвичей. Мы легко можем снять налет условной риторики официального летописца и почувствовать правдивость рассказа по существу. По разным, может быть, основаниям все в Москве находилось в напряженном ожидании катастрофы, ни времени, ни размеров, ни последствий которой никто не мог предвидеть.

Особенно затруднительным было положение правящих кругов, думцев и приказных людей, на которых в первую очередь падала ответственность и на которых, естественно, обращались взоры всех москвичей. В этой среде всем были памяты кровавые раздоры, злоупотребления властью и убийства противников в годы малолетства царя Ивана. С другой стороны, вставал грозный призрак анархии и восстания низов населения против правящих лиц. В истории Московского государства не раз бывало, что борющиеся между собой придворные партии поднимали московскую чернь и натравливали ее на своих противников.

⁵ Там же, стр. 392.

⁶ Там же, стр. 393.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

В настоящий момент обычные в боярской среде противоречия интересов и борьба за власть, лишившие боярство сплоченности и способности действовать коллективно, осложнились тем, что Иван уже успел склонить на свою сторону значительную часть дворян. Наконец, весьма реальную опасность представляла угрожающая позиция, занятая царем в Александровой слободе. Бояре и приказные люди, конечно, знали, что слобода была превращена царем в крепость, что по всем дорогам в слободу расставлены караулы и заставы, что царь окружен в слободе отрядом преданных ему людей в полной боевой готовности, что он, чтобы обеспечить себе и своим приверженцам полную свободу действий, захватил с собой всю казну, а своим приближенным велел взять с собой жен и детей.

Уезжая из Москвы, царь никому не поручил ведать Москву и все государство и в тоже время не заявлял о своем отказе от власти. Имея в виду это и другие обстоятельства сложившегося положения, никто из бояр не мог осмелиться на то, чтобы взять в свои руки брошенную царем власть или даже принять меры к тому, чтобы приказы делали свои очередные дела и не останавливали хода правительственной машины.

В летописном рассказе есть косвенные указания на то, что после отъезда царя из Москвы его агенты вели соответствующую замыслам Ивана агитацию. Агитационный характер носит и грамота к митрополиту, присланная царем из слободы. Царь обвинял не определенных виновных в чем-либо людей, а в общих выражениях бросал обвинение всем служилым людям, начиная с первого боярина и до последнего приказного дьяка, напоминал о том, что было «в его государские несовершенные лета», т. е. во время его детства, обвинял все правительство и всех в расхищении казны, в убытках, причиненных народу, в неисполнении долга оберегать православное христианство от внешних врагов. Смысл этих обвинений был ясен: только один царь стоит на страже государственных и народных интересов, один радуется обо всех и обо всем, как подобает царю. [Даже] «святые отцы», т. е. духовенство, заодно со служилыми и приказными людьми, «и в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотреть, а архиепископы и епископы, и архимандриты, и игумены, сложася з бояры и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по них же государю царю и великому князю покрывать; и царь и государь и великий князь от великие жалости сердца, не хотя многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, бог наставит»⁹.

⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 392.

Эту тему о всеобщей преступности и о негодности управлять государством всех, кроме царя, который один может «все управить», если ему не будут мешать изменники, развивали агенты царя Ивана. Одновременно с грамотой к митрополиту и боярам царь послал с К. Д. Поливановым грамоту к гостям, купцам и «всему христианству града Москвы», «а велел перед гостями и перед всеми людьми ту грамоту прочести дьяком Путилу Михайлову и Ондрею Васильеву, а в грамоте своей к ним писал, чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет»¹⁰.

Нет сомнения, что К. Д. Поливанов и дьяки нашли достаточное количество помощников, основательно проработали и растолковали москвичам данные им директивы. Эта агитация должна была создать в народе представление, что в уходе царя от власти виноваты исключительно высшие классы общества, и не отдельные представители, а все поголовно. Такая постановка вопроса заключала в себе недвусмысленную угрозу поднять и развязать в случае надобности стихию народного восстания против высших классов общества.

И «таинственный», как выражались историки, отъезд царя из Москвы, и месяц молчания, и военный лагерь, устроенный в слободе, все это вовсе не было пустой комедией или «инсценировкой», как выражался С. М. Соловьев. Все было умно предусмотрено и рассчитано на различные возможности хода борьбы. Царь Иван, затеявая переворот, понимал, что он ставит большую ставку в рискованной игре. В летописном рассказе многое будет непонятно, если не признать, что царь не был уверен в успехе своего предприятия. Благоприятных данных было много, но царь Иван по живости своего воображения всегда был склонен преувеличивать опасности. А основания для опасения были. Ведь в это время было уже много лиц и фамилий, потерпевших от опал, был жив его двоюродный брат. Наконец, как ни как, а в руках оставшегося в Москве правительства был весь аппарат власти; и еще неизвестно, что сказали бы бояре и дворяне, если бы царь заявил о своем желании учредить особый двор, оставаясь в их среде в Москве.

Как можно видеть, все действия царя Ивана вовсе не похожи на пустую комедию. Отъезд царя в Коломенское был началом жестокой схватки царя со своими дворянами. Все было рассчитано на то, чтобы сломить сопротивление старого Государева двора, поставить на колени его руководящую верхушку и заставить сдаться без всяких условий. Эти два месяца напряженной борьбы обошлись царю дорого. По словам Таубе и Крузе, когда царь в начале февраля вернулся из Александровой слободы в Москву,

¹⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 392.

он был неузнаваем — у него вылезли все волосы на голове и из бороды.

Царские грамоты москвичам и агитация К. Д. Поляванова с товарищами вызвали в Москве переполох и большой испуг. Думные, приказные и «всяких чинов люди», приходя к митрополиту, умоляли его быть ходатаем перед царем, чтобы он отложил свой гнев и не оставлял государства, «а владел бы и правил, якоже годно ему, государю, а государьские лиходеи, которые изменные дела делали, и в тех ведает бог да он, государь, и в животе и в казни его государьская воля»¹¹.

Гости, торговые люди и «всякие» москвичи прибавляли к этому, что они не только не будут «стоять» за лиходеев и изменников, но и «сами тех потребят», если им будет разрешено. Неизвестно, был ли в это время в Москве Охотный ряд, но охотнорядцы, как видно, уже были налицо.

Далее летописец подробно рассказывает о поездке духовенства, бояр и «всяких москвичей» во главе с митрополитом Афанасием в слободу «плакаться царю и великому князю о его государьской милости». В селе Слотине, в 25 км от Александровой слободы, депутация была задержана заставой. После обыски со слободой проводить депутатов были присланы приставы, как это было в обычае при приеме иностранных послов. Эта военно-полицейская мера показала всем, кто еще не понимал, что слобода превращена царем в укрепленный лагерь.

Летописец ясно и вполне вразумительно рассказывает, на каких условиях царь согласился отложить гнев и опалу и вернуться в Москву: «на том, что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати, а учинити ему на своем государьстве себе опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особливо, а бояр и околицких, и дворецкого, и казначеев, и дьяков, и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и столников, и стряпчих, и жилцов учинити себе особо, и на дворцах, на Сытном и на Кормовом и на Хлебном, учинити ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, да и всяких мастеров, и конюхов, и псарей, и всяких дворовых людей на всякий обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особо»¹².

«А которые бояре и воеводы и приказные люди дошли до государьские великие измены, до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор да и бояре и приказные люди, то все положили на государьской воле»¹³.

¹¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 393.

¹² Там же, стр. 394.

¹³ Там же, стр. 395.

В таких общих (и невразумительных для историков XX в.) выражениях формулировал летописец самый существенный вопрос учреждения Опричного двора. Особый двор служилых людей со всяким обиходом был техническим средством, которое должно было обеспечить царю свободу действий и личную безопасность, а основное условие, на котором царь дал согласие не отказываться от власти, состояло в том, чтобы духовенство отказалось от исконного права печалования за опальных, а дворяне отказались от старинных гарантий правого княжеского суда. Выше было сказано, в чем состояли эти гарантии. Князь, недовольный своим слугой, должен был сказать ему его вину в лицо, дать ему «исправу», т. е. возможность сказать в свое оправдание все, что он мог, и затем «судить» его в присутствии своих бояр. Таким образом, правый суд князя по существу был судом общественного мнения его дворян. Поэтому заочный суд и единоличная расправа князя с провинившимся слугой считались при дружинном строе произволом, а не правым судом государя. Нет спора, что обычаи дружинного строя устарели и не отвечали новым условиям жизни, но упразднить их, не заменив новыми формами суда, было равносильно созданию азиатской деспотии, на которой нельзя было основывать большое государство, каким стало при царе Иване Московское.

На первый взгляд между требованием царя неограниченной власти и учреждением Опричного двора нет никакой связи. Летописец не находил нужным разъяснять этот вопрос, так как для современников было ясно, что упразднить разом все старые обычаи и произвести переворот можно было, только опираясь на физическую силу, стоящую вне старого Государева двора.

Намеревался ли царь Иван действительно отказаться от власти, сказать невозможно. Во всяком случае, когда он дал согласие остаться царем всего государства на условиях учреждения для него особого двора, то создалось совершенно необычное положение. Удел обыкновенно получал младший представитель великокняжеского дома и, получив удел, становился в подчиненное положение к великому князю. Теперь царь, оставаясь государем всего государства, одновременно становился хозяином удела. Это дало Ключевскому повод назвать опричнину пародией удела. Летописец ясно говорит, какое положение при этом создалось.

Когда царь принял решение не отказываться от власти, он в тот же день, 5 января, отпустил в Москву бояр кн. Ивана Федоровича Мстиславского, Ивана Ивановича Пронского и «иных бояр и приказных людей, да будут они по своим приказом и правят его (царя. — [С. В.]) государство по прежнему обычаю»¹⁴. Ниже летописец передает указ об этом: «Государство же свое

¹⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 394.

Московское, воинство и суд, и управу, и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичю Белскому, кн. Ивану Федоровичю Мстиславскому и всем бояром, а конюшему и дворетцкому, и казначею, и дьяком, и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делех приходити к боярам; а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити»¹⁵. В таких ясных выражениях определено положение царя в государстве после учреждения Опричного двора. В историографии принято употреблять выражение «Боярская дума» в смысле известного учреждения. Правда, было хорошо известно, что у так называемой Боярской думы не было своей канцелярии, постоянного штата служащих и архива решенных дел, что называть Боярскую думу учреждением можно только с большими оговорками, но историки, подгоняя явления прошлого под привычные нам понятия, трактовали думных советников московских государей как «Боярскую думу» — учреждение. У читателей, незнакомых с учреждениями Московского государства, это порождало недоразумения.

Московские великие князья, а позже цари вводили или «пускали» к себе в «думу» того или иного человека и по своему усмотрению пользовались людьми, пожалованными в советники. Чин советника был не правом, а служебной обязанностью человека. В источниках мы нигде не находим определения компетенции думных советников в целом, да ее и не было в действительности. Из числа думных людей всегда одни были в наместниках в крупных городах, другие стояли во главе полков в походах, иные ездили в посольства и т. д. Оставшиеся в Москве думцы должны были ежедневно являться во дворец на совещания. Те из них, которым было «приказано» какое-нибудь ведомство, докладывали государю по делам своего приказа.

Пределы компетенции думцев, ведавших приказами, не были регламентированы. Все было предоставлено их такту и сообразительности. Да и не требовалось никакой регламентации, поскольку они ежедневно виделись с царем и получали от него соответствующие указания. Судебник 1550 г. и другие источники говорят, что бояре сами решают дела, «а которого дела зачем (т. е. почему-либо. — [С. В.]) решить им не мочно, и о том докладывати государю».

По этому вопросу указ об опричнине подтверждает сложившийся на практике порядок. Начальники приказов должны решать все дела по старине, «а о больших делах приходити (с докладом. — [С. В.]) к боярам». Бояре должны ведать «воинство и суд, и управу, и всякие дела земские», «а ратные каковы будут вести

¹⁵ ПСРП, т. XIII, ч. II, стр. 395.

или земские великие дела, и боярам о тех делах приходити ко государю, и государю з бояры тем делом управу велит чинити»¹⁶.

Наличными думными людьми государи распоряжались по своему усмотрению. В одних случаях они поручили двум — четырем боярам рассмотреть и решить дело, в других — поговорить о деле и «доложить себе, государю». Иногда государь приказывал «спдеть о деле всем боярам» и «что они поговорят», т. е. свои соображения, доложить ему.

Если государь своим указом не предопределял прохождения дела, то бояре должны были сами сообразить, что можно взять на свою ответственность, а о чем просить царского указа.

В таких гибких формах происходило сотрудничество царя с его думными советниками. Учреждение в 1565 г. опричнины не внесло в этот порядок никаких изменений. Следует только отметить, что в указе об опричнине царь предполагал устроить в Опричном дворе все чины, но в действительности при проведении указа в жизнь было сделано отступление, и особых бояр и окольных в опричнине не было. Из числа всех думных людей, как пожалованных до опричнины, так и тех, которые получили думный чин во время существования опричнины, некоторые лица получали персонально доступ в опричнину и принимали участие во внутренних делах Опричного двора. В источниках они иногда называются «боярами из опричнины», но одновременно эти думцы входили в состав всей думы и принимали участие в общегосударственных делах.

Проф. В. И. Савва в монографии о Посольском приказе¹⁷ подобрал в дипломатических делах большое количество боярских приговоров за все время царствования Ивана Грозного, из которых видно, что до опричнины и во время ее существования никаких изменений в порядке рассмотрения и решения дел по сношениям с иностранными государствами не было. В приемах послов, в обсуждении вопросов внешней политики и в ответах послам по указаниям царя принимали участие то бояре из земщины, то земские и опричные вместе.

Это подводит нас к вопросу о приказах Опричного двора. Известно, что в опричнине существовали свои особые приказы, но далеко не все, как в земщине. Так, несомненно, что особого Посольского приказа в опричнине не было. Очень сомнительно существование и опричного Разряда, по крайней мере в полном объеме. Известно, что Разряд ведал службой всех служилых людей, а сверх того, был военным ведомством и главным штабом всех вооруженных сил Московского государства. Опричный двор ведал службой своих служилых людей, но несомненно, что разряды полков, назначения воевод и общее руководство военными

¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 395.

¹⁷ И. В. Савва. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917.

действиями оставалось в ведомстве старого Разряда. Весьма сомнительно существование в опричнине особого Ямского приказа.

Итак, после учреждения Опричного двора царь остался государем всего государства с прежними органами центрального управления и одновременно на правах удельного князя стал хозяином части государства, выделенной в ведение Опричного двора.

В первых грамотах, присланных царем из Александровой слободы, царь клеймил поголовно всех бояр, дворян и приказных людей изменниками и врагами народа, а теперь эти изменники должны были по-прежнему, по старине управлять государством, по существу на старых началах. В этом было, конечно, противоречие, но не такое было время, чтобы разбираться в таких тонкостях и вспоминать демагогические выпады царя, сделанные в жаркой схватке с противником.

О внутренней организации опричных приказов и их деятельности мы имеем пока очень мало сведений, но все, что известно, говорит за то, что они были устроены по образцу земских приказов и в своей деятельности не вносили ничего принципиально нового в старый строй и порядки управления местными учреждениями государства. Все известные нам грамоты опричных приказов настолько тождественны с обычными приказными грамотами того времени, что только по скрепам дьяков можно отличить грамоту опричного приказа от грамоты земского.

В качестве примера приведу жалованные грамоты Симонову и Стефанову Махрищскому монастырям, взятым, как известно, в опричнину. Эти грамоты свидетельствуют с несомненностью, что весь строй и порядки местного управления в опричных уездах оставались такими же, какими они были до зачисления того или иного города в опричнину.

Приведу еще пример из архива Кириллова Белоозерского монастыря. Белоозеро в целом не было взято в опричнину, но в уезде его было несколько дворцовых опричных сел, и затем смежная с Белоозерским уездом Чарондская округа была в ведомстве опричнины. В 1571 г. белоозерские губные старосты получили из земского Разбойного приказа наказ по разбойным и тагиным делам. Наказ предусматривал сместные дела, т. е. такие, в которых были замешаны земские и опричные люди, и предписывал земским выборным старостам ведать, судить и решать подобные дела, свестись и совместно с опричными губными старостами. Высшей инстанцией, куда те и другие старосты должны были присылать дела на доклад, был земский Разбойный приказ.

Мне казалось необходимым остановиться на вопросе об организации центрального и местного управления в опричнине, так как в историографии высказывались предположения, а иногда говорилось категорически, будто царь Иван, учреждая опричнину, имел в виду какие-то важные принципиальные реформы. По-

сколько в указе об Опричном дворе и в последующей деятельности опричных приказов мы не находим никаких реформаторских замыслов царя Ивана, нам ничего не остается, как просить авторов подобных гипотез впредь подтверждать свои домыслы источниками и фактами и перестать довольствоваться читателями общими фразами.

Чтобы закончить характеристику Опричного двора, следует сказать несколько слов о низшем персонале Государева двора. В исторической литературе этот вопрос освещен очень слабо, особенно для древнейшего времени. При царе Иване в различных «путях» Государева двора служили тысячи людей разных чинов и профессий: в ведомстве ясельничих — стремянные, задворные и стадные конюхи; в «пути» сокольничего — сокольники и ястребники; в «пути» ловчего — конные и пешие охотники, псаря, векошники, борovníки; в Кормовом, Сытном и Хлебном дворцах — ключники, подключники, сытники, кислошники, квасники, помясы, повара, хлебники и т. д. Наконец, дворец обслуживали истопники, сторожа и разные мастеровые люди. Низшие чины этих княжеских слуг состояли на хлебном и денежном жалованье, а высшие получали, сверх того, поместье. Среди последних были зажиточные старые слуги, имевшие вотчины.

Из указа об опричнине видно, что недоверие царя и опасение за свою безопасность вызывали не одни дворяне в собственном смысле слова, т. е. чиновные верхи старого Государева двора, но и весь двор в целом, в том виде, в каком он сложился исторически.

Историки, заигнотизированные идеей направленности опричнины против княжат и боярства, не обратили внимания на совершенно вразумительные слова указа об опричнине относительно низшего персонала Государева двора. Ниже мы увидим, что царь Иван набрал себе новых дворян вовсе не из худородных людей и не из «мужиков», как выражались Таубе и Крузе, а из состава старого двора. Равным образом и при наборе низшего персонала опричных Кормового, Сытного и Хлебного дворцов и других чинов царь подверг пересмотру и разбору старых слуг и взял к себе в опричнину только тех, кто заслуживал его доверие и не вызывал никаких подозрений. В известной описи Царского архива упоминается целый ящик обысков «про ключников» и других слуг — об их родственных связях и «кто к кому прихож», т. е. кто с кем связан дружбой или знакомством.

В учреждении опричнины многое казалось историкам непонятным именно потому, что они считали ее направленной против княжат и боярства, т. е. верхнего слоя Государева двора. В годы, предшествовавшие учреждению Опричного двора, царь пытался удалить из старого двора неугодных ему людей, но в результате борьбы с [отдельными] лицами восстановил против себя старый Государев двор в целом. Выход из положения он нашел в том, чтобы выйти из старого двора и устроить себе новый, «особный»

двор, в котором он рассчитывал быть полным хозяином. Так как уничтожить старый двор, сложившийся веками, и обойтись без него в управлении государством не было возможности, то царь предложил ему существовать по-старому, а параллельно ему устроил Опричный двор. И всю дальнейшую историю Опричного двора следует рассматривать в свете одновременного и параллельного существования двух дворов — старого и «опричного». На деле Опричный двор получил значение базы для борьбы царя со старым двором, и этим объясняется то, что современники видели в учреждении Опричного двора разделение государства, «аки секирою, наполю» и натравливание одной части населения на другую.

Каковы бы ни были первоначальные замыслы царя, на практике существование двух дворов вызвало такие последствия, которых царь, несомненно, не предвидел и не желал. В этом обстоятельстве, как мне кажется, лежит причина, по которой Платонов и другие историки не могли правильно понять указ об опричнине, известный нам в пересказе летописца.

В указе об опричнине царь приказал очистить в Москве место для Опричного двора: район от Москвы-реки вдоль будущей Остоженки до Волхонки, весь район Воздвиженки и Арбата до Дорогомиловского всполья и Большую Никитскую до р. Неглинной. Все дворы частных лиц на этой территории было приказано перенести в те части Москвы, которые были оставлены в земщине. На Воздвиженке, против стен Кремля, на месте двора кн. М. Черкасского, был построен Опричный дворец, подробное описание которого дает Штаден. Вокруг дворца были расположены различные службы, погребы, ледники, поварни, сушила, конюшни и т. п., а далее дворы опричников разных чинов. Вся территория, отведенная под Опричный дворец (служебные постройки и дворы опричников), была обнесена крепкой стеной. В этом дворце останавливался обыкновенно царь, приезжая из Александровой слободы.

Опричный дворец просуществовал менее семи лет. В мае 1571 г., во время московского пожара, произведенного татарами хана Девлета, Опричный дворец и вся опричная территория выгорели, а через год царь «отставил» опричнину и не стал возобновлять Опричного дворца.

1945 г.

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ ОПРИЧНИНЫ

Официальный летописец непосредственно после изложения указа об опричнине писал: «Тоя же зимы, февраля месяца, повеле царь и великий князь казнити смертною казнию за великие их изменные дела боярина князя Олександра Борисовича Горбатова да сына его князя Петра, да околичего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана княж Иванова сына Сухово-Кашина, да князя Дмитрея княж Ондреева сына Шевырева. Бояр же князя Ивана Куракина, князя Дмитрея Немово повеле в черньцы постричи. А дворяне и дети боярские, которые дошли до государские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье с женами и с детми»¹. Далее записано известие о пожаре 1 февраля в Москве, а затем о том, что 15 февраля царь со своими сыновьями приехал из Александровой слободы в Москву.

Конечно, допустимо предположить, что летописец, компилируя известия, не придавал значения их точной датировке, но если не делать подобных предположений, приходится прийти к заключению, что царь, дав свой ультимативный указ об Опричном дворе, не поехал в Москву, а предпочел произвести первые расправы со своими противниками по заранее составленным проскрипционным спискам, оставаясь в Александровой слободе.

Сообщаемый летописью список первых жертв или неполон, или в ближайшие последующие дни были казнены еще и другие лица, о которых летописец не нашел нужным распространяться. Так, из вкладной книги Троицкого Сергиева монастыря известно, что 12 февраля царь прислал в монастырь по душе кн. Александра Горбатого 200 руб., а 14 марта прислал по кн. Петре Ивановиче Горенском 50 руб.

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 395—396.

Обвинение в «великих» или просто в «изменных» делах настолько трафаретно и неопределенно, что ровню ничего не говорит; приходится в различных источниках собирать отрывочные, неясные и случайные указания, чтобы найти какой-нибудь смысл в этом кровавом сумбуре.

Александр Борисович Горбатого [Суздальский] по своему происхождению, родственным связям и служебной карьере принадлежал к самой верхушке боярства и царской родне.

Александр Борисович Горбатого начал служить, когда Иван едва вышел из младенчества. В 1538 г. он был уже воеводой сторожевого полка в Коломне; после этого принимал участие почти во всех значительных походах и прославился как выдающийся воевода. В Казанском походе и при взятии Казани Александр Борисович был одним из главных военачальников. По мнению Курбского, он был «глубокого разума и искусный зело в военных вещах»². После 1553 г. он не принимал участия в походах и большей частью оставался в Москве. Боярство он получил в 1544 г., но ни до этого, ни позже не принимал участия в борьбе боярских партий в годы малолетства Ивана.

Александр Борисович по своим брачным связям был в свойстве с рядом представителей боярства и в двойном свойстве с царем Иваном. Он был женат на Анастасии Головиной, дочери казначея Петра Ивановича. Брат Анастасии, Даниил Петрович Головин, был женат на Ульяне Федоровне Адашевой, сестре Алексея Адашева. Старшая дочь Александра Борисовича, Евдокия, была замужем за братом царицы Анастасии Никитой Романовичем Юрьевым и стала, таким образом, матерью Никитичей Романовых и бабкой царя Михаила. Другая дочь Александра, Ирина, в 1547 г. вышла замуж за кн. Ивана Федоровича Мстиславского, который по тогдашним счетам родства приходился царю Ивану племянником.

Из двух актов относительно брака Ирины видно, что Горбатовы были весьма небогаты. В грамоте к кн. Александру Иван сообщал, что он его пожаловал — помолвил его дочь за своего «племянника» кн. Ивана Мстиславского, и приказывал готовить приданое: «а чего у тебя не будет, ино то яз исполню своим жалованьем, а свадебный запас приказал есми тебе дати от себя». В наказных речах к матери невесты, Анастасии Петровне, царь писал: «Да сказывал нам брат твой Фома, что князь Александр, идучи на нашу службу (в поход под Казань. — [С. В.]), заложил платье твое все, и мы были велели платье твое выкупити, и брат твой Фома не ведает, у кого князь Александр то платье заложил. И мы тебя пожаловали, послали тебе от себя платье, в чем тебе ехать, а даст бог приедешь к Москве и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велим выкупити»³.

² РИБ, т. XXXI, стр. 282.

³ АИ, т. I, № 146, стр. 211.

Одновременно с кн. Александром Горбатовым был казнен его единственный сын Петр. По словам Курбского, Петр был «в первом цвете возраста, аки в семнадцати летех»⁴. Это показание Курбского подтверждается тем, что Петр упоминается в разрядах в полоцком походе 1563 г. как рында у царя, а известно, что юноша, достигший пятнадцати лет, считался «поспевшим в службу», и в рындах обыкновенно начинала служить молодежь знатных родов.

Едва ли можно оспаривать, что не участие в «великой измене» отца привело юношу кн. Петра на плаху. По тогдашним понятиям об устройении душ предков в загробной жизни, культ предков был священным долгом старшего представителя рода из числа живущих. Поэтому пресечение рода считалось само по себе большим бедствием. Курбский не раз с большим негодованием говорит, что Иван уничтожал иногда людей «всеродне», т. е. с женами и ни в чем не повинными малолетними детьми. Говоря так, Курбский имел в виду не простую жестокость царя, а указанные представления самого Ивана и его современников относительно культа предков и осуждал подобные действия Ивана как квалифицированный терроризм.

Со смертью единственного сына душа кн. Александра оставалась без поминания, а культ всех его предков — без обслуживания. Это должно было произвести соответствующее впечатление на всех возможных и будущих «изменников». Но поскольку Иван был в двукратном свойстве лично с кн. Александром, он счел обязанностью истинного христианина отдать последний долг своему родственнику, оставшемуся без потомства, и послал 12 февраля по его душе в Троицкий монастырь 200 руб. Это не портит эффекта казни, так как об этом добром поступке царя было известно только троицким монахам.

Приведенные справки о князьях Горбатовых и их казни бросают, как мне представляется, некоторый свет на учреждение опричнины.

Идея опричнины вызвала раскол или, пожалуй, лучше сказать, была проявлением глубокого раскола в среде самого близкого окружения царя — родни и самых влиятельных бояр. На одной стороне — пропавши с царем стали его шурыя Захарьины Юрьевы, кн. Михаил Черкасский и такие большие бояре, как Алексей Давыдович Баскаков, Иван Яковлевич Чеботов, а на другой стороне — родственники же царя: кн. Иван Федорович Мстиславский, кн. Александр Борисович Горбатого, Головины и такие бояре, как Иван Петрович Федоров, Дмитрий, Петр и Иван Андреевичи Курякины.)

Петр Петрович Головкин, сын казначея Петра Ивановича, был женат на Анне Ивановне Поджегной, дочери известного любимца

⁴ РИВ, т. XXXI, стр. 282.

вел. кн. Василия, Ивана Юрьевича Шигои. В казанском походе 1552 г. он был головой в государевом полку, а в 1558 и 1564 гг. — воеводой в полках. В 1563 г. он был пожалован в окольничие.

Михаил Петрович Меньшой Головин в родословцах показан бездетным, что косвенно подтверждает показание Курбского о том, что он был казнен, вероятно, вместе с братом*.

Многочисленные Оболенские разных фамилий по количеству и значительности лиц, погибших от опал царя Ивана, занимают, бесспорно, первое место среди княжеских родов. Поэтому кажется не случайным, что в числе первых жертв опричнины летописец упоминает трех Оболенских. Непонятно только то, что эти трое были не из числа значительных представителей рода.

Иван Иванович Суц (Сухой) Кашин начал свою ратную карьеру в 1549 г. воеводой в Костроме. В 1560 г. он был воеводой в ливонском походе. Его гибель в начале опричнины следует поставить в связь с трагической смертью его старшего брата Юрия за год до опричнины. Свою ратную службу Юрий Иванович Кашин начал в 1547 г. воеводой в Коломне. Пожалованный в 1556 г. в бояре, он продолжал ходить в походы и в 1563 г. был на литовском фронте в Козельске. В это время конфликт царя со своим двором был в полном разгаре, но Иван еще не решался на открытое нарушение старых обычаев и прибегал к «косвенным» способам уничтожения своих противников.

В начале 1564 г. погиб от рук безымянных убийц по дороге в церковь боярин кн. Михаил Петрович Репнин Оболенский. Курбский после рассказа о его смерти писал: «И то же ноци убити повелел синглита своего князя Юрья, глаголемаго Кашина, тако же ко церкви грядущи на молитву утреннюю»⁵.

Поручительство Юрия Ивановича в 1562 г. по кн. Иване Бельском и в 1563 г. по князьях Воротынских дает основание предполагать, что он был из числа тех бояр и дворян, которые пытались внести некоторое примирение в конфликт царя с его окружением.

Дмитрий Федорович Шевырев Щепин был из числа незначительных по службе Оболенских. О службах его ничего не известно. По сообщению Курбского, он был посажен на кол.

Кн. Дмитрий Федорович Ерш Немого, постриженный принудительно в монахи, происходил из фамилии Телешневых Оболенских. Его тетка Аграфена Федоровна, по мужу Челяднина, была матерью младенца Ивана. В 1538 г. она была сослана Шуйскими в Каргополь, где пострижена. Двоюродный брат Дмитрия Ерша Дмитрий Федорович Овчинин, по сообщениям современников Шлихтинга и Курбского, был убит царем в конце 1653 г. или в начале 1664 г. за ссору с Федором Басмановым.

⁵ РИБ, т. XXXI, стр. 279.

Дмитрий Ерш прожил в монашестве недолго и умер в 1565 или в 1566 г. Царь Иван сделал по его душе два вклада — в Троицкий монастырь он дал 50 руб., а затем прислал из опричнины в Иосифов Волоколамский монастырь 70 руб. Эти вклады царя Ивана объясняются, вероятно, тем, что сестра Дмитрия Ерша Елена была замужем за кн. Михаилом Львовичем Глинским, родным дядей матери царя Ивана Елены Глинской.

Петр и Юрий Горенские были сыновьями боярина Ивана Васильевича (боярин в 1555—1562 гг.). Петр Иванович Горенский Оболенский в 1560 г. был пожалован в кравчие, а в начале 1564 г., в самый пароксизм казней и убийств из-за угла, был пожалован в думные дворяне. В последних числах февраля 1565 г. он был еще жив, а 14 марта царь прислал по его душе в Троицкий монастырь 50 руб. По свидетельству родословцев, кн. Юрий бежал в Литву. Шлихтинг рассказывает, что кн. Горенский был пойман на пути в Литву и посажен на кол, а 50 чел. его слуг были повешены. Возможно, причиной казни Петра был побег его брата Юрия.

Куракины Щенятевы были одним из знатнейших боярских родов. Все пять сыновей Андрея Даниловича Кураки Щенятева были в боярах: Федор Андреевич — в 1547—1567 гг.; Дмитрий — в 1557—1570 гг.; Петр — в 1558—1575 гг.; Иван, постриженный в монахи, — с 1557 г.; наконец, Григорий — в 1584—1595 гг. Дмитрий и Петр записаны в Синодике опальных как казенные.

По разрядам известны следующие службы Ивана Андреевича: в 1538 г. — воевода в Серпухове, в 1540 г. — на Плесе, в 1541 г. — в казанском походе, в 1543 г. — в Костроме, в 1548 г. — в Коломне, а затем у Николая Зарайского, в 1549 г. — в Калуге, в 1551—1552 гг. — наместник в Смоленске, в 1554 г. — в Казани, в 1556 г. — с царем в походе к Серпухову, в 1557 г. — с царем же на Оке. Перед опалой, постигшей Ивана Андреевича, он был на воеводстве в Казани*.

Ссылка опальных на житье в понизовые города

Неизвестно, кто первый высказал мнение, будто московские служилые люди тотчас же после падения татарского владычества в Казани и в Среднем Поволжье набросились на земли местных народов и что даже самое завоевание Казанского царства было «продиктовано» интересами московских помещиков. Если относиться внимательно к последовательности событий и явлений, то дело представляется в таком виде.

Уничтожение господства татар в Среднем Поволжье создавало условия безопасности жизни и труда прежде всего в уездах, смежных с бывшим Казанским царством: в Нижегородском, Курмышском, Алатгорском, Арзамасском и Муромском. В эти уезды

прежде всего и потянулось колонизационное движение крестьянства из центральных уездов Московского государства. Что касается московских служилых людей, то все Среднее Поволжье, территория бывшего Казанского царства, очень долгое время служило для московского правительства местом принудительных поселений и ссылки служилых людей в опалах. Это вполне понятно, так как частые восстания народов Среднего Поволжья и отсутствие в нем рабочих (русских) рук делали поселение там и заведение хозяйства весьма трудным и небезопасным предприятием.

Жизнь и хозяйство в этом районе были настолько непривлекательны для служилых людей, что их приходилось поселять принудительно и давать им особым указом право половину поместного оклада получать в старых, давно заселенных и безопасных уездах, преимущественно поблизости — в Нижегородском, Арзамасском, Муромском, Курмышском и др.

В различных земельных актах и в писцовых книгах Арзамасского и Нижегородского уездов последней трети XVI в. и первой четверти XVII в. мы находим среди помещиков множество так называемых «жильцов» городов Среднего Поволжья — казанских, свияжских, цивильских, самарских, козьмодемьянских, яранских, ядринских, чебоксарских и царевкокшайских⁶.

Интересные сведения об этих «жильцах» из московских служилых людей мы находим в давно известных писцовых книгах Казани и Свияжска 1566—1568 гг. письма Н. В. Борисова и Д. А. Кикина⁷.

Из описания Н. Борисова и Д. Кикина мы узнаем, что между 1553 и 1565 гг. в Казани были поселены и получили дворы человек 80 детей боярских, которые должны были жить и служить в Казани. Писцовая книга называет их «старыми жильцами». Затем мы узнаем, что в 1565 г. казанские воеводы перед приездом в Казань писцов давали по оценке дворы и дворовые места князьям и детям боярским, «которым государь велел быть в Казани на житье». Вскоре после этого в Казань приехали писцы и подробно описали розданные воеводами дворы с указанием, кому и за какую цену дан двор⁸. Эти новые жильцы и есть те дворяне и дети боярские, которые при учреждении опричнины подверглись опале и были сосланы в понизовые города на житье и службу.

Приведу в алфавитном порядке список сосланных, выясняя по возможности их происхождение и служебное положение.

1. Бабичев, кн. Борис Дмитриевич. — Бабичевы (род литовско-русских князей Друцких) стали служить в Москве с конца XV в. Иван и Борис Дмитриевичи в Тетради дворовой записаны по

⁶ С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты. М., 1915; его же. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М., 1910.

⁷ Цитирую казанские книги по изданию «Материалы по истории Татарской АССР», Л., 1932.

⁸ Там же, стр. 13.

Романову, а Иван — также по Ярославлю, где по писцовым книгам 1568 г. у него была вотчина. Родной дядя Бориса Дмитриевича Андрей Семенович Бабичев казнен в опричнине.

2. Берядинов Федор.— Происхождение и служба неизвестны. Казнен и записан в Синодике опальных.

3. Бестужев Замятня Андреевич.— Из старого дворянского рода. Матвей Бестужев в 1477 г. был послом в Крыму⁹. Его сын Иван Матвеев, испомещенный в Новгороде, в 1514 г. был взят в плен под Оршей. Внук Матвея Андрей Иванов, дворовый по Суздалю, в 1550 г. получил поместье под Москвой. Перед опричниной Андрей Иванов был в числе поручителей по боярине Иване Петровиче Яковлеве и по кн. Серебряном. Когда Суздаль был взят в опричнину, Андрей Иванович был выслен и получил вотчину в Ярославле и поместье в Арзамасе. В Ярославле получили вотчины его сын Замятня и сородичи Михаил и Борис Образцовы Рогатого Бестужевы. Михаил Рогатого впоследствии был казнен в опричнине. Замятня Андреевич имел поместье в Мещере, а в 1582 г. получил еще добавочное поместье в Арзамасе. В 1585 г. он был воеводой в новопостроенном Санчурске. В 1602 г. царь Борис в опале отобрал у Замятни его арзамасское поместье.

4. Бороздин Василий Никитич.— Из рода тверских бояр Борисовых Бороздиных. Василий Никитич был двоюродным братом Никиты Васильевича, который в 1566 г. приехал описывать Казань и раздавал дворы опальным жильцам. Оба они впоследствии были казнены.

5. Вадбальский, кн. Василий Григорьевич Чеспоков.— Из мелких белозерских князей. О службе его ничего не известно.

6. Володимиров Степан.— Происхождение и служба не выяснены.

7—9. Гагарины, князя Иван Федорович, Семен Иванович и Юрий Андреевич.— Гагарины — сильно размножившаяся и самая слабая отрасль рода стародубских князей. О Юрии Андреевиче ничего не известно. Иван Федорович Постной имел поместье в Твери, служил в дворянах и в 1550 г. получил поместье под Москвой. Самым значительным из казанских жильцов был Семен Иванович. По своей вотчине в Дмитрове он служил в уделе кн. Юрия Ивановича. В 1550 г. в числе лучших дворовых слуг получил поместье под Москвой. В 1546 г. был воеводой на годовой службе в Василегороде, в казанском походе 1549 г. был у наряда, т. е. у пушек, в 1555 г. служил в Свияжске. В 1565 г. он был, вероятно, уже в преклонном возрасте и позже не упоминается.

10. Головин Иван Михайлович.— Сын Михаила Петровича Большого и племянник казенных в первые дни опричнины Петра

⁹ «Летописец Нармацкого». — «Временник ОИДР», кн. 5, отд. II. М., 1850, стр. 2.

и Михаила Меньшого Петровичей Головиных. Умер бездетным в 1568 г.

11—12. Дятловы Андрей и Григорий Васильевичи.— Из старого дворянского рода Станицева. Григорий записан как «старый жилец». В Тетради дворовой оба записаны по Боровску. Позже оба казнены и записаны в Синодике опальных.

13. Заболотской Феодосий Терентьевич.— Из боярского рода Заболотских Всеволожей. По сообщению Курбского, казнен.

14—18. Засекины, князья: Дмитрий Петрович, Андрей Иванович Ноздрунов, Михаил Федорович Смелого, Иван Юрьевич и Семен Иванович Баташов.— Дмитрия Петровича в родословцах нет; быть может, ошибка в отчестве. Андрей Иванович Ноздрунов и Михаил Федорович Смелого настолько незначительны, что о них ничего не известно. О Михаиле Федоровиче Смелого из родословцев известно только, что он был родным дядей казненных позже Ивана Юрьевича и Семена Ивановича. Семен Иванович Баташов в 1550 г. получил поместье под Москвой, в 1560 г. был головой в полках, в 1563 г. служил в Пронске, а в 1564 г. был воеводой в Карачеве. Иван-Семейка Юрьевич в 1550 г. в числе лучших дворовых слуг получил поместье под Москвой, в 1560 г. был головой в ливонском походе, в 1563 г. в полоцком походе был приставом у царевича Ибака.

19—20. Мезецкие, князья Борис и Семен Ивановичи.— Борис и Семен Мезецкие по происхождению и родственными связями принадлежали к верхам московской знати. Борис был женат на кн. Анне Романовне Одоевской, сестре Евдокии Старицкой (жены кн. Владимира Андреевича), и опричного боярина, последнего удельного князя Одоевского, Никиты Романовича. Быть может, этим объясняется то, что Борис и Семен пробыли в опале недолго. Борис Иванович с 1569 г. бывал не раз в воеводах, а в 1590—1591 гг. был воеводой и писцом на Двине. Семен Иванович упоминается в 1577 г. как наместник в Стародубе.

21. Михнев Иван Елизарьевич.— Иван Елизарьевич служил во дворе как «выбор» по Туле. В 1558 г. в чине жильца он был гонцом в Псков, в 1559 г.— писцом в Переяславле Залесском, в 1560 г. служил головой в полках, в 1563—1564 гг. был в числе поручителей по князьям Воротынских и по Иване Васильевиче Шереметеве. Дальнейшая судьба его неизвестна.

22. Оболенский Стригин, кн. Андрей Иванович.— В родословцах такого нет. Вероятно, ошибка в имени.

23—29. Онучины: Василий Яковлев, Иван Гаврилов, Иван Черников, Булгак и Истома Ивановы, Григорий, Андрей Родионов.— Все Онучины из городских детей боярских Нижнего Новгорода.

30. Поярков Квашнин Иван Петрович.— Из боярского рода Квашниных. Позже казнен.

31—33. Ромодановские, князья: Василий Андреевич Нагаев, Никита Иванович Гнусин и Иван (Никитич?).— О службе Васи-

лия Андреевича Нагаева ничего не известно. В родословцах он показан бездетным. Его старший брат Афанасий был убит в мае 1571 г. под Москвой в приход хана Давлета. Никита Иванович Гнусин упоминается в Разрядах только раз — в 1560 г. как голова в полках. В общем все трое Ромодановских были из числа самых незначительных представителей фамилии.

34—36. Сотницыны Клобуковы Федор и Василий Даниловичи и Иван. Клобуковы были отраслью старого московского рода Топорковых. В XVI в. из фамилии Клобуковых вышло пять выдающихся дьяков, и вообще Клобуковы в массе служили в дворянах. Федор и Василий Даниловичи записаны в Синодике опальных. Время и обстоятельства их казни неизвестны.

37—38. Сицкие, князя Юрий Иванович и Даниил Юрьевич. — Самые незначительные представители фамилии, известно только, что они были в дворянах. Даниил Юрьевич Меньшого записан в Синодике опальных. По его душе в 1568 г. в июле жена сделала вклад Ферапонтову монастырю.

39—40. Темкины Ростовские, князя Иван Григорьевич и Дмитрий Юрьевич. — Оба служили в дворянах, но о службах их ничего не известно. По местным ростовским преданиям, сообщаемым Артыновым, в опричнине были замучены Дмитрий и Иван Юрьевичи, сыновья боярина Юрия Ивановича¹⁰.

41—46. Тетерины: Семейка, Василий Иевлев, Осип (Иванович Пухов), Григорий, Ширяй и Михаил¹¹. — Ссылку в Казань Тетериных можно поставить в связь с тем, что в 1563 г. Тимоха Иванович Пухов, сосланный в Сийский монастырь, бежал оттуда в Литву. Василий Иевлев — двоюродный брат Тимохи Пухова. Осип — вероятно, брат Тимохи. В Синодике опальных записаны: Осип, Василий, Григорий и Михаил.

47. Туров Василий Михайлович. — Ссылку его в Казань можно поставить в связь с казнью Петра Турова, тестя Даниила Федоровича Адашева, казненного в 1560 г. Василий Михайлович был троюродным братом жены Даниила Адашева.

48—49. Тыртовы Тихон и Правоторх Гавриловичи. — Гаврила Андреевич Тыртов в 1541 г. был тиуном московским, в 1543 г. — послом в Крым. Его сыновья Тихон, Торх и Иванец в Тетради дворовой записаны по Костроме. Тихон казнен и записан в Синодике опальных.

50. Усломов Данилов Федор Яковлевич. — О происхождении Даниловых и о казни боярина Василия Дмитриевича Данилова см. Синодик опальных¹². Федор Яковлевич упоминается в 1564 г.

¹⁰ А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание. М., 1885, стр. 62.

¹¹ О происхождении Тетериных см.: С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник.

¹² См. С. Б. Веселовский. Указ. соч.

в числе поручителей по И. В. Щереметеве. Позже казнен и записан в Синодике опальных.

51—53. Ушатые, князья: Даниил Васильевич Чулков, Иван Данилович и Семен Юрьевич Меньшого. Даниил Васильевич был сыном боярина Василия Чулка Васильевича. В 1550 г. он получил поместье под Москвой, но в разрядах не упоминается; это значит, что по службе он далеко не пошел. В Синодике опальных упоминается он один, но Курбский говорит, что Ушатые были погублены «всеродне». Неполнота родословия Ушатых не дает возможности выяснить, кто из них был еще казнен.

54—55. Шастуновы, князья Иван и Дмитрий Дмитриевичи Кнутовы.— Иван Дмитриевич в 1560 г. упоминается как голова в ливонском походе. В 1577 г.— московский дворянин¹³.

56. Шестов Петр Васильевич.— Из рода Морозовых Филимоновых. Петр Васильевич Сычев Шестов был братом Ивана Шестова, деда царя Михаила (Ксении Ивановна Шестова, жена Федора Никитича Романова, была матерью царя Михаила). Иван и Петр Васильевичи Шестовы в 1577 г. продали свою вотчину, село Домнино в Костроме, Т. К. Яковлеву, но оно было выкуплено и в 1631 г. дано Новоспасскому монастырю матерью царя Михаила.

57. Щегинин, кн. Семен Александрович Выборов.— Дмитрий и Семен Александровичи в Тетради дворовой записаны в дворянах. Дмитрий, получивший в 1550 г. поместье под Москвой, был убит под Свяжском черемисой. О службе Семена ничего не известно.

58. Янов Осип.— Происхождение и служба неизвестны. Казнен и записан в Синодике опальных. О его сыновьях, выдающихся дьяках Смутного времени, см.: С. В. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник.

Приведенный список сосланных на житье и службу в Казань дает возможность сделать несколько важных наблюдений. Если в одну Казань было сослано 58 чел., то не будет преувеличением сказать, что вообще при учреждении опричнины в низовые города было сослано сотни две дворян и детей боярских. Второе наблюдение: из 58 казанских жильцов не менее 18 чел. впоследствии были казнены в разное время. Таким образом, можно сказать, что ссылка в низовые города для многих опальных была первым этапом к плахе. Затем в списке мы находим 14 чел. таких, близкие родственники которых в разное время были казнены в опалах.

Следует отметить, что только троим из числа сосланных удалось впоследствии реабилитироваться и восстановить свое служебное положение. Наконец, последнее и самое важное наблюдение. Насколько удастся выяснить, подавляющее большинство сосланных принадлежало не к городovým детям боярским, а к дво-

¹³ АМГ, т. I, стр. 13.

рянам, и преимущественно к низшим слоям Государева двора. Это обстоятельство подтверждает вывод, который можно сделать на основе других фактов, а именно, что уход царя Ивана в 1565 г. из старого Государева двора и учреждение нового, Опричного двора были разрывом царя не с одними княжатами и боярами, как полагают обычно историки, а со всем старым двором вообще. Оказывается, что в первые дни опричнины подверглись опале сотни дворян и детей боярских, а не пяток больших вельмож, имена которых сообщил нам летописец. Иными словами, учреждение опричнины было направлено с первых же шагов не против боярства, а против всего старого двора, начиная от царского родственника и знатнейшего боярина и включая самого незначительного жильца из дьяческого рода или из захудалых княжат белозерских, ярославских и др.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ И ВЕДОМСТВО ОПРИЧНИНЫ

В чин дено?

С. Ф. Платонов в своих «Очерках по истории Смуты» дал схематическую карту опричнины, которая вызывает большое недоумение. В арифметике считается недопустимым складывать пуды с аршинами. Равным образом и в исторической картографии следует признать недопустимым изображение одними и теми же знаками разнородных предметов. Между тем на карте С. Ф. Платонова под общим названием «Территория опричнины» без всяких оговорок обозначены весьма разнородные объекты. Мелкий масштаб карты не извиняет этого дефекта, тем более что в дальнейшем изложении С. Ф. Платонов ссылается на свою карту для обоснования весьма важного тезиса о глубокомысленной планомерности расширения первоначальной территории опричнины.

Указ об опричнине, сообщаемый летописью, дает почти полный перечень городов с уездами, волостей и сел, взятых в опричнину при ее учреждении. Перечень не совсем полон, и в указе после поименного перечисления местностей прибавлено: «И иные волости государь поймал кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опричнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные города и волости имати»¹.

Хозяйство опричных дворцов было организовано по старым образцам. Известно, что дворцовые владения разных назначений великих и удельных князей обычно были разбросаны по всей территории княжества, а частью находились даже в других княжествах. Расположение и размеры владений определялись бытовыми и хозяйственными удобствами. Для снабжения опричного обихода

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 395.

и обеспечения опричных слуг были выделены следующие владения: Алешня на р. Ольшанке в Московском уезде, на границе с Дмитровским уездом; Хотунская волость в южной части Московского уезда, смежной с Коломенским уездом; Гусская волость в южной части Владимирского уезда и небольшая волостка Муромское сельцо в юго-западной части того же уезда; Аргуновская волость в Переяславском уезде; в Верейском и Боровском уездах — деревни бывш[их] числяков и ордынцев; Опаков на р. Угре. Для содержания лошадей была взята старинная конюшенная Домодедовская волость с прекрасными заливными лугами по р. Пахре. Для снабжения опричного двора рыбой были взяты село Белгород на Волге в Кашинском уезде, волость Вселук в Ржевском уезде, Ладозский порог и Прибуж. Для обеспечения солью были взяты в опричнину Соль Тотемская, Балахна с Усольской волостью и Старая Руса. Добыча соли была также в Чухломе, взятой в составе Галицкого уезда.

В последующие годы владения опричных дворцов расширились и производилось округление ранее взятых владений. Так, в земском уезде Тарусы к опричным селам было приписано с. Кузьмищево, отобранное у помещика Григория Хомутова². В Белозерском уезде в ведомстве опричнины были Горицкий Воскресенский монастырь, в котором с 1563 г. находилась в заключении старица кв. Евдокия Старицкая, и Чаронда в Шубацкой волости. Для присоединения к Горицкому монастырю и с. Чаронде у Кириллова монастыря были взяты пять деревень, взамен которых монастырь получил деревни в дворцовой волости Ирдме того же уезда. В Костромском уезде к опричному селу Писцову были приписаны четыре деревни, взятые у монастыря Николы Строевы горы, который получил взамен с. Шибухино с тремя деревнями в волости Сорохте того же уезда.

Назначением перечисленных выше волостей и сел было обслуживание непосредственного хозяйства опричных дворцов Кормового, Сытного, Хлебного и Конюшенного ведомств. Для содержания Опричного двора и выплаты денежного жалованья опричникам необходима была финансовая база. В этом отношении Опричный двор был обеспечен очень хорошо с самого начала — царь взял себе значительную часть так называемых поморских городов: Устюжскую и Двинскую земли, Важскую область, Каргополье с Турчасовым и Тотьму.

Поморские города по своей отдаленности от южных и западных окраин государства, нуждавшихся в постоянной охране, были неудобны для помещения служилых людей. Частное вотчинное землевладение в этих городах было ликвидировано еще при вел. кн. Иване III. Поэтому в этих городах были только черные крестьяне (позже государственные), некоторое количество

² Л. М. Сухотин. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. М., 1914, стр. 66.

дворцовых и небольшое количество монастырских земель. Тягло поморских черных, дворцовых и монастырских крестьян состояло главным образом из денежных платежей.

В середине века в указанных поморских городах было введено по особым жалованным грамотам земское самоуправление. Зачисление этих городов в опричнину не нарушило прав земского самоуправления, а поскольку в этих городах опричники не получали поместий, весь строй землевладения остался в неприкосновенности. Таким образом, зачисление в опричнину поморских городов имело чисто административно-финансовое значение — изменилось название кассы, в которую крестьяне платили по старине свои дани и оброки, и переменялись дьяки, ведавшие эти кассы.

Приблизительно такое же значение имело зачисление в опричнину Вологды и Галича с их уездами, так как в этих городах количество вотчинных земель было очень невелико, а поместья были только в Галицком уезде, да и то в небольшом количестве. Были ли в этих уездах испомещены опричники, пока неизвестно, но мне это кажется очень сомнительным. В общем можно сказать, что и эти уезды не испытали тех экономических потрясений, которые были вызваны выселениями земских служилых помещиков и вотчинников из уездов, взятых в опричнину, и испомещениями на их землях опричников.

Обычно служилый человек получал поместье по усмотрению дьяка Поместной избы или там, где он сам «приищет порозжее поместье». В организации Опричного двора здесь была существенная особенность, о которой ясно и вполне вразумительно говорит указ об опричнине: «А учинити государю у себя в опричнине князей и дворян, и детей боярских, дворовых и городовых 1000 голов; и поместья им подавал в тех городех с одново, которые городы поймал в опричнину; а вотчинников и помещиков, которым не быть в опричнине, велел из тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опричнину повеле учинити себе особно»³.

Выражение «с одного» хорошо известно из различных земельных актов. С одного — значит вместе, рядом, смежно, а не чересполосно с другими владельцами.

Курбский рассказывает, что царь, подбирая себе в 1560 г. «аки полк сатанинский» приверженцев, приводил их ко кресту по особым записям. Иностранцы, служившие в опричнине, рассказывают, что опричники приносили присягу по особой записи, в которой, между прочим, обещали не иметь никакого общения с земскими, не водить с ними знакомства и вообще не иметь с ними ничего общего. Указанная особенность службы в Опричном дворе определила выбор уездов, которые царь признал удобными для испомещения опричников.

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 395.

В опричнину были взяты Можайск, Вязьма, Козельск, Белев, Лихвин, Малый Ярославец, Медынь, Вышгород (позже Верейского у.), Суздаль с Шуей и два жребия Перемышля. Эти два жребия Перемышля в 1563 г. были отобраны у опальных князей Воротынских, а третий жребий оставался в уделе за кн. Никитой Романовичем Одоевским. Поскольку кн. Одоевский был принят в опричнину, его удел был оставлен за ним.

Относительно перечисленных уездов следует сделать несколько замечаний. Вяземский и Суздальский уезды по тогдашним масштабам могут быть причислены к уездам среднего размера, все же остальные уезды принадлежали к самым мелким уездам Московского государства. Затем следует отметить, что в Можайском, Вяземском, Козельском и Вышгородском уездах было много дворцовых сел, в которые царь перед учреждением опричнины часто ездил на охоту и в «объезды». В Можайском и Суздальском уездах было некоторое количество старых вотчинных земель, а во всех остальных уездах вотчинных земель было очень мало или таковые вовсе отсутствовали. Это объясняется тем, что эти уезды были присоединены к Московскому государству только в XVI в. и в процессе их присоединения московские государи обычно ликвидировали местное вотчинное землевладение. Если они принимали к себе на службу местных вотчинников, то давали им земли, их бывшие вотчины или другие, только в поместья.

Остается сказать несколько слов о Суздальском уезде. В историографии пользуется незаслуженным успехом мнение, будто бы целью учреждения опричнины, и едва ли не главной, было уничтожение старого землевладения бывших удельных княжат. С. Ф. Платонов писал, что в опричнину были взяты в разное время «преимущественно» те уезды, которые раньше входили в состав удельных княжеств, и что сделано это было будто бы затем, чтобы разорить княжат и выселить их из тех мест, где они имели старинные связи с населением и пользовались особым уважением. Очевидно, авторам этой запоздалой попытки осмыслить опричнину оставалось неизвестным, что еще дед и отец Ивана Грозного не раз выселяли и переселяли измелъчавших удельных княжат то путем принудительных мен, то путем прямой конфискации. И царь Иван в 1566 г., когда нашел нужным, принудительно обменял Старицкий удел кн. Владимира Андреевича. Неужели он не мог сделать того же и с другими князьями, если бы нашел нужным? Ведь только слабоумному человеку могла прийти в голову дикая идея выселять из уезда сотни рядовых помещиков и вотчинников с тем, чтобы зацепить таким образом несколько княжат. Ниже вопрос о княжеском землевладении будет рассмотрен подробно, а пока вернемся к Суздальскому уезду.

Есть не совсем ясные указания на то, что во второй половине XV в. суздальские князья подверглись выселению и получили вместо своих старых вотчин земли в Юрьевце Повольском и в Городце

на Волге. Так, предки кн. Александра Горбатого, казенного в начале опричнины, владели на Волге существующим ныне селением Горбатовым. Все ли суздальские князья были выселены и кому из них и в какой мере удалось позже получить обратно часть своих вотчин, мы пока не знаем. Несомненно только, что накануне опричнины у суздальских князей оставались в Суздале и Шуе небольшие владения.

По сравнению с другими княжескими родами род суздальских князей был невелик. Перед учреждением опричнины, если считать только совершеннолетних, были следующие лица: пять-шесть Шуйских, один Барбошин, двое Горбатовых и двое Ногтевых. Рассмотрим по порядку эти линии рода.

Ногтевы, насколько известно, были весьма небогаты. Известна духовная грамота кн. Андрея Васильевича 1554 г., из которой видно, что вся его вотчина состояла из села Воскресенского в Суздале, полученного от отца, и из жребия вотчины брата, умершего перед тем бездетным. Кроме того, его отцу принадлежало несколько участков рыбных ловель на р. Увоти. Не имея потомства, кн. Андрей дал свою вотчину Спасо-Евфимьеву монастырю, оценив ее в 500 руб.⁴

Родной племянник кн. Андрея Васильевича кн. Андрей Иванович выкупил у монастыря вотчину дяди. Он был самым видным представителем рода. Андрей Васильевич начал служить около 1550 г. и в 1563 г. был пожалован в бояре. Учреждение опричнины застало его на годовой службе в Василегороде. После этого он был воеводой в Казани, где и умер в начале 1571 г.⁵

Насколько известно, Андрей Иванович в опричнине не служил, но лишился ли он суздальской вотчины, это вопрос. Дело в том, что в писцовых книгах Суздальского уезда 1578 г. с. Петровское-Воскресенское, которое он выкупил у Спасо-Евфимьева монастыря, записано за ним и за его сыновьями Иваном и Даниилом. Можно предположить, что вотчина была возвращена Ногтевым после отставки в 1572 г. опричнины, но возможно, что она и не была отобраана. Последнее предположение вполне возможно, так как кн. Андрей Иванович, не служив в опричнине, тем не менее пользовался особым доверием царя. Когда царь Иван взял у кн. Владимира Андреевича Старицкого его бояр и дворян «в свое имя», т. е. к себе на службу, и дал князю Владимиру своих бояр и дворян, то в числе их был кн. Андрей Иванович, остававшийся у него дворянином и в 1566 г., после учреждения опричнины⁶.

Два сына кн. Андрея (Ивановича) умерли бездетными, и в 1660 г. их вотчина была отписана во дворец⁷:

⁴ Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, № 157, стр. 151—155.

⁵ АЮБ, т. III, стр. 470.

⁶ СГГид, т. I, № 187, стр. 526.

⁷ А. М. Сухотин. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг., стр. 18.

Барбошины были самой слабой линией рода Суздальских князей — ни один из потомков Ивана Барбоши (барбоша — бестолковый болтун) не был в думных чинах. При царе Иване был единственный представитель этого рода, Василий Иванович, который в 1556 г. участвовал во взятии Астрахани, а затем бывал в походах головой и воеводой. Был ли он принят в Опричный двор с самого начала, неизвестно, но в 1571—1572 гг. он не раз упоминается как воевода из опричнины в полках. О вотчинах кн. Василия мы ничего не знаем, но едва ли они были значительны, и маловероятно, чтобы они были у него отобрааны. Единственный сын Василия Григорий умер в молодости бездетным, и на нем фамилия Барбошиных пресеклась.

Горбатовы, после князей Шуйских, были самой значительной фамилией суздальских князей. При вел. кн. Василии Ивановиче в боярах были Борис Иванович, Михаил Васильевич Кислица и Андрей Борисович. Перед учреждением опричнины в живых был кн. Александр Борисович, казненный с сыном Петром в числе первых жертв опричнины.

Подобно другим князьям, давно перешедшим на службу к Москве, Горбатовы приобретали вотчины и поместья далеко за пределами их бывших уделов. Так, Александр Борисович в середине века владел поместьем в Твери. Предельный оклад боярина был 1000 четей, что без угодий составляло 1500 дес., а с угодьями — около 1750 дес. Александру Борисовичу было отделено 1072 чети⁸.

Затем известно, что у Горбатовых была вотчина в Ростове — с Михайловское Поддубное в Саввине стану. Эту вотчину кн. Александр Борисович в 1539 г. дал по душам отца и матери Троицкому Сергиеву монастырю⁹. Были ли у Горбатовых вотчины в Суздале, неизвестно. Да это и несущественно, так как в самом начале опричнины Горбатовы были казнены, и Ивану не было никакой надобности брать в опричнину весь Суздальский уезд, если бы он желал завладеть вотчиной Горбатовых.

Было бы очень интересно выяснить землевладение Шуйских, но, к сожалению, это невозможно, так как при царе Борисе и после падения Василия Шуйского все их владения подверглись конфискации. Не имея сведений о землевладении Шуйских, следует осветить вопрос об их положении при царе Иване.

Шуйские с середины XV в. более двух столетий прочно занимали место в первых рядах московского боярства. В годы малолетства царя Ивана они прославились своеволием и насильями в борьбе с князьями Оболенскими и Бельскими. Из «Послания» царя Ивана к Курбскому видно, что у него остались от детских лет очень нехорошие воспоминания о Шуйских, но тем не менее позже Шуйские пользовались исключительной благосклонностью царя.

⁸ Писцовые книги Московского государства XVI в., ч. I, отд. II, СПб., 1877, стр. 133—134.

⁹ Там же, стр. 13.

Достаточно сказать, что Шуйские были из числа тех немногих княжеских фамилий, которые совсем не пострадали от опал царя Ивана.

Перед опричниной Шуйские, за исключением Андрея Ивановича, были юношами, начинавшими свою карьеру. Указаний на службу в опричнине Андрея Ивановича нет, но следует отметить, что боярство он получил в 1567 г., тогда как пожалования в думные чины в годы опричнины вообще были редки. Андрей Иванович благополучно пережил бурную эпоху опричных казней, но в 1573 г. был убит на ливонском фронте.

Следующий по возрасту Шуйский Петр-Гурий Иванович был убит перед учреждением опричнины в 1564 г. в бою с литовцами.

О благосклонности царя Ивана к Шуйским свидетельствует то, что на его свадьбе с Анной Васильчиковой (1575 г.) в числе немногих избранных близких к царю людей были Василий Федорович Скопин, через год пожалованный в бояре, Иван Петрович, пожалованный в бояре в том же 1575 г., будущий царь Василий Иванович и его братья Андрей и Дмитрий (на той же свадьбе в числе гостей был и другой будущий царь — Борис Годунов). Наконец, следует напомнить, что царь Иван, умирая, в число опекунов своих детей включил Ивана Петровича Шуйского.

После приведенных справок, даже не зная ничего о землевладении Шуйских, едва ли можно говорить о направленности опричнины против родового землевладения Шуйских. Мне представляется несомненным, что отношения царя Ивана к суздальским князьям были вполне личными и что Суздаль и Шуя были взяты в опричнину вовсе не для того, чтобы искоренить родовые гнезда суздальских княжат, а по другим причинам, которые нам неизвестны.

Обобщая наблюдения относительно ведомства и первоначальной территории опричнины, можно сказать следующее.

Хозяйство опричных дворцов и различных «путей» было построено по типу и образцам дворцового хозяйства великих и удельных князей вообще. По старым же образцам был организован и Опричный двор в собственном смысле слова, и обеспечение опричных служилых людей денежным жалованьем. В обеспечении опричников поместьями была особенность, новизна которой, однако, не следует преувеличивать. Князья всегда считали себя в праве пересматривать при вступлении на престол и земельные отношения, и людей в своих владениях. Обычно они не нарушали без необходимости сложившиеся отношения, но в исключительных случаях пересмотр захватывал большое количество лиц. Так, при ликвидации независимости Ярославского и Тверского княжений вел. кн. Иван III произвел массовый пересмотр служилых вотчинников этих княжеств. Из Ярославля были выселены измельчавшие княжата, получившие взамен своих родовых вотчин села в других уездах. Нетитулованные ярославские вотчинники сохрани-

ли свои вотчины на условии вечной службы и отказа от [права] отъезда. В Твери сохранили свои вотчины только те лица, которые были приняты на службу к великому князю. Этот старый прием пересмотра служилых людей и их землевладения царь Иван употребил совсем с другими целями. Дабы предотвратить бытовое сращение опричников с земскими и повысить мобилизационную подвижность опричников, Иван решил испоместить их «с одного», целыми уездами, очистив предварительно эти уезды от старых помещиков и вотчинников.

Таким образом, в опричном ведомстве оказались владения трех категорий. Первую категорию составляли волости и села, предназначенные обслуживать опричное дворцовое хозяйство и его многочисленных дворовых слуг. В зависимости от хозяйственных потребностей в различных продуктах и от наличия местных ресурсов эти владения были разбросаны по всему Московскому государству. Вторую категорию составляли поморские города с уездами, которые должны были служить финансовой базой хозяйства Опричного двора. Наконец, третью категорию образовали уезды для испомещения опричников «с одного».

В последующие годы территория Опричного двора расширилась, ведомство осложнилось новыми элементами, в которых можно предполагать мотивы, не вытекающие непосредственно из первоначальной организации Опричного двора, но первый указ об опричнине и ее первоначальная территория не дают никаких оснований предполагать у царя Ивана какие-либо политические замыслы вроде разрушения княженицкого землевладения или захвата в опричное ведомство торговых путей, как полагал С. Ф. Платонов.

Говоря о первоначальной территории опричнины, следует сделать несколько замечаний относительно Стародуба Рязоловского. В XVII в. большая часть бывшего Стародубского княжества входила в состав Суздальского уезда. Когда это произошло, неизвестно. Во всяком случае несомненно, что во времена опричнины Стародуб не входил в Суздальский уезд и не был взят в опричнину вместе с Суздалем. В духовном завещании царя Ивана 1572 г. упоминается много вотчин стародубских князей, будто бы «поиманных» царем, и на этом, по-видимому, основывалось главным образом утверждение Платонова и некоторых других историков, что опричнина преследовала цель искоренить землевладение бывших удельных княжат.

В статье о монастырском землевладении во второй половине XVI в.¹⁰ я показал, что стародубские князья до опричнины, во время опричнины и после ее отставки распоряжались как ни в чем не бывало своими вотчинами, и объяснял это тем, что Стародуб в опричнине не был, а духовное завещание царя Ивана осталось проектом, не имевшим практического значения.

[1945]

¹⁰ «Исторические записки», т. 10, стр. 95.

ЛИКВИДАЦИЯ СТАРИЦКОГО УДЕЛА И РАСШИРЕНИЕ ВЕДОМСТВА ОПРИЧНОГО ДВОРА

На втором году существования Опричного двора ведомство его расширилось за счет бывшего удела старицких князей.

После смерти в тюрьме кн. Андрея Ивановича Старицкого [1537 г.] его удел был присоединен к великому княжению, а его вдова кн. Евфросинья с сыном Владимиром «поймана в нятельство», т. е. посажена в заключение. В декабре 1540 г. кн. Евросинья и кн. Владимир, по ходатайству митрополита Иоасафа, были выпущены из «нятельства» и получили двор кн. Андрея Ивановича в Москве, а 25 декабря 1541 г. вел. князь Иван пожаловал кн. Владимира и его мать, «очи свои им дал видети да и вотчину ему отца его отдал, и велел у него быти бояром иным и дворецкому и детям боярским дворовым, не отцовским»¹. Ниже мы увидим, что последнее условие не было выполнено.

В 1563 г. старицкие князья подверглись опале, кн. Евфросинья была принудительно пострижена и сослана на Белоозеро, а кн. Владимир помилован. Он получил обратно удел, но весь его двор был заменен новыми лицами по назначению царя, «вотчиною же своею повеле ему (царь. — [С. В.]) владети по прежнему обычаю»².

Незадолго перед опричниной, 26 ноября 1564 г., царь произвел с кн. Владимиром небольшую мену землями. Он взял себе Вышгород на р. Протве и три села в Можайском уезде: Алешню, Воскресенское и Петровское, а кн. Владимиру дал Романов на Волге с уездом, но без Пошехонья и Борисоглебовской слободы³. Эта мена была чисто хозяйственной сделкой и не имела никакого политического значения. Из летописей известно, что в предшествовавшие годы царь не раз ездил в «обезды» и гостил у кн. Владимира как раз в тех селах, которые теперь были предметом мены,

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 140.

² Там же, ч. II, стр. 368.

³ Там же, стр. 372.

а для кн. Владимира Романов мог иметь значение как место хороших рыбных ловель на Волге.

Совершенно иное значение имели три мены царя с кн. Владимиром, совершенные в январе, феврале и марте 1566 г. В том, что кн. Владимир менялся не добровольно, едва ли можно сомневаться, но непонятно, зачем царю понадобились три мены⁴.

По первой меновой царь взял себе город Старицу со всеми станами и дворцовыми селами, Новое городище (Погорелое) и Холм, бывший удел Холмских князей. Последние земли позже составили Зубцовский и Холмский уезды. Кн. Владимир получил Дмитров со всеми станами, за исключением Каменского и Кузьмодемьянского. Впрочем, по второй мене Каменский стан остался за царем.

По второй меновой царь взял себе Алексин, городище Любутск и Каменский стан Дмитровского уезда, а кн. Владимиру дал Боровск, в Муроме Мошок, в Московском уезде села Туриково и Собакино и в Дмитрове села Андреевское, Талдом, Подлипье, Гульнево, Медведево, Удино и Заозерейце.

Наконец, по третьей меновой царь взял себе Верею со всем уездом, в Московском уезде волости: Раменейце, Загарье, Куней, Вохну, Сельну, Гжель, Гуслицу и в западной части Московского уезда четыре села в Медвенском стану, а кн. Владимиру дал Звенигород с волостью Тросной и два села — Вишенки и Никольское, а все остальные села в Звенигороде царь оставил за собой.

Из духовной грамоты 1504 г. вел. кн. Ивана мы знаем весь удел, который он завещал своему сыну Андрею. Сравнивая его с перечнем земель, выменянных в 1566 г. царем у кн. Владимира, мы видим, что Иван взял себе полностью весь Старицкий удел в том составе, в котором он был за старицкими князьями почти 60 лет (Вышгород на Протве был выменян в 1564 г.).

Политическая цель произведенных царем мен ясна. За 60 лет существования Старицкого удела у старицких князей завязались многообразные и тесные связи с их слугами, что при обычае наследственной службы вполне понятно. Правительство царя Ивана дважды пыталось обезвредить кн. Владимира заменой его дворян своими доверенными людьми, но, очевидно, царю Ивану казалось это недостаточным, тем более что основная масса городских детей боярских Старицкого удела оставалась на своих местах и продолжала служить кн. Владимиру.

Возможно предположить и другие, побочные соображения, которыми руководствовался царь. Не случайно, быть может, кн. Владимир получил значительное количество земель в Московском и Стародубском уездах в виде сел, разбросанных в разных местах. Наконец, резиденция кн. Владимира, Старица, и большая часть удела находились слишком близко к Новгороду и западным

⁴ Краткое изложение всех трех мен см. ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 400. Январская и мартовская меновые грамоты напечатаны в СГГид, т. I, № 187, 188, стр. 526—533.

границам государства, а Дмитров, данный кн. Владимиру, был под близким присмотром.

О слугах старицких князей мы имеем отрывочные, но тем не менее весьма показательные сведения.

Князья Хованские были старшей линией князей Патрикеевых Гедиминовичей. Не находя себе места при дворе великих князей, они устраивались при дворах удельных князей. Так, кн. Андрей Федорович в начале XVI в. был боярином у кн. Дмитрия Ивановича Жилки. Его дочь кн. Евфросинья вышла замуж за кн. Андрея Ивановича Старицкого; несколько Хованских служили старицким князьям. Борис Петрович не раз бывал воеводой кн. Владимира Андреевича в разных походах, а его брат Андрей был у того же князя в дворецких.

В Старицком же уделе служили князья Чернятинские, мелкие потомки тверских князей, которые были в родстве с князьями Хованскими. Василий Андреевич Чернятинский был боярином у кн. Андрея Ивановича, а его сыновья служили в Старице. Дочь кн. Василия Васильевича Чернятинского была замужем за кн. Дмитрием Ивановичем Хованским, а ее брат Дмитрий Васильевич служил кн. Владимиру Андреевичу⁵.

Из рода оболенских князей старицким князьям служили Лыковы — Иван и Андрей Курака Васильевичи служили кн. Андрею, а их младший брат Юрий Чапля служил кн. Владимиру.

Из рода тверских бояр Бороздиных в Старицком уделе служили Житовы — Степан и Никита Ивановичи и их сыновья Богдан, Федор и Лука Степановичи и Дмитрий Никитич. Житовы имели старинные вотчины в Старице и после мен 1566 г. были из них выселены.

Во дворе старицких князей служили Григорий и Дмитрий Дмитриевичи Сатины; Григорий был в числе гостей на свадьбе кн. Андрея, а Дмитрий — на свадьбе кн. Владимира.

О мелких служилых людях и говорить нечего, так как они уже в XV в. обычно служили наследственно тому князю, в уделе которого находились их вотчины.

По условиям мены служилым людям обмененных земель была предоставлена свобода служить, «где кто хочет», царю или кн. Владимиру, но нетрудно представить себе, что получилось на деле. Немногие решились последовать за кн. Владимиром и лишились поместий и вотчин, а всех остальных «людишек» царь «перебрал».

В известной челобитной вел. кн. Симеону Бекбулатовичу (1575 г.) царь Иван с притворным смирением просил у него указа «людишек перебрать», неугодных отослать прочь, а годных принять на службу, «а которых людишек приемем, и ты бы, государь, милость показал вотчинишок у них отнимати не велел, как преж

⁵ Писцовые книги Московского государства XVI в., ч. I, отд. II, М., 1877, стр. 164.

сего велось у удельных князей»⁶. Вот эта-то «переборка людшек» и была главной целью мен 1566 г., и царь Иван поступил относительно слуг старицких князей так, как повелось у удельных князей.

Кн. Владимир Андреевич получил возмещение за свой удел из земельного фонда земщины, а его удел в большей части был взят в опричнину, территория которой, таким образом, значительно увеличилась. Старица, Зубцов, Холм и Вышгород были взяты в опричнину, а относительно Алексина и московских волостей пока мы не имеем указаний.

Дальнейшее расширение ведомства Опричного двора

Включение в ведомство опричнины значительной части Старицкого удела было первым ее крупным расширением, преследовавшим цели, весьма отличные от тех, которые царь Иван имел при учреждении Опричного двора. Выяснение дальнейшего расширения ведомства опричнины представляет некоторые трудности. Вследствие недостатка прямых на то указаний в источниках во многих случаях приходится удовлетворяться предположительными решениями того или иного вопроса. Большую путаницу в наши представления об опричнине внесло отождествление так называемых «дворовых» городов, которые упоминаются после отставки опричнины, с опричными городами в собственном смысле слова. Например, в числе «дворовых» городов упоминаются Псков, Ростов и Юрьев Ливонский, которые, как это достоверно известно, в опричнине не бывали.

После этих замечаний попробуем разобраться в темном вопросе роста опричного ведомства.

Костромской уезд

В 1567 (7075) г. в опричнину был взят один из крупнейших уездов государства — Костромской. Слева от Волги Костромской уезд охватывал весь бассейн р. Костромы, начиная от Соли Галицкой, и левые притоки Волги от г. Костромы почти до р. Унжи. По правой стороне Волги в состав Костромского уезда входило все течение р. Солоницы (волости Соль Большая, Соль Малая и Нерехта), а в южной части уезда — волости Сорохта, Шухомаш и Шохна, смежные с Суздальским уездом.

Следует заметить, что Костромской уезд принадлежал к числу тех немногих уездов, которые никогда не бывали в уделах и всегда были за великими князьями. Следствием этого было то, что Кострома была населена по преимуществу исконными служилыми

⁶ РИБ, т. XXII, стр. 76.

родами московских государей, а княженицких вотчин в уезде было ничтожное количество.

Выселения из Костромы начались с весны 1567 г. Так, вотчина кн. Дмитрия Палецкого в том же 1567 г. была отдана в поместье опричнику Федору Ивановичу Рогачеву⁷; Ф. Н. Ольгов и М. Я. Путилов, высленные из Костромы на Белоозеро, в 1567 и 1568 гг. продали свои белозерские вотчины, полученные вместо костромских, дьяку Мясоеду Вислово⁸; в 1568 или в 1569 гг. Скобеевы и Петр Григорьевич Кренин, получившие вместо костромской вотчины земли в Кашине, дали их Калязину Макарьеву монастырю.

Высленных из Костромы вотчинников мы находим во многих уездах: Московском, Коломенском, Муромском, Ярославском, Белозерском, Кашинском, Боровском и др. Это обстоятельство в связи с наблюдениями над составом служилых людей по уездам дает основание сказать, что костромичи были выслены из своих вотчин и поместий не выборочно, а «всем городом».

Гораздо более сложным представляется вопрос с выселением землевладельцев из Ярославля, взятого в опричнину, возможно, в том же 1567 г., но во всяком случае не позже 1568 г.

Ярославский уезд

По поводу Ярославского уезда во времена опричнины следует заметить, что он занимал едва ли более четверти территории бывшего Ярославского княжества. Перед 1568 г. Моложский удел, т. е. вся западная часть Ярославского княжества, стал «присудом», т. е. вошел в состав Угличского уезда, который в опричнине не был. Затем справа от Волги, в бассейне р. Юхти, находился бывший Юхотский удел, который в это время был за кн. Иваном Федоровичем Мстиславским, за которым он описан в писцовых книгах 1568 г. Затем в самом центре бывшего Ярославского княжества еще в первой половине XVI в., а, может быть, и раньше, образовался Романовский уезд, а на запад от него, в бассейне р. Шексны, — Пошехонский уезд.

Наконец, в состав Ярославского уезда никогда не входил Заозерско-Кубенский удел ярославских князей на Вологде. Таким образом, в состав Ярославского уезда входили следующие станы и волости: справа от Волги — волости Карма, Черемха, Едома и Пажа, станы Игрицкий и Закоторосльский и бывший Курбский удел, а слева от Волги — станы Городской, Шахов, Вокшерский и Жары.

Было ли взято в опричнину одновременно с Ярославлем и Пошехонье, неясно. Известно, что В. Воронцов получил вместо своей

⁷ РИБ, т. XXXII, № 290, стр. 574—575.

⁸ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II. М., 1900, стр. 13.

пошехонской вотчины, взятой в опричнину, вотчину в Дмитрове, но, с другой стороны, мы имеем несколько актов князей Ухтомских, которые распоряжались своими пошехонскими вотчинами так, как будто опричнины не было или она их не касалась. Приходится предположить, что с Ярославлем в опричнину было взято не все Пошехонье, а часть его, быть может, южная.

В связи с зачислением Ярослава в опричнину следует рассказать о некоторых особенностях истории княжеского и частного землевладения в бывшем Ярославском княжестве.

Сильно размножившиеся ярославские князья уже в XV в. растеряли значительную часть своих прародительских вотчин. Вел. кн. Марья Ярославна купила у пошехонских князей устье Шексны и южную часть их удела. Она же купила у кн. Михаила Дея и его детей Романов и Деево городище. Духовная грамота вел. кн. Ивана III перечисляет ряд волостей, купленных московскими князьями у ярославских князей: волости Воугуй, Рунай, Патробал, Шаготь, Шигоращ, Шелшедам. Это почти вся северная часть Ярославского княжества. От московских князей не отставали и их бояре. Уже в первой половине XV в. здесь были вотчины Ивана Андрея Бутурли, Василия Михайловича Шен Морозова и Воронцовых. Кроме продаж, были и другие пути потери вотчин. Так, родословцы сообщают, что князья Дуловы отъехали служить к тверским князьям и «отбыли», т. е. лишились, таким образом, своих вотчин.

Ермолинский летописец рассказывает, что при ликвидации в 1463 г. независимости Ярославского княжества все ярославские князья «простились со всеми своими отчинами навск, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики против их отчины подавал им волости и села»⁹.

В действительности не все князья лишились своих вотчин. Так, по-видимому, было сделано исключение для бездетного кн. Ивана Дмитриевича Юхотского: ему было предоставлено дожить свой век на уделе, а после его смерти Юхоть, как выражаются родословцы, «отошла» к вел. кн. Ивану. Затем есть указания, что сохранила свои вотчины старшая ветвь ярославских князей — князья Пенковы, вымершие в 60-х годах XVI в. Вероятно, некоторым князьям удалось позже получить свои вотчины обратно. Так, в Моложском уделе сохранили свои вотчины князья Прозоровские и Сицкие; в Закопторосльском стану сохранились небольшие вотчины князей Засекиных. Все это были жалкие остатки прародительских вотчин, раздробившиеся с течением времени между сопоследицами. Царь Иван несколько преувеличивал, когда писал Курбскому, что у него на службе одних только Прозоровских «не один сто», т. е. несколько сотен. В действительности, по Тетради дво-

⁹ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157—158.

ровой, при царе Иване ярославских князей разных фамилий было около 120 чел.

Следует еще напомнить, что за исключением князей Пенковых все ярославские князья еще при Иване III утратили право суда и данц, т. е. княжеские права, и стали обыкновенными вотчинниками.

Немногие княжата, сохранившие свои вотчины, были весьма небогаты. Весь «удел» кн. Андрея Михайловича Курбского состоял из села Курбы и нескольких десятков мелких деревень с участком Шеренского леса, в котором Батый в 12[37] г. убил кн. Василька Ростовского.

Что касается нетитулованных вотчинников, то вел. кн. Иван в своей духовной 1504 г. подтвердил условия 1463 г.: «А боярам и детям боярским ярославским своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василия не отъехать никому никуда, а хто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у их жон, ни у их детей»¹⁰. Для тех, кто привык представлять себе Ивана Грозного безудержным сокрушителем старины, будет несколько неожиданным то, что царь в своей духовной грамоте 1572 г. повторял дословно завещание своего деда: «А князьям и боярам ярославским и детям боярским ярославцам своими вотчинами и с куплями от сына моего Федора не отъехать к сыну моему Ивану и никуда. А кто отъедет от сына моего Федора куды-нибудь, и земли их сыну моему Федору, а служат у него, и он у них в земли и у жен и у детей не вступается»¹¹.

Из той же духовной царя Ивана мы узнаем, что при зачислении Ярославля в опричнину выселению подверглись не все ярославские князья. Иван писал: «А которые еси вотчины поимал у князей ярославских, и те вотчины сыну моему Федору, а сын мой Федор в том волен, хочет те вотчины за собой держит, хочет он отдать; а у которых князей ярославских их вотчин не имал, а сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них, и у жен и у детей их»¹².

Приведенные справки из истории землевладения в бывшем Ярославском княжестве разъясняют недоумения, которые у нас возникают от разноречивых показаний источников относительно времени и условий зачисления Ярославля в опричнину. Л. М. Сухотин отметил, что в 1569 (7077) г. Петр и Василий Марковы получили вотчины шести Долгово Сабуровых. Одновременно он отметил, что Марковы, Борщевы и Малышкины, получившие тогда

¹⁰ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных, под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909, стр. 38.

¹¹ ДАИ, т. I, стр. 387.

¹² Там же.

Новое издание духовных грамот Ивана III и Ивана IV см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—VX вв., М.—Л., 1950.— *Прим. ред.*

же поместья, принадлежали к коренным ярославским служилым людям¹³.

Сохранившиеся (в списке и несполна) писцовые книги Григория Фомина Квашнина 7076/77 г. вскрывают очень интересный факт. В начале идет описание вотчин старинных ярославских вотчинников: Власевых, Малыгиных, Мотовиловых, Рудиных, Кашкиных и др. Они сидят целыми гнездами родственников и свойственников на раздробившихся от многочисленных семейных разделов вотчинах. Относительно Долгово Сабуровых следует напомнить, что они были уничтожены в большом количестве, «всеродне», как говорил Курбский. Указание духовной царя Ивана на то, что выселению подверглись не все ярославские княжата, делает понятными и другие неясности показаний источников.

В упомянутых писцовых книгах есть несколько указаний на опричнину. Упоминается вотчина Андрея Ивановича Румянцева, данная ему вместо суздальской вотчины, взятой в 1565 г. в опричнину¹⁴. Ниже мы находим такую запись: «По грамоте государя царя и великого князя отдельно в вотчину Михаилу да Борису Образцовым детям Рогатого деревня Вакулова... а была в поместье за Иваном за Матвеевым сыном Товарищева». На полях отмечено: «Отписано на государя»¹⁵. Синодик опальных царя Ивана помогает понять эту запись. В нем мы находим в числе казненных Михаила Рогатого Бестужева и Никифора, суздальцев Степана и Ивана Матвеевичей Товарищевых. Очевидно, Иван Товарищев получил поместье в Ярославле, а после его казни деревня Вакулова была отдана в вотчину опричнику Михаилу Рогатому Бестужеву, который в свою очередь был казнен, после чего деревня Вакулова была «отписана на государя».

Про сельцо Полуектово с деревнями сказано, что оно было вотчиной дьяка Никиты Мотовилова, «и тое вотчины на Москве перед бояры искал из опричнины Образец Малыгин, и ту вотчину велено отписать на царя и великого князя... до государева указу»¹⁶. Так, коренной ярославец Н. Мотовилов владел вотчиной, которая у него была отписана не в порядке опричных выселений, а вследствие частного иска опричника Образца Малыгина, принадлежавшего тоже к коренным ярославцам.

На основе приведенных показаний источников можно сделать следующие выводы. Ярославль был взят в опричнину в 1568—1569 гг. (7077 г.), но вотчинное землевладение там находилось на особом положении, и потому помещики и вотчинники были выселены из Ярославля не поголовно, а выборочно, по усмотрению

¹³ Л. М. Сухотин. К вопросу об опричнине. ЖМНП, СПб., 1914, № 11, стр. 62; его же. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. М., 1911, стр. 3.

¹⁴ ЦГАДА, Писцовые книги, № 7785, л. 43 об.

¹⁵ Там же; л. 47 об.

¹⁶ ЦГАДА, Писцовые книги, № 7785, л. 30 об.

царя. Равным образом и княжата были выселены персонально. Таким образом, опричная «переборка людишек» в Ярославле существенно отличалась от сплошных выселений «с городом вместе, а не в опале», как это было сделано в первый год опричнины в Суздале, Можайске, Вязьме, а позже в Костроме.

Переяславль Залесский

Уезд Переяславля Залесского был взят в опричнину не ранее 1568 г. Весь ли уезд был взят и все ли землевладельцы выселены, неизвестно. Относительно Переяславского уезда следует сказать то же, что было сказано выше о Костромском; он был из числа тех уездов, которые никогда не бывали в уделах, и был населен древнейшими служилыми родами московских государей*.

Торговая сторона Новгорода Великого и Бежецкая и Обонежская пятины

Последнее значительное расширение ведомства Опричного двора связано с погромом Новгорода в 1570 г. Непосредственно после погрома царь взял в опричнину Торговую сторону посада Новгорода и две пятины — Бежецкую и Обонежскую. Новгородские летописи сообщают, что в январе 1571 г. в Новгород приехали кн. П. Д. Пронский, А. М. Старого Меликов и дьяк Семен Мишурин, чтобы взять в опричнину половину посада и две пятины. О мотивах этого мероприятия царя Ивана можно высказать некоторые предположения, но предварительно следует сделать несколько замечаний.

Известно, что в Новгороде в это время частных вотчин не было совсем, а все новгородские помещики были ближайшими потомками тех служилых людей из разных московских городов, которые были испомещены в Новгороде в конце XV и в начале XVI в. на землях, конфискованных у новгородских бояр и «житых людей», у новгородского владыки и монастырей. Таким образом, можно сказать, что у новгородских помещиков не могло быть никаких воспоминаний о былых новгородских вольностях, и если они были повинны в сепаратизме и желании отдаться под власть польского короля, то их сепаратизм был совсем нового происхождения.

Повесть «О приходе царя Иоанна IV Васильевича в Новгород» рассказывает, что после наказания новгородцев во все пятины «около Великого Новаграда верст за двести и за полтретьяста и болши» были разосланы опричники с приказанием дома помещиков «всячески расхищати и скот убивати у всяких людей без пощаденья, чей кто ни буди, без рассуждения»¹⁷.

В Синодике спальных царя Ивана мы находим большое количество новгородских помещиков, казненных в 1570 г. Больше всего казненных приходится на Бежецкую пятину. Многие казнены

¹⁷ Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 402—403; Писцовые книги Московского государства XVI в., ч. I, отд. II, стр. 550—566.

цельми гнездами, например четверо Анкеевых, четверо Каменских, пятеро Дубровских, четверо Коротневых, двенадцать Паюсовых и др. Значительно меньшее количество приходится на другие пятины.

Очевидно, довольно значительное количество новгородских помещиков было замешано в «изменное дело» новгородского владыки Пимена и по спискам, составленным, вероятно, в Александровской слободе, было перебито без всякого суда и следствия, «без пощады» и «без рассуждения». Правильность показания новгородской повести подтверждается напечатанными Самоквасовым обыскными книгами о запустении, вызванном опричным погромом. В них мы видим удручающую картину разорения — множество перебитых крестьян, разграбленных и сожженных деревень и т. д.

Непосредственно после погрома все помещики Бежецкой и Обонежской пятин, за исключением принятых в опричнину, подверглись выселению. Из других пятин некоторое количество помещиков было зачислено в опричнину и переселено в Бежецкую пятину.

В октябре 1571 г. Иван Мясоедов отделял новгородцам поместья в Полоцком уезде, в Усвяте и Озерницах и давал им при этом льготу в податях на четыре года. Из Бежецкой пятины было испомещено девять человек, а из Обонежской — двенадцать. Много выселенцев из Бежецкой и Обонежской пятин мы находим позже в Торопце, Пскове, Ржеве Пустой и Заволочье.

На место выселенных помещиков весной 1572 г. опричные дьяки Семен Мишурин и Василий Нелюбов Суков отделяли поместья новым помещикам, в числе которых мы находим несколько гнезд казанских татар¹⁸.

Все, что мы знаем о новгородском погроме, дает основание говорить, что зачисление в опричнину половины Новгорода и двух пятин было вызвано политической целью укрепления государственной власти на западной окраине, смежной с Литвой и Швецией. Конечно, царю Ивану лучше было судить, чем нам, насколько целесообразно и необходимо было удалить из Новгорода ненадежные элементы, возможно ли было обойтись при этом без погрома и разорения ни в чем не повинного крестьянства, но последующие события бросают некоторую тень на разумность этих мероприятий царя. Дело в том, что осенью 1572 г. опричнина была отставлена и начались обратные переселения служилых землевладельцев. Судя по сохранившимся писцовым книгам Бежецкой пятины 1582 г., если не большинство бежецких старых помещиков, то во всяком случае весьма значительное количество было возвращено на свои старые пепелища¹⁹.

¹⁸ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II. М., 1909, стр. 233—300.

¹⁹ Н. Я. Ницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915. В приложениях даны алфавитные списки помещиков Бежец-

Белозерский уезд

Во главе жертв новгородского погрома стояли софьяне — двор владыки Пимена, который в это время возглавляли Цыплятевы Моастыревы, старинные белозерские вотчинники. Да и кроме Цыплятевых, у Белозерского уезда были постоянно большие связи с Новгородом, так как он входил в состав Новгородской епархии. Вероятно, этим объясняется то, что непосредственно после новгородского погрома в опричнину были взяты некоторые части Белозерского уезда. Возможно, выселения были произведены персонально и не распространялись на весь уезд.

Губной наказ, данный 12 марта 1571 г. посаду и уезду Белоозера, свидетельствуют с несомненностью, что Белоозеро в целом не было взято в опричнину. В уезде было опричное село Чаронда и девичий Воскресенский Горицкий монастырь, в котором жила старица Евдокия Старицкая, но весь уезд оставался в земщине²⁰.

Опричнина и монастырское землевладение

Непонятно, на чем основано мнение С. Ф. Платонова, будто перетасовка служилого землевладения, произведенная в опричнине, распространялась и на монастырское землевладение. Правда, он говорит об этом мимоходом, но достаточно определенно — в опричнине «дворцовые и монастырские земли обращались в помещную раздачу», а ниже глухо упоминает о «массовой секуляризации» монастырских владений²¹.

По-видимому, это мнение основывается на нескольких случаях мен земель, которые царь Иван производил с монастырями. Подобные мены, то по просьбе самих монастырских властей, то по инициативе государей, производились и в XV, и в XVII в. и не имеют никакого отношения к вопросу об опричнине.

В ноябре 1566 г. Кириллов монастырь произвел небольшую мену по инициативе царя. У монастыря было взято к опричному селу Чаронде и к Горицкому монастырю пять деревень, взамен которых он получил пять деревень в волости Ирдме, смежной с кирилловскими владениями. В 1568 г. царь взял у Кириллова монастыря с. Кологривово в Кашинском уезде, а взамен дал монастырю с. Яргомож в Белозерском уезде²². В архиве того же монастыря есть другая грамота, из которой видно, что с. Кологривово было дано монастырю самим царем по душе кн. Юрия Ивановича и что власти били челом, что то село «от Кириллова монастыря далече», и просили дать им вместо него с. Яргомож.

кой пятницы 1545—1551 и 1592 гг. Описание 1564 г. см.: Новгородские писцовые книги, т. VI, СПб., 1910.

²⁰ ААЭ, т. I, № 281, стр. 316—320.

²¹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 148—149.

²² ААЭ, т. I, № 276, стр. 313.

Выше я упоминал, что у небольшого монастырька Николы Строевы горы были взяты к дворцовому селу Писцову четыре деревни и взамен дано село Шибухино с тремя деревнями в том же Костромском уезде.

Что же касается секуляризации монастырских земель вообще и раздачи их в поместья, то это даже не домысел, а чистый вымысел. В статье о монастырском землевладении во второй половине XVI в. я достаточно убедительно показал и подтвердил большим количеством фактов, что царь Иван не только не помышлял о секуляризации монастырских земель, но лично сам своими вкладами и косвенно, опричным террором, способствовал безмерному обогащению монастырей.

Относительно дворцовых земель в опричнине и в земщине есть несколько указаний на то, что в годы опричнины нередко производилось округление дворцовых владений, но на раздачу дворцовых земель опричникам или выселенцам из опричных уездов указаний нет. Все известные нам случаи раздачи земель относятся к черным землям или к оброчным, т. е. по существу к тем же черным.

Так, например, кн. Даниил Засекин вместо взятой у него ярославской вотчины получил земли оброчников в бывшей бобровничей Ильмехотской волости во Владимирском уезде. Г. Ф. Желтухин, выселенный из Верейского уезда, получил вотчину в черных и оброчных землях Московского уезда. В 1567 г. кашинский городской приказчик Иван Воробьев производил массовое, по-видимому, наделение земель выселенцев из Суздаля и Костромы ²³.

Английские торговые люди, Строгановы и монастыри в ведомстве Опричного двора

Опричный террор и эксцессы опричников распатывали у населения все представления о праве и создавали обстановку необеспеченности элементарных прав личности. На этой почве возродился давно, казалось, изжитый институт раннего феодализма — княжеская защита, патронат. Принятие в ведомство Опричного двора торговых англичан, Строгановых и некоторых монастырей можно рассматривать именно как запоздалую отрывку обычая раннего феодализма.

По поводу принятия в опричнину англичан и Строгановых С. Ф. Платонов писал: «Недаром англичане, имевшие дела с северными областями (взятыми в опричнину. — [С. В.]), просили о том, чтобы и их ведали в опричнине; недаром и Строгановы потянулись туда же: торгово-промышленной капитал, конечно, нуждался в поддержке той администрации, которая ведала край, и, как видно,

²³ Л. М. Сухотин. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг., стр. 12.

не боялся тех ужасов, с которыми у нас связывается представление об опричнине»²⁴. Последнее замечание звучит несколько странно: ведь Строгановы и англичане именно потому и добивались принятия в опричнину, что не хотели испытывать тех ужасов, с которыми у нас связывается представление об опричнине.

С. Ф. Платонов приложил много остроумия, чтобы найти и показать государственный смысл опричнины, и приписывал царю Ивану планомерное включение в ведомство опричнины важнейших торговых путей Московского государства. Какая надобность была брать в ведение и под контроль опричнины торговые пути, об этом Платонов не говорит, считая это, по-видимому, понятным. Но что мы видим в действительности? Опричнина просуществовала не до конца дней царя Ивана, как утверждал Платонов, а только семь с половиной лет. Из важнейших магистралей в опричнине был только двинский путь. Волжский путь — от Коломны по Оке до Астрахани — в опричнине не был. Путь из Москвы в Литву [шел] через Вязьму и Смоленск; сам Платонов должен был отметить, что Смоленск в опричнине не бывал и что самый ответственный отрезок пути был, таким образом, вне «контроля» опричнины.

Что же после этого остается от хитроумного домысла о торговых путях в опричнине?

Сольвычегодские владения Строгановых попали в опричнину в самом начале вместе с Устюжской землей и Солью Вычегодской. В августе 1566 г. Яков Аникеев Строганов бил челом государю, что его сольвычегодские владения уже «ведомы» в опричнине, а его де отец и братья имеют владения и промыслы в Перми. Для защиты пермских слобод они-де построили два городка, вооружили и содержат на свой счет ратных людей, завели соляные варницы и всякие промыслы. Яков просил царя и пермские владения «взять к себе в опричнину, а в земском бы тем городком и промыслу вашему не быти»²⁵. Царь пользовался у Строгановых кредитом, использовал их предприимчивость в заселении дальних окраин и удовлетворил просьбу Строгановых.

Одним из первых был взят в опричнину небольшой монастырек в опричном Пермьшльском уезде — Шаровкина пустынь. В сентябре 1566 г. Шаровкина пустынь получила жалованную несудимую грамоту обычного содержания, с подсудностью в высшей инстанции самому царю или опричному введённому боярину. Для охраны братии от «сторонних людей» монастырь получил данного пристава, певчего дьяка Якова Потапова²⁶.

²⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 140.

²⁵ ДАИ, т. I, стр. 172.

²⁶ П. Садилов. Из истории опричнины. — «Исторический архив», т. III, М., 1940, стр. 193—197.

При учреждении опричнины в ее ведомство был взят Воскресенский Горицкий монастырь на р. Шексне, женский филиал Кириллова монастыря. Это объясняется, очевидно, тем, что в нем с 1563 г. находилась в заключении кн. Евдокия Старицкая.

В конце существования опричнины в нее был принят Стефанов Махрицкий монастырь, находившийся в 15 верстах от столицы опричнины — Александровой слободы. Близость монастыря к слободе способствовала знакомству братии с царем, но соседство с опричниками создавало, вероятно, некоторые неудобства, и этим, может быть, объясняется принятие его в опричнину. 27 марта 1571 г. монастырь получил жалованную грамоту с обычными привилегиями, подсудностью в опричнине и с данным приставом²⁷.

Шаровкина пустынь и Махрицкий монастырь были мелкими обителями местного значения. Иного масштаба и типа был Симонов монастырь, принятый в опричнину в 1569 г. Он находился на окраине Москвы, но выделялся из московских городских монастырей исключительной силой хозяйственной экспансии. Его владения были разбросаны во многих уездах государства: в Московском, Бежецком, Ярославском, Белозерском, Ржевском, Волоколамском, Можайском, Малоярославецком, Переяславском, Владимирском, Юрьевском, Муромском, Суздальском, Нижегородском и у Соли Галицкой.

При таком размахе хозяйственной деятельности и разбросанности владений для монастыря было очень важно попасть под зень опричнины, но это удалось ему только после усиленных хлопот.

В феврале 1566 г. монастырь получил жалованную грамоту на село Дикое в Верейском уезде, который был уже в опричнине. В марте 1569 г. Симонов монастырь был взят в опричнину со всеми владениями как в опричных, так и в земских уездах, «...а оброк за дань и за посошной корм, и за ямские денги, и за городовое дело и всякие наши подати с их монастырских сел и з деревень велел есмь (царь. — [С. В.]) имать в опричнину»²⁸.

Все прочие монастыри по своим владениям в земских городах ведались в земских приказах, а по владениям в опричных уездах ведались в опричнине в Александровой слободе. Зная это, мы поймем, какие большие выгоды получал Симонов монастырь с принятием его под защиту опричнины.

[1945]

²⁷ ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 646, грамота 318.

²⁸ П. Садиков. Из истории опричнины. — «Исторический архив», т. III, стр. 235.

ВЫСЕЛЕНИЕ ЗЕМСКИХ ИЗ УЕЗДОВ, ВЗЯТЫХ В ОПРИЧНИНУ

Указом об опричнине началось великое переселение служилых землевладельцев, разорившее несколько десятков тысяч средних и мелких владельцев и много десятков тысяч крестьянских хозяйств.

Указ говорит об этом так: царь учинил у себя в опричнине 1000 чел. дворовых и городских слуг, «поместья им подавал в тех городех с одново, которые города поймал в опричнину, а вотчинников и помещиков, которым не быти в опричнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городех, понеже опричнину повелел учинити себе особно»¹.

Это общее положение последующими частными указами и практикой были развиты так. Выселенные помещики должны были сами подыскивать, как это было в обычае, свободные земли и «позижие» поместья и «бить челом» в Поместном приказе об отводе им нового поместья. Хорошо известно, что при постоянном недостатке подходящих земель получение поместья требовало больших хлопот и расходов. Положение выселенных вотчинников было несколько лучше, так как они имели право получить полный эквивалент отобранной у них вотчины.

Федор Григорьевич Желтухин владел в Вышгороде Верейском вотчиной — сельцом Алымовым и деревней Онцифоровой, в которых числилось 110 четвертей пашни, 330 копен сена и 30 дес. леса. Выселенный из Верейского уезда, Желтухин получил в марте 1566 г. полный эквивалент, но не в одном месте: он получил в Московском уезде три деревни в волости Вохне и одну деревню в Раменейце, в которых числилось 112 четей пашни, 310 копен сена и 20 четей в трех полях леса².

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 395.

² Архив Троице-Сергиевой лавры, кн. 530 по Москве, л. 78.

По тогдашним правилам землемерия, 20 четей в трех полях считались равными 30 дес., а на четь пашни считали обычно по 10 копен сена. Как можно видеть, Желтухин получил вполне точный эквивалент отобранной у него вотчины. Легко представить себе, что подобные случаи были счастливыми исключениями, а в большинстве случаев выселенцам приходилось довольствоваться неполным возмещением отобранных у них вотчин, сохраняя годами только право получить, «где приищут», недостающие земли. Приведу пример, из которого видно, какую ломку должно было претерпевать хозяйство выселенца даже независимо от неполного возмещения отобранного хозяйства.

Пятеро Краснослеповых владели вотчиной в Суздале, в которой числилось 72 четверти пашни и 40 копен сена. Вместо суздальской вотчины в сентябре 1566 г. им удалось получить две деревни в Муроме, «и не дошло их меры пашни трех четвертей, а в дву по тому ж, и в пашни место дано им сена, что осталось за мерою у тех же деревень, 30 копен, да в пашни ж место дано им лесу пашенного 3 десятины в одном поле. И всего за ними 2 деревни, а в них 4 двory крестьянских, а людей в них 4 человека, пашни в поле средние земли 30 чети да худые земли и с тою пашнею, что им дано в пашни место сена и леса, 42 чети в поле, а в дву потому ж, сена 40 копен»³. Сверх того, Краснослеповым было дано право пользоваться по местным условиям государевым бортым лесом для своих потребностей с обязательством беречь бортовые деревья, «не сечи и не поджигати и пчел не выдирати, и дальние борты не испортити и от сторон беречи накрепко, чтоб тот Государев лес бортовой не запустел»⁴.

А вот пример неполного и по неизвестной нам причине запоздолого наделения выселенца. Кн. Данил Иванович Засекин был выселен из своей ярославской вотчины, в которой числилось 295 четей пашни, 202 копы сена и 10 дес. леса. Вместо этой вотчины ему было дано в 1576 г. запустевшее поместье «турченина» Николая Янова, в котором было 178 четей пашни, 45 копен сена и 50 дес. пашенного леса: «и пашенный лес зачет против пашни вдвое, против пашенные земли за пятьдесят чети, и всего и с зачетом пашни двесте двадцать восемь чети с осминою, а не дошло его против старые вотчины пашни штидесят семи чети, сена ста пятидесят копен, лесу пашенного и непашенного десяти десятии»⁵.

Приведенные примеры показывают, насколько сложной была задача возмещения выселяемых вотчинников и паделения поместьями помещиков. Ведь не следует забывать, что дело шло о нескольких тысячах людей, которых выселяли и разбрасывали по разным концам государства в самые короткие сроки. С. Ф. Пла-

³ Архив Троице-Сергиевой лавры, кн. 531 по Мурому, л. 18.

⁴ Там же.

⁵ ААЭ. т. I. № 290, стр. 355.

тонов сравнивал опричные выселения с «выводами» служилых и торговых людей, которые применялись не раз отцом и дедом Ивана Грозного. Это большое недоразумение. Иван III и его сын выводили людей из окраин государства и поселяли их на места так называемых сведенцев, преимущественно из центральных частей государства. Сведенцы вовсе не были лишены права передвижения, но они должны были завести на новом месте хозяйство и иметь постоянную оседлость в месте поселения. Так, немедленно после завоевания Казани туда было сведено из западных и центральных городов государства несколько десятков торговых людей, которые получили двory и правительственную помощь, чтобы быть в состоянии взять в русские руки всю торговлю по волжскому пути. Ничего подобного не было в тех массовых выселениях и переселениях, которые производил царь Иван.

На первом году опричнины Иван очистил несколько уездов от старых владельцев с исключительной целью испоместить в них опричников «с одного». В последующие годы Иван применял выселения как меру репрессии, быть может, даже террора, но никогда не думал «старых владельцев посылать на окраины, где они могли бы быть полезны в целях обороны государства»⁶. Выселенцы, как помещики, так и вотчинники, должны были сами разыскивать «порозжие» и подходящие земли и хлопотать в Поместном приказе об отводе им соответствующих земель.

Считая указанный факт несомненным, ограничусь небольшим количеством примеров.

Выселенцы из Костромы Федор Никифорович Ольгов и Михаил Яковлевич Путилов получили вотчину на Белоозере⁷. В черных деревнях Едомской волости Ярославского уезда получили поместья следующие костромичи: Василий и Федор Михайловичи Туровы, Богдан Суворов, Евстафий и Федор Захаровичи, Иван и Федор Семеновичи Путиловы, Михаил Яковлевич Путилов и несколько Ольговых (сородичей Адашевых) — Кислый Федоров, Федор Никифоров, Десятый и Василий Федоров, Пятый Васильев, Василий Семенов, Федор и Константин Васильевы, Василий Злобин сын Тыртов. Там же мы находим несколько выселенцев из Суздаля — Мансура Товарищева и двух Бестужевых. Костромичей Зачесломских мы находим по писцовым книгам последней четверти века в Московском, Коломенском и Каширском уездах; Зубатовых Федчищевых мы находим на вотчинах в Муромском, Каширском, Коломенском и Нижегородском уездах; Крелевых — в Кашире и Кашире; Отрепьевых — в Кашире.

Выселенные из Старицы Житовы получили вотчины в Волоколамском, Московском, Коломенском и Каширском уездах. В Рязанском уезде в конце XVI в. мы находим выселенцев из Старицы

⁶ С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пг., 1923, стр. 131.

⁷ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономики, вып. III. М., 1900, стр. 13.

Челеевых и Бакеевых. Можанчи Молчановы Кишкины получили вотчины на Белоозере. Выселенные из Дмитрова Заболотские получили вотчины в Новосильском и Каширском уездах.

Совершенно ясно, что правительство царя Ивана не придерживалось в этом деле никакой системы или плана: выселенцам, помещикам и вотчинникам давали землю там, где они ее прискакали и где можно было дать.

Историческая наука всегда относилась с большой симпатией к интересам самоуправляющихся миров так называемых черных крестьян. О причинах симпатий и интереса нет надобности распространяться, так как это ясно и всем понятно, но для историков до сих пор остается загадкой, когда и как общая масса старинных княжеских земель разделилась на дворцовые земли в собственном смысле слова и на черные и оброчные. Не менее загадочным представлялось «исчезновение» черных волостей во всех уездах государства, кроме так называемых поморских городов Севера, в которых служилое, поместное и вотчинное землевладение не получило распространения ввиду отдаленности этих уездов от окраин государства, нуждавшихся в постоянной защите от соседей.

Давно было известно, что большое количество дворцовых и черных земель было расхищено в безгосударное время смут первых двух десятилетий XVII в., но всем, кто занимался этим вопросом, было ясно, что это было концом процесса поглощения крестьянского землевладения частным [служилым], что дело шло об остатках некогда многочисленных во всех частях Московского государства черных земель. Исследование этого интересного вопроса отвлекло бы меня далеко от моей темы. Поэтому я ограничусь несколькими общими замечаниями, которые могут быть полезны последующим исследователям этого вопроса, и постараюсь выяснить, какое губительное значение имели опричные выселения и переселения в исчезновении черного крестьянского землевладения.

Раздача земель служилым людям в поместья в первой половине XVI в. очень быстро распространяется во всех уездах, кроме городов Поморского Севера. Во всех районах, вновь присоединяемых и вновь заселяемых, поместья становятся господствующей формой землевладения. В поместную раздачу шли в первую очередь пустые, никому не принадлежавшие земли, затем земли, отобранные у прежних владельцев, поскольку они оказывали сопротивление московскому правительству и не были приняты на службу, и, наконец, все земли лишившихся независимости удельных княжат. Внимательно просматривая источники по этому вопросу, мы нигде не находим указаний на то, чтобы московские государи щедро и нерасчетливо раздавали крупные села, слободы и волости бывших княжеских земель разных наименований и назначений — дворцовых в собственном смысле слова, черных, оброчных, служных и т. п.

Это наблюдение подтверждается реформой 1550 г., когда в окрестностях Москвы, радиусом в 50—60 верст, было и помещено сразу свыше тысячи человек «лучших слуг» Государева двора. Есть полное основание [предполагать, что] в окрестностях Москвы оказалось большое количество черных и оброчных земель, большей частью разбросанных чересполосно с частными и монастырскими землями небольшими массивами. Вот эти-то земли и были розданы тысячникам. Однако и после этого в распоряжении правительства остались целые волости черных крестьян в восточных частях Московского уезда: волости Вохна, Гжель, Гуслица, Куней, Черноголовль и др.

Во всех прочих уездах государства, кроме Подмосковья, и после реформы 1550 г. сохранилось большое количество черных земель, которые при отмене кормлений получили уставные грамоты. Естественно, что на эти земли, «жилые», т. е. населенные и пригодные для обеспечения служилых людей, обратились взоры выселенцев из опричных уездов и дьяков царя Ивана.

Неизвестно, на чем основаны категорические утверждения С. Ф. Платонова о «секуляризации» в опричнине монастырских земель и раздаче мелкими участками помещикам бывших княжеских вотчин. Эти благонамеренные мнения не подтверждаются источниками. Многочисленные указания источников дают возможность сказать определенно, что выселенцы, в том числе и князья, получали за свои вотчины эквивалентное количество земли в земских городах на вотчинном же праве. Бывали, конечно, случаи конфискации в опалах, но фонд конфискованных земель был совершенно ничтожным по сравнению с тем огромным количеством земель, которое понадобилось, чтобы наделить поместьями и вотчинами выселенцев из опричных уездов.

К сожалению, мы не можем даже приблизительно определить количество выселенцев, которых необходимо было устроить, чтобы не лишиться боеспособных служилых людей. Таубе и Крузе говорят, что из уездов, взятых в опричнину в первый год, явилось на смотр 6 тыс. чел., из которых в опричники было зачислено только 560 чел.; остальные подлежали выселению. Для правильной оценки указанных цифр следует иметь в виду, что обычно с поместья или вотчины служило по несколько человек: отец с сыновьями, два-три брата, дядья с племянниками и т. п. Затем в каждом уезде всегда было некоторое количество отставных на прожиточных поместьях, недорослей, вдов с сиротами и т. д.

Учитывая все это, а также некоторое преувеличение, допущенное Таубе и Крузе, можно сказать, что для выселенцев в первый же год опричнины необходимо было отвести не менее 1500 поместий или вотчин. В последующие годы количество выселенцев и отводимых им участков должно было возрасти. Мы не имеем данных, чтобы определить хотя бы приблизительно количество лиц, подвергшихся выселениям, но красноречивее абсолютных цифр тот

несомненный факт, что вначале, как выражаются Таубе и Крузе, наделение выселенцев землей производилось «с соблюдением некоторых приличий, все-таки терпимо, но чем дальше, тем хуже»⁸. Это совершенно понятно, так как фонд пригодных земель очень быстро был исчерпан. Мы видим, что в первые годы выселений выселенцы получали землю довольно быстро, а в последние годы опричнине вотчинникам приходилось довольствоваться пустыми землями и по несколько лет добиваться хотя бы неполного возмещения.

Наши сведения о наделении выселенцев поместьями и вотчинами случайны, они дошли до нас в большей части через архивы монастырей, которые в большом количестве получили земли выселенцев. Внимательное исследование источников, вероятно, даст возможность значительно пополнить приводимые мной ниже указания на раздачу земли в поместья и в вотчины опричным выселенцам, но и то, что мы знаем, достаточно выразительно и показательно.

В Ярославском уезде только в одной Едомской волости перед 1568 г. 40 помещикам — выселенцам из Костромы и Суздаля — было роздано свыше 200 деревень.

Тогда же в черных волостях Белозерского уезда получили вотчины Молчановы Кишкины, выселенные из Можайска, Ф. Н. Ольгов и его сородич М. Я. Путилов, выселенные из Костромы.

Во Владимирском уезде перед опричниной существовала довольно значительная по размерам бывшая ранее за бобровниками волость Ильмехотская. Во времена опричнины она была роздана помещикам, а позже, когда опричники запустошили и побросали поместья, она была дана в вотчины.

В Суходольском, Мерском и Жабенском станах Кашинского уезда сохранялось еще от времен независимости тверских князей довольно много черных деревень. Есть несколько указаний на то, что кашинские городовые приказчики в 1567—1569 гг. производили в этих деревнях массовое наделение поместьями и вотчинами выселенцев из Костромы и Ярославля.

Несколько Краснослеповых, выселенных из Суздаля, получили вотчины в черных (бортных) деревнях Муромского уезда.

В Московском, Серпуховском, Верейском, Боровском и Малоярославецком уездах сохранялось от времен уделов большое количество земель бывших числяков, ордынцев и делюев, частью разбросанных чересполосно среди других земель, а частью составлявших целые волости. Небольшая часть этих земель была взята в разное время в дворцовое ведомство, а большая часть находилась на положении черных, тяглых или оброчных земель. К концу

⁸ «Русский исторический журнал», кн. 8, Пг., 1922, стр. 36.

XVI в. эти земли полностью были розданы в поместья, и это произошло главным образом в годы опричных переселений.

Наконец, есть несколько указаний на раздачу выселенцам из опричных уездов черных крестьян в восточных волостях Коломенского и Московского уездов.

Едва ли многим счастливым удалось получить жилые земли с крестьянами в соответствии с отобранными у них поместьями или вотчинами. Большинству выселенцев приходилось довольствоваться выморочными, так называемыми «порозжими», т. е. недавно заброшенными, поместьями, а также брать давно запустевшие и поросшие лесом земли.

Таубе и Крузе не пожалели красок, чтобы изобразить бедственное положение выселенцев, но дело вовсе не в эксцессах и перегибах, а в пагубности общей постановки дела — в разрушении в короткий срок нескольких тысяч налаженных хозяйств и в исключительной трудности заведения хозяйств на новых местах.

Постоянные походы отрывали служилого человека от дома и хозяйства и требовали не только материальных жертв, но и личных.

Раздача большого количества черных земель в поместья и вотчины выселенцам из опричных уделов привела к полной ликвидации самоуправляющихся волостных миров черных крестьян почти на всей территории государства, за исключением северных уездов. Поместья этого времени были большей частью небольшими владениями. Мы не имеем статистических данных для определения населенности их, но все, что известно о поместьях этого времени, говорит за то, что поместья с десятью и более дворами были исключением, а в большинстве случаев на поместье приходилось по пять — восемь дворов. Это обстоятельство в свою очередь дает право сказать, что раздробление черных волостей на мелкие поместья в эпоху опричнины было хорошей подготовкой для закрепощения крестьян при помощи так называемых заповедных указов 1581 г. и последующих указов о временной отмене свободы крестьянских выходов.

ОПРИЧНЫЕ ВЫСЕЛЕНИЯ И ОБОРОНА ГОСУДАРСТВА

При учреждении опричнины царь отобрал в свой двор 1000 чел., а для того чтобы обеспечить поместьями «с одного», т. е. вместе, а не чересполосно с другими помещиками и вотчинниками, взял несколько уездов. Чтобы учесть, хотя бы приблизительно, какое количество земских нужно было выселить, чтобы поместить 1000 опричников, следует иметь в виду следующее.

В середине XVI в. большинство служилых людей несло службу не с вотчин, а с поместий. Если у кого-нибудь были еще остатки старых вотчин, то их было недостаточно, чтобы нести службу, тем более что эти вотчины были раздроблены между множеством сонаследников. Но и поместная система так быстро распространялась, что не хватало свободных земель для испомещения полностью по окладам. Поэтому, как правило, помещик этого времени владел участком земли не в полный оклад его.

Затем можно высказать более чем вероятное предположение, что опричники были обеспечены поместьями лучше земских и, быть может, получали поместья сполна по их окладам. Эти два обстоятельства дают основание полагать, что для испомещения 1000 опричников нужно было выселить и очистить земли значительно большего количества земских. Едва ли будет преувеличением сказать, что нужно было выселить полуторное количество земских, т. е. 1500 чел. Судя по количеству взятых в опричину уездов и земель, это предположение представляется вполне правдоподобным.

По мере роста опричнины и зачисления в нее ряда крупных уездов, количество опричников возросло до пяти-шести тысяч человек, а количество выселенцев — до семи с половиной — девяти тысяч человек.

Попробуем представить себе, какие ближайшие последствия это имело для обороны государства. Выселение если и не сопровож-

далось полным разорением служилого человека, то ставило его в необходимость заводить новое хозяйство в весьма неблагоприятной политической и экономической обстановке. Следует иметь в виду, что выселенцы должны были сами подыскивать свободные земли и в каждом отдельном случае просить об испомещении. По сохранившимся источникам мы знаем, что проходило иногда два — четыре года, прежде чем выселенцу удавалось найти и получить эквивалент отобранных у него земель. С течением времени, по мере роста опричнины, фонд пригодных для испомещения земель истощался, и выселенцы вынуждены были брать пустые земли, на которых хозяйство приходилось заводить вновь. В таких случаях правительству приходилось давать выселенцу льготу во всех податях на два — четыре года.

Что касается опричников, получивших поместья, то они, как выражаются официальные документы позднейшего времени, не «прочили» себе данные им поместья, т. е. не надеялись, что им придется владеть этими землями впрок, впредь. На чем было основано такое отношение опричников к своим поместьям, мы не знаем, но иностранные писатели, сами служившие в опричнине и получавшие поместья, очень ярко описывают, как опричники в самый короткий срок разорили крестьян своих поместий. Добавим, что последующие события оправдали предположения опричников, которым после отставки [опричнины] в 1572 г. пришлось возвращать поместья и вотчины прежним владельцам.

Словом, можно сказать, что губительное влияние опричных выселений, вселений и затем обратных переселений настолько несомненно, что не нуждается в дальнейших доказательствах. Но следует обратить внимание на другую сторону вопроса — на глубокий подрыв боеспособности армии. Чтобы понять это, следует сделать небольшое отступление и отметить те области военного дела, которыми историки обыкновенно не интересуются, даже тогда, когда берутся описывать события военной истории и обсуждать военные действия правительств далекого прошлого.

Военные силы раннего феодализма не только на Руси, но и в Западной Европе не знали строевой дисциплины в собственном смысле слова. Ратные силы князей состояли из «двора» самого князя, из отрядов бояр-дружинников и вассальных князей. Двор князя и отряды вассалов слагались из самостоятельных ячеек. Стоял ли во главе ячейки вассальный князь или боярин-дружинник, его связь со слугами и послужильцами, свободными людьми и рабами, была личная. Свободные слуги, главы ячеек были связаны со своим господином присягой, а рабы — повновением раба. На личной же присяге основывалась связь боярина-дружинника и вассального князя с князем-сюзереном.

Поуездные организации служилого люда стали зарождаться, быть может, еще в XIV в., но только со времени Ивана III и объединения Северо-Восточной Руси под властью московских госуда-

рей старая организация армии подвергается глубоким изменениям. Иван III, ликвидировав одно за другим независимые и полузависимые княжества Северо-Восточной Руси, одновременно принимал ряд мер к ослаблению боярства и разрушению их дружин. До Ивана III на протяжении нескольких веков преимущественными организаторами ратных сил Руси были бояре и вассальные княжата. Иван постепенно берет за это дело сам и стремится поставить рядового служилого человека в зависимость от княжеской власти.

Создать регулярную армию со строевой дисциплиной в короткий срок было, конечно, невозможно, на это понадобилось еще более двух столетий. Вел. кн. Иван III, разрушая старую феодальную армию боярских и служебно-княжеских ячеек, для сохранения связанности и спайки частей армии использовал сложившиеся по уездам бытовые и хозяйственные связи местных землевладельцев, стал оформлять их в поездные военные организации служилых людей и придавать им прочную спайку крупных тактических соединений армии. В том же направлении и духе действовали правительства сына и внука Ивана III.

Во времени войн из-за Ливонии и учреждения опричнины организация военных сил царя Ивана представляется в общем в таком виде. Для каждого похода, оборонительного или наступательного, будь то так называемая «береговая служба», т. е. расположение войск на южных окраинах для обороны государства от набегов татар, или походы наступательные, специально формировалась армия, состоявшая обычно из пяти полков: передового (авангарда), большого полка, во главе которого стоял обыкновенно воевода, командующий всей армией; полка правой руки (правого крыла); левой руки и арьергардного полка.

Во главе каждого полка назначался воевода с одним — тремя товарищами. Воевода и его товарищи, главы большого полка, одновременно были главным командованием и штабом всей армии, как бы ее генералитетом.

Таким же образом для каждого отдельного похода формировались специально полки, входившие в состав армии. Полк состоял из большего или меньшего количества «сотен» — основных тактических соединений, во главе которых назначались «головы» из дворян. Названия «сотни» или «сотенного головы» не должны вводить нас в заблуждение, будто полк действительно делился на сотни. В XVI в. сотня — условное обозначение основных мелких тактических соединений, из которых слагался полк.

Основными кадрами для формирования сотен служили поездные организации дворян и детей боярских. Некоторые уезды, или, как тогда говорили, «города», были так значительны, что могли образовать целую «сотню». Другие сотни образовывались из двух-трех городов, т. е. поездных организаций.

Специалисты военного дела считают аксиомой афоризм: «Организация не терпит импровизации», т. е. несовместима с им-

провизацией. Иными словами, необходимую для всякой армии организацию, спайку и слаженность частей можно создать только длительной и планомерной подготовкой армии, но отнюдь не по вдохновению, не сразу. На первый взгляд может показаться, что организация военных сил Московского государства как будто опровергает указанную аксиому военных специалистов. В действительности это не так. Наша военная история лишней раз подтверждает беспорность этого положения. В армии царя Ивана можно признать импровизированными только назначения воевод и голов и группировку поуездных организаций дворянской конницы в полку, но здесь надо сделать оговорки. Дело в том, что круг родовитых и опытных в военном деле дворян, из которых назначался командный состав, особенно воеводы, были очень немногочислен. Все знали друг друга, многие были проверены неоднократно на деле и заслужили репутацию хороших командиров.

Не менее важным было то, что поуездные организации дворянской конницы, входившие обыкновенно целиком в сотни и полки, были очень крепко сплоченными ячейками армии московских государей XVI в., пришедшими на смену дружинам бояр и вассальных князей.

Эти поуездные организации были созданы отнюдь не сразу, кажется, в конце XV в., но во всяком случае уже с начала XVI в. возникает и быстро распространяется по всем городам новая должность — городовые приказчики. Городовой приказчик заведовал и наблюдал за исправностью городских укреплений, но главной его обязанностью были раскладка и сбор в пределах уезда различных податей. С течением времени, а может быть, и с самого начала установилось обыкновение назначать городских приказчиков из местных детей боярских, преимущественно из тех, которые были отставлены от полковой службы и перечислены по выслуге или вследствие ран в осадную, т. е. гарнизонную, службу.

Введенные в 30-х годах губные учреждения первоначально были всесословными, но с течением времени, по мере того как поместная система поглощала земли черных крестьян, губные учреждения попали в руки местных дворян и детей боярских. Должности губного старосты и целовальников были выборные, но целовальники очень скоро из товарищей старосты превратились в подручных исполнителей распоряжений старосты. Для крестьянства выборы в целовальники, наравне с выборами в тюремные сторожа, стали одной из повинностей тяглого населения.

В губные старосты обыкновенно выбирали людей преклонного возраста, пользовавшихся в уезде уважением, очень часто из отставленных за старостью или из-за ран от службы. Таким образом, полиция и суд по уголовным (разбойным и татинным) делам оказались в руках уездных служилых землевладельцев.

После отмены в 1556 г. кормлений и суды по гражданским делам, по крайней мере в некоторых пределах, которые еще не

выяснены, попали в руки поездных организаций служилого дворянства. Не выяснено еще, везде ли и сразу ли были введены «судные головы», но во второй половине XVI в. они встречаются во многих уездах, в судных головах служили по выборам.

Еще более важные связи создавались в уездах на почве военной службы. Разбор кадров служилых людей, определение окладов поместного и денежного жалованья, зачисление на службу молодежи (новиков), перечисление из полковой службы в осадную и полная отставка, наконец, раздача денежного жалованья на подъем в поход — все эти важные в жизни служилого человека дела производились при самом близком участии выбранных поездно «окладчиков». На службе в походе далеко не всегда, но нередко головой поездной сотни бывал местный же дворянин из числа тех, которые служили по московскому списку как выбор из городов.

В заключение прибавлю, что продолжительная жизнь в уезде создавала разнообразные бытовые и экономические связи. Старые служилые роды сидели по уездам обыкновенно целыми многочисленными гнездами, сплетенными неоднократно брачными узами с такими же гнездами.

Вот эти-то поездные организации, придававшие армии Московского государства необходимые в походе и в боях спайку и организованность, и были потрепаны и разрушены опричниной.

В самом деле, выбитые из уезда помещики и вотчинники, «с городом вместе, а не в опале», разлетались по всем концам государства и устраивались, где кому и как удавалось. С другой стороны, поселенные на их земли опричники если и не были набраны, что называется, «с бору да с сосенки», то во всяком случае из разных уездов. Приобрести в короткий срок ту спайку, которая была присуща старым поездным организациям, опричники, конечно, не могли, да и не успели; так, в 1572 г. выселения и переселения прекратились, и многие опричники подверглись выселениям в свою очередь, как раньше — земские. Какая часть армии была задета непосредственно этими мудрыми «государственными» преобразованиями царя Ивана?

По приблизительным, умеренным подсчетам, количество опричников и выселенных в земщину помещиков и вотчинников можно определить в двенадцать — пятнадцать тысяч человек (семей). Общее же количество дворянской конницы (если выключить вдов, не на прожиточных поместьях, недорослей и отставных), было немногим более тридцати тысяч человек. Слуги и послужилцы дворян и детей боярских, как бойцы, так и кошевые, т. е. обозная прислуга, в счет не идут.

Таким образом, можно сказать, что почти половина основных кадров тогдашней армии была расстроена учреждением опричнины и опричными выселениями и переселениями*.

К ОТСТАВКЕ ОПРИЧНИНЫ

В грозных, бурно протекавших событиях, предшествовавших опричнине и развертывавшихся после учреждения ее, профиль опричника, если можно так выразиться, быстро изменился.

Кн. Курбский в ярких красках обрисовывает «пресильный и превеликий полк сатанинский», который царь Иван стал подбирать и связывать особой присягой после опалы на Сильвестра и А. Ф. Адашева. В этот полк вошли родственники царя по жене, соперники и враги павших фаворитов, покладистые «потаковники» порочных наклонностей царя, всегда готовые между делом принять участие в шумных и непристойных, по тогдашним понятиям, пирушках царя, и разношерстная толпа честолюбцев и корыстолюбцев, жадных до царских милостей.

Возможно, что в новом окружении царя были люди «испытанной правственности», как выражался С. М. Соловьев, принципиальные и бескорыстные сторонники нового курса внутренней и внешней политики, но, к сожалению, в источниках мы не имеем на это указаний, а от Курбского, конечно, нельзя ожидать всестороннего и беспристрастного описания «сатанинского полка».

Нет сомнения, что еще перед учреждением опричнины царь окружил себя довольно значительной группой доверенных людей, с которыми обдумывал и обсуждал план действий. Однако количество этих лиц было невелико и мало возросло в годы опричнины. Из тысячи «голов», составлявших Опричный двор, не менее десяти десятых составляли городовые дети боярские, а дворян в собственном смысле слова, т. е. правящей верхушки «Особого» двора, было не более ста человек.

Набор этой тысячи «голов» производился очень тщательно. О тех, кто не был известен царю и не имел хороших рекомендаций, производился всесторонний сыск — кому и как кто служил, кому служили его предки, с кем состоит в родстве по матери или по

жене, кто «к кому прихож» и с кем водит дружбу и знакомство. В опричнину принимали только тех, кто, как выражаются иностранцы, сами побывавшие в опричнине, не вызывал у царя никаких подозрений. В это время никто из испытуемых, как принятых в опричнину, так и забракованных, не мог еще предвидеть событий, которые развернулись в ближайшие за тем годы.

А эти события после учреждения опричнины стали разворачиваться с большой быстротой. Уже февральские казни 1565 г. виднейших бояр и вельмож, конфискации имущества и ссылка большого количества дворян и городских детей боярских в отдаленные города должны были произвести сильное впечатление на очень широкие круги служилых землевладельцев. За этим последовали выселения многих и многих сотен людей из их поместий и вотчин в уездах, взятых в опричнину. А эти выселения, даже если вначале они производились, как говорят Таубе и Крузе, «терпимо», с соблюдением «некоторых приличий», были равносильны разрушению налаженных хозяйств, а иногда полному разорению.

В 1566 г. царь Иван выменял у кн. Владимира Андреевича удел старичьих князей и «перебрал» в нем «людишек». Еще несколько сотен ни в чем не повинных людей подверглось выселению и разорению. Когда же в ближайшие за тем три года царь взял в опричнину такие большие уезды, как Костромской, Переяславский, Дмитровский и др., то количество выселенцев стало исчисляться многими тысячами и захватило весьма значительную часть всего класса служилых землевладельцев. С точки зрения социальной психологии не менее важным было то, что никто не знал и не мог предвидеть, на чем остановится это великое переселение и не дойдет ли завтра очередь до него самого.

Естественным следствием быстрого роста опричного двора было то, что не было никакой возможности производить новые наборы с первоначальной тщательностью. Да едва ли главари опричнины кн. Афанасий Вяземский и Григорий Лукьянович Малюта Скуратов прилагали к тому усилия. Дело в том, что борьба разгоралась и принимала все более и более острые формы. Глухое негодование перешло иногда в открытое сопротивление, учащались побегии за границу и всякие «измены», создавалась почва для заговоров. Царю Ивану приходилось усиливать репрессии, употреблять все новые и новые средства террора и закрывать глаза на эксцессы исполнителей своих мероприятий.

С другой стороны, для служилого человека при опричнине появились новые стимулы добиваться зачисления в «особый» двор царя. До опричнины и в начале ее стимулами были честолюбие, соображения карьеры и корыстолюбие. К этим стимулам позже присоединилось гораздо более распространенное свойство человеческой природы — инстинкт самосохранения, а в обстановке террора — животный страх за жизнь, семью и имущество. Чтобы не стать наковальней, всякий стремился занять позицию молота;

чтобы не быть раздавленным событиями, каждый спешил присоединиться к тем, кто имел возможность давить. Таким образом, личный состав опричнины обогатился новым элементом — людьми, которые из страха за свою шкуру готовы были исполнять любое приказание и не уступали в своем служебном рвении отъявленным негодьям. В источниках есть много указаний на то, что с течением времени в опричнине дисциплина падала, и опричник стал вырождаться в простого разбойника.

Нет надобности приводить преувеличенные, во многом прямо фантастические свидетельства иностранных писателей, они слишком хорошо известны. Но у современников есть одно сообщение, над которым стоит остановиться и задуматься. Они рассказывают, что беззащитность от опричников всех земских и их имущества, беспорядок в судах и администрации, своевольство и насилия опричников достигли такой степени, что население утратило способность отличать царского опричника от простого разбойника. В стране появились шайки самозванцев, выдававших себя за опричников. Земские не решались оказывать им сопротивление и покорно подставляли свои спины из опасения оказаться бунтовщиками и подвергнуться еще худшим бедствиям.

Так опричный террор по диалектике своей природы изжил сам себя. У современников складывалось представление, будто царь «заповедал», т. е. приказал, опричникам грабить и убивать всех земских, отдал земщину «на поток и разграбление» опричнине. Дьяк Иван Тимофеев писал, что царь от «зельной ярости» возненавидел «грады земли своей все» и «всю землю державы своей, яко секирою, наполю некако рассече»¹. А составитель Хронографа объяснял опричнину тем, что царь, возлюбя междоусобную крамолу, «поустил», т. е. натравил, одну часть населения в каждом городе на другую. Напрасно С. Ф. Платонов отвергал с пренебрежением эти высказывания современников как наивные пересуды и болтовню обывателей, неспособных понять глубокие замыслы царя и государственный смысл опричнины. И дьяк Иван Тимофеев, и автор Хронографа, и другие современники если ошибались, то не в характеристике явлений и не в их житейской оценке, а в том, что считали вырождение опричнины в гражданскую войну преднамеренными действиями царя, тогда как вырождение опричника в разбойника и всей опричнины в кошмарный погром было естественным и неизбежным следствием той наклонной плоскости беззакония и террора, на которую стал царь Иван и по которой неудержимо покатился, сам того не желая и не предвидя!

До сих пор речь была о рядовых опричниках, покорных и «проворных», по выражению Шлихтинга, исполнителях царских приказаний. Но то же разложение Опричного двора, хотя и в других

¹ РИБ, т. XIII, стр. 271.

формах, мы можем наблюдать в немногочисленной правящей верхушке опричнины.

За первые пять лет существования опричнины еще неизвестно ни одного случая царской опалы на кого-либо из видных опричников. Переломным моментом, по-видимому, следует считать 1569 г. или, точнее, конец этого года, когда у царя созревало решение разгромить Новгород, чтобы предупредить отпадение новгородцев на сторону Польско-Литовского государства. Возможно, что разногласия в среде руководителей опричнины начались еще во время процесса казначея Никиты Фуникова Курцева, думного посольского дьяка Ивана Висковатого и множества других видных представителей московского центрального приказного аппарата.

✓ Во всяком случае можно считать несомненным, что реальность новгородской измены и целесообразность похода на Новгород вызвали в правящих верхах Опричного двора раскол. Малюта Скуратов в погроме Новгорода отличился исключительной жестокостью. В погроме принимал участие ряд других видных опричников: кн. П. Борятинский, К. Д. Поливанов и др. Но одновременно такие столпы опричнины, как боярин Алексей Данилович Басманов, кн. А. Вяземский, [Иван Яковлевич Чеботов, были казнены или сошли со сцены].

Карамзин ставил отмену опричнины [в связи] с августовской победой 1572 г. над крымцами, не выражаясь, впрочем, определенно, и полагал, что это было для подданных [царя Ивана] «внезапной радостью». Сухотин сделал попытку дать более развитое объяснение. По его мнению, перелом во взгляде царя Ивана на опричнину начался в 1570 г., когда некоторые крупные опричники оказались замешанными в новгородское «изменное» дело, а затем майский набег крымского хана, когда опричная армия «не оправдала надежд царя», привел Ивана к решению отменить деление армии на опричные полки и земские. О возможной связи отмены опричнины с победой 1572 г. Сухотин говорит в тех же выражениях, что и Карамзин.

При более внимательном рассмотрении событий, предшествовавших отмене опричнины, возникает ряд вопросов и сомнений. Весьма возможно, что утрата доверия к опричникам играла некоторую роль, но дело было не в лицах, лишившихся доверия царя, а в учреждении или, точнее, в некоторых специфических опричных приемах управления.

Напомним некоторые факты. Весной 1571 г. Иван во главе большой армии опричных полков вышел в Серпухов навстречу ожидавшемуся нападению хана. При вести о приближении татар Иван отступил, обошел Москву, через Бронницы прошел в Александрову слободу, а затем в Ростов и Ярославль. С. М. Соловьев с невинным видом рассказывает об этом и прибавляет, что так же поступали в подобных случаях Дмитрий Донской и Василий Дмитриевич. Это сравнение Ивана с Дмитрием Донским рассказывается

так просто, что читатель не замечает тенденциозности историка. Донской был застигнут внезапным нашествием Тохтамыша врасплох и бросился на север не для того, чтобы спасти свою жизнь, а для того, чтобы собрать возможно скорее силы для борьбы. Его поведение на Куликовом поле говорит о том, что к нему были совершенно неприменимы эпитеты «хороняка и бегун», которыми Курбский награждал царя Ивана. Иван уклонился от встречи с ханом и ушел в Ярославль от армии своих опричников, а не собирать силы.

События следующего года освещают это бегство царя на север. После набега 1571 г. крымский хан потребовал уступки Астрахани и Казани и грозил новым карательным набегом. Царь Иван делал со своей стороны приготовления. На западном фронте были незначительные военные действия. Польский король был при смерти и доживал свои последние дни. Царь во главе большого войска выступил в Новгород против шведов, но шведы прислали послов, повели переговоры, и предположенное наступление было отложено. Тем не менее Иван на рождество 1571 г. приехал в Новгород, чтобы приготовить себе убежище на случай прихода крымского хана. Новгородский летописец рассказывает, что в Новгород были стянуты стрельцы из многих городов, которые стерегли государеву казну, сменяясь по 500 чел. в ночь. 9 и 10 февраля в Новгород привезли государевой казны на 450 возах. Приблизительное представление о ценности последней дает следующий расчет. Считая по обычной норме 20 пудов на подводу, [можно предположить, что] казна весила 9 тыс. пудов. В это время из фунта серебра чеканили по 3 руб. Таким образом, привезенную в феврале казну, не считая той, которая была привезена раньше, можно оценить минимально в 10 млн. руб.

На этот раз царь Иван пробыл в Новгороде недолго и 17 января поехал в Москву. [В начале мая царь] справил свадьбу с [Анной Колтовской]. 1 июня царь Иван с новой женой приехал вторично в Новгород и стал выжидать. Первые вести о наступлении хана с огромными силами были привезены в Новгород 31 июля, а 6 августа приехали сеунщики кн. Д. Ногтев и А. Давыдов с вестью о победе. 9 августа привезли взятого в плен Дивел-мурзу. По случаю победы в Новгороде служили в церквах и в монастырях молебны, звонили весь день и всю ночь в колокола, и государь на радости «воевод жаловал добре»². 17 августа царский поезд двинулся в Москву, а 30 августа «государьские лубы из Новагорода повезли к Москве»³. Так говорит летописец. Очевидно, речь шла о казне, упакованной, как это обыкновенно делали, в лубяные коробы. Летописец не говорит, что царь перед отъездом оставил опричнину. Он сообщает только, что царь «оставил в Новигороди управу

² Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 119.

³ Там же, стр. 121.

считать людям без себе князя Семена Даниловича Проньского да дьяка своего Постника Суворова, да Василья Щербину»⁴.

Указания источников на то, что опричнина была «отставлена», настолько ясны и определены, что следует только уточнить, когда это произошло и в чем выразилась отмена опричнины.

Л. М. Сухотин на основании известных ему источников, и в частности записок Штадена, пришел к таким заключениям. Доверие и благоволение царя к опричнине поколебалось со второй половины 1570 г. в связи с известным новгородским делом, в котором оказались замешанными некоторые главные опричники. После сожжения Москвы татарами в мае 1571 г., когда опричная армия не оправдала надежд царя и вызвала его гнев, прекратилось деление армии на опричную и земскую и, таким образом, был сделан «первый и важный шаг к примирению между земщиной и опричниной». «После победы над крымцами в начале августа 1572 г. опричнина была уничтожена вовсе с запрещением поминать ее ненавистное для земщины имя, и правительство приступило к возврату тех поместий и вотчин, которые отбирали у земских людей при взятии целых уездов в опричнину»⁵. Мнение о том, что опричнина после 1572 г. продолжала существовать под именем «двора», Сухотин совершенно правильно признает неосновательным.

В заключение Сухотин осторожно и скромно высказывает мнение, «что введение опричнины в определенную рамку (1565—1572) поможет определить истинную сущность ее»⁶. Мне кажется, что можно было бы выразиться увереннее и сильнее: факт уничтожения опричнины без подмены ее «двором» настолько важен, что при правильном понимании его упраздняет большинство несложных и «остроумных» концепций, созданных различными авторами.

Предположение Л. М. Сухотина о том, что отмена опричнины произошла по частям, представляется правдоподобным, но к этому вопросу я вернусь позже, а пока буду говорить о более существенных предметах.

Для понимания опричнины вообще, и в частности ее отмены, необходимо выяснить ее отношение к так называемому Государеву двору.

Для нашей темы нет надобности говорить о многовековой истории двора московских государей. Достаточно будет охарактеризовать [его] в кратких чертах.

Казалось бы, что для понимания опричнины было очень важно знать, сколько лет она просуществовала, была ли она отменена и если была, то когда и кем, а если царь Иван не отменил ее, то куда она делась как учреждение после смерти Ивана. Историки,

⁴ Там же.

⁵ Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса о опричнине. Белград, 1934, стр. 21.

⁶ Там же.

занятые широкими обобщениями и увлеченные своими домыслами, относились к этим вопросам с удивительным пренебрежением.

Н. М. Карамзин знал и говорил определенно, ссылаясь на Флетчера, что опричнина просуществовала семь лет и что в разрядах она упоминается в последний раз в 1572 г. После августовской победы над крымцами царь вернулся из Новгорода в Москву и «к внезапной радости подданных вдруг уничтожил ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лет терзала внутренность государства. По крайней мере, исчезло сие страшное имя с его гнусным символом, сие безумное разделение областей, городов, двора, приказов, воинства»⁷.

Последней фразой Карамзин хотел сказать, что с отменой опричнины прекратилось «безумное разделение» государства, но это не значит, что прекратились опалы и казни.

Редактор *Актов Археографической экспедиции*, не опровергая мнения Карамзина, указывал на разряды 1578 г., в которых упоминаются земские и дворовые города, и сделал вывод, что опричнина была переименована в двор и по существу не была отменена⁸. Этому домыслу посчастливилось. Он был принят С. М. Соловьевым, С. М. Середониным (Середонин внес свою «поправку»: по его мнению, опричнина была отменена не в 1572 г., после семи лет существования, а в 1576 г., когда царь Иван сместил Симеона Бекбулатовича⁹), С. Ф. Платоновым и позже Р. Ю. Виппером. Платонов, несмотря на работу и акты, изданные в 1911 г. Сухотиным¹⁰, на материалы, изданные Самоквасовым¹¹, продолжал упорствовать в своих ошибках и в последней своей работе «Иван Грозный» пошел даже дальше: «Первоначальное ведомство нового „особного двора“, образованное в 1565 г., непрерывно росло до самого конца царствования Грозного»¹².

Что произошло, когда опричнина была отставлена? Прежде всего прекратил свое существование опричный, т. е. особый, двор, а вместе с тем прекратился набор новых опричников, прекратились выселения людей из поместий и вотчин. Представление, будто опричнина продолжала существовать под новой «вывеской» Государева двора, основано на недоразумении и незнании структуры служилого класса, в частности Государева двора, существовавшего с незапамятных времен. Когда была учреждена опричнина, получилось два двора — двор старого состава, который, в отличие от

⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского. т. IX. СПб., 1892, стр. 131.

⁸ ААЭ, т. I, примечания, стр. 9, № 63.

⁹ С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891, стр. 81.

¹⁰ Л. М. Сухотин. К вопросу об опричнине.— ЖМНП, СПб., 1911, № 11; его же. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. М., 1911.

¹¹ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II. М., 1909.

¹² С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пг., 1923, стр. 122.

опричного, назывался земским, т. е. общегосударственным, и Опричный двор. При отмене опричнины это разделение прекратилось, употребление самого слова «опричина», как говорят иностранные писатели, было запрещено, и все дворяне, как бывшие опричники, так и бывшие земские, составили по-прежнему один двор.

Историков ввело в заблуждение то, что после отмены опричнины в разрядах и других официальных актах продолжали некоторое время упоминаться дворовые воеводы, дворовые приказы, дворовые города и чины. Например, в 1582 г. в приеме Антония Поссевица принимали участие земские и дворовые стольники, стряпчие и жильцы. Это объясняется просто и совсем не так, как полагали С. Ф. Платонов и его последователи.

Дело в том, что после учреждения опричнины старый двор продолжал существовать, одни лица умерли, другие были казнены или убиты в походах, много лиц было пожаловано вновь и т. д. То же самое происходило и в Опричном дворе. За семь лет его существования в нем образовалась своя лестница лиц по чинам и по времени пожалования в тот или иной чин. Кто занимался этими «боярскими» или «дворовыми» списками, тому хорошо известно, с какой точностью и педантизмом подъячие вели эти списки, вычеркивая из года в год выбывавших и приписывая в конце каждого раздела списка новые лица в порядке их пожалования в тот или иной чин. Все лица записывались в списках в строгом порядке их служебного старшинства, а не по родовитости или каким-либо другим признакам. Это имело не только канцелярское, но и большое практическое служебное значение. Понятно, что при таких условиях соединение двух лестниц, просуществовавших раздельно семь лет, представляло большие служебно-канцелярские трудности. Между тем государство и приказный аппарат переживали бурные времена, и не до того было, чтобы заниматься этим сложным делом, которое затрагивало весьма существенные интересы трех-четырёх тысяч дворян. Дело было отложено, и полное слияние обоих списков было произведено много позже, кажется, в начале царствования Федора Ивановича.

В подтверждение высказанных замечаний напомним аналогичные факты, имевшие место в истории не раз.

После ликвидации в 1485 г. независимости Твери московское правительство произвело разбор служилых людей бежавшего в Литву тверского князя и приняло их на свою службу. С городскими детьми боярскими дело было просто — они образовали поездные организации, которые стали служить новому правительству так же, как служили тверским князьям. С людьми в дворовых чинах дело было сложнее. Слияние их сразу в один список со старыми московскими слугами без обиды для старых и новых слуг было очень трудным и щекотливым делом. Поэтому тверичи, перешедшие на московскую службу до падения Твери, были приняты

и зачислены в московские чины и в московский список, а все прочие тверичи в дворовых чинах стали служить по «тверскому» списку, и так продолжалось лет 15, пока список не растаял сам собой вследствие вымирания занесенных в него людей.

То же произошло с дворянами кн. Юрия Ивановича, умершего в тюрьме в 1534 г. Когда часть их в 1550 г. в числе лучших дворовых слуг получила поместья под Москвой, то они были записаны в Тысячной книге особой категорией — как «дети боярские кн. Юрия Ивановича».

Имея в виду эти наблюдения и факты, можно сказать, что царь Иван, забирая в опричнину один город за другим и увеличивая, таким образом, свой двор, внес большую путаницу в служебные отношения старого и нового дворов, и поэтому немедленное их слияние в один список и расположение всех людей по одной лестнице представляло большую служебно-техническую сложность. Это дело было отложено, и правильнее [было бы] сказать, что от опричнины осталась одна вывеска. Нельзя сказать, что Государев двор, который упоминается в источниках после отмены опричнины, стал опричниной под другой вывеской.

Если бы Иван, создавая опричнину, проводил какие-либо государственные начала и внес принципиальные структурные изменения в организацию служилого класса, то такая смена «вывесок» была бы невозможна. Но дело как раз в том, что опричнина не преследовала [государственных целей] и не внесла никаких существенных изменений в организацию двора, а временно разделила его на две враждующие или соперничающие части и оставила после себя только путаницу и скверные воспоминания.]

То же произошло и в приказном строе центрального управления. Образованные в опричнине особые приказы ничем не отличались от старых земских приказов, и если некоторые из них просуществовали еще некоторое время под названием дворовых приказов, то это объясняется опять-таки приказно-техническими затруднениями, которые возникали и много позже всегда, когда правительство соединяло и разъединяло приказы. Каждый приказ со своим штатом подьячих, со своей сложной доморощенной бухгалтерией, с архивами, в которых подьячие находили дела по памяти, был как бы живым организмом. Напомню еще одну очень важную черту финансового хозяйства Московского государства. В нем большая часть доходов носила целевой характер и была закреплена за известными расходами. Когда после отмены кормлений были образованы четверти, то к каждой четверти в соответствии с ее доходами было прикреплено раз навсегда определенное количество служилых людей. Если четвертчик выслуживался, то правительство никогда не повышало оклада его жалованья, если не было средств из так называемых «убылых» окладов, т. е. [окладов людей], умерших или выключенных. Такой порядок давал правительству возможность обходиться без смет и без сметных

предположений, но ясно, что при таких условиях вопрос о слиянии дворовых приказов был теснейшим образом связан с вопросом о слиянии опричных людей с земскими и был сопряжен с теми же ведомственными и приказно-техническими затруднениями.

Вопрос о том, что стало с Опричным двором после его отставки, как и когда он был слит со старым Государевым двором, представляется второстепенным и неважным по сравнению с другим вопросом — о возврате вотчин лицам, выселенным из уездов, которые в свое время были взяты в опричину. По этому вопросу новые источники дают возможность высказать следующие положения. Во-первых, возврат вотчин, а может быть, и поместий, был не личной милостью, оказанной тем или иным лицам, а общей мерой. Само собой разумеется, что права на возврат не имели те лица, которые во время опричнины уже получили эквивалент своих вотчин, отобранных в опричину. Вероятно, возврат был невозможен, если опричник, получивший вотчину в поместье, не бросил ее, а продолжал владеть. Такие случаи, по-видимому, были редки, так как опричники заустошали данные им земли, «не проча себе и детям», т. е. будучи неуверены в прочности своего положения, а после отмены опричнины бросали [их].

По заведенным приказным порядкам, возврат должен был быть оформлен соответствующими записями в Поместном приказе в записных вотчинных книгах и в Разряде в поуездных десятных списках служилых людей, но военные события и общее разорение населения сделали возврат выселенцев на старые места стихийным и сильно замедлили его.

Чтобы вернуться в свое разоренное гнездо, нужны были время и средства. При общем оскудении часто не было средств, чтобы восстановить хозяйство, и этим объясняется большое количество вкладов вотчин в монастыри. При взятии в опричину Переяславского уезда из него были выселены в числе других старинные вотчинники Таратины. В 1574/75 (7083) г. они дали свою вотчину в Кинельском стану, пустое сельцо Селивано, Махрицскому монастырю и писали в данной грамоте: «Старая наша вотчина, отца нашего благословение, что нас государь царь пожаловал, велел нам тое вотчину отдати в 80-м году»^{13*}.

[1945]

¹³ Архив Троице-Сергиевой лавры, кн. 531, л. 809.

ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ ОПРИЧНИКОВ

Алферьев Нащекин Роман Васильевич. Нащекины — старый род дворян московских князей. Филипп Григорьевич в 1445 г. был дворецким кн. Михаила Андреевича Верейского. Его внук Василий Алферьевич в 1533 г. был посланником в Польшу. При царе Иване в дворянах служило десятка полтора Нащекиных.

Роман Васильевич Алферьев был, несомненно, выдающимся человеком. В 1558 г. в первом ливонском походе он был приставом у казанских татар, в 1560 г. принимал участие во взятии Феллина и после занятия его был оставлен там с братьями Адашевыми, в 1562 г. был воеводой в Невле. Принятый в опричнину, Роман Васильевич в 1553 г. служил воеводой в полках на южной украине. В 1570 г. был послан ставить город на Кольванской дороге. После казни И. М. Висковатого летом 1570 г. Роман Васильевич был назначен на его место печатником¹. После отставки опричнины он продолжал служить в воеводах и на дипломатическом поприще, например в 1584 г. принимал участие в приеме английского посольства. В 1590 г. Роман Васильевич подвергся опале и был сослан на службу в Астрахань, где и умер в том же году.

Арцыбашев Булат Дмитриевич. Булат Арцыбашев упоминается как начальник отряда стрельцов, который в 1570 г. оскорбил польского посла. В наказе послам, отправленным позже в Польшу, было велено объяснить поведение Булата недоразумением, за которое будто бы царь «на Булата словесную опалу великую наложил»². Булат упоминается в 1571 г. в свадебном чине царя³.

Казнен и записан в Синодике опальных. Штаден сообщает, что «маршалк Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя

¹ Сибирский сборник. М., 1844, стр. 22, 26, 31.

² Сб. РИО, т. 71, стр. 786.

³ ДРВ, ч. XIII, стр. 89.

и был убит, а сестра его изнасилована»⁴. Очень вероятно, что это — Булат Арцыбашев.

По росписи Арцыбашевых, поданной в Разряд в конце XVII в., они происходили от немчина Петра Каспарова, выехавшего в Москву при вел. кн. Василии Ивановиче. В писцовых книгах Бежецкой пятины 1551 г. записаны на поместьях Григорий Петров с сыновьями Василием Невзором, Матвеем Торопом и Китеем, а в книгах 1545 г. — Афанасий Давидов. Василий Невзор и Матвей Торопец Григорьевичи в 1550 г., как «выбор из городов», получили поместья под Москвой. Родственные отношения этих Арцыбашевых и Булата не выяснены.

Безопишев Угрим Васильевич. Безопишевы — заурядные помещики Коломенского уезда. Угрим Васильевич в 1566 г. был в числе поручителей по З. И. Плещееву⁵. В 1571 г. с К. Д. Поливановым он был прислан из опричнины в Новгород править штрафные деньги на монастырях (см. Поливанов). В писцовых книгах 1578 г. Коломенского уезда упоминается бывшее поместье Угрима⁶.

Ни сам Угрим, ни его родичи никакой карьеры не сделали. В десятне 1577 г. по Коломне записаны Иван и Семен Истомины Безопишевы. Иван Тимофеев, новик по Коломне в 1628 г., позже был сотником московских стрельцов. Его брат Федор Тимофеев в 1648 г. служил как «выбор» по Коломне и таким образом дослужился до дворянского списка.

Бельские: Григорий Лукьянович Малюта Скуратов, Богдан-Андрей Яковлевич, Верига Третьяков и Григорий Невежин. Единственным родом, про который с некоторыми оговорками можно сказать, что он сделал карьеру в опричнине, были Бельские. Ввиду того, что их фамильное прозвище — Бельские — не раз подавало повод к недоразумениям, необходимо дать некоторые генеалогические справки.

Говоря об опричниках Бельских, В. О. Ключевский, а вслед за ним и С. Ф. Платонов допускали промахи, которые повторяются последующими историками. Ключевский отождествлял Малюту Скуратова с Григорием Яковлевичем Бельским Плещеевым, а Платонов писал, что Богдан Яковлевич Бельский происходил из «второстепенного (? — [С. В.]) служилого рода Плещеевых»⁷.

В действительности Малюта Скуратов по отцу был Лукьяновичем, и вообще опричники Бельские не имели ничего общего с первостепенным боярским родом Плещеевых. Поводом к недоразумению было то, что в указателе к X тому «Временника Общества

⁴ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, стр. 97.

⁵ СГГ и Д, т. I, стр. 560.

⁶ Писцовые книги Московского государства, т. I, пол. I, СПб., 1872, стр. 339.

⁷ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 221.

истории [и древностей российских]» Ключевский нашел в родословцах одно лицо в роде Плещеевых, которое носило личное прозвище Бельский. В действительности сыновья и потомки Якова Ивановича, прозванного Бельским, вероятно, по вотчине, всегда носили фамилию Плещеевы (см., например, Семен Яковль Плещеев в 1498 г. на поместье в Новгороде⁸). Внуки Якова Бельского — Дмитрий, Никита, Роман и Григорий Григорьевичи — в Тысячной книге 1550 г. записаны как Плещеевы.

Чтобы устранить всякие недоразумения, следует еще сказать, что были две княжеские фамилии Бельских, не имевшие ничего общего между собой и с опричниками Бельскими. При царе Иване одним из самых знатных и богатых вельмож был боярин кн. И. Д. Бельский, потомок великих князей литовских. Во время пожара Москвы в мае 1571 г. он задохнулся со всей своей семьей в погребе, и его удел, как выморочный, был присоединен к государству.

Ничего общего с князьями Бельскими Гедиминовичами не имела отрасль захудалых ярославских князей Морткиных Бельских. Родословцы сообщают, что Иван Михайлович Морткин бежал в Литву и по возвращении на родину стал именоваться Бельским. Фамилия князей Морткиных Бельских вымерла в начале XVIII в.

После этого вынужденного отступления вернемся к опричникам Бельским. Первым известным нам лицом этой фамилии был Афанасий Евстафьевич, который упоминается в 1473 г. как послух у духовной грамоты С. Лазарева в Звенигороде⁹. Его сын Лукьян Афанасьевич, по прозвищу Скурат, в начале XVI в. владел вотчиной в Звенигороде на границе Сурожского стана Московского уезда¹⁰.

У Лукьяна Скуратова известны три сына: Яков, Григорий Малюта и Неждан. К сожалению, о службе их до опричницы пока ничего не известно. Мы не знаем даже, служили ли они в дворянах или в городских детях боярских по Звенигороду. Первым в Опричном дворе появляется Григорий Малюта Скуратов и прокладывает дорогу своим родичам.

На службе в опричнине Малюта Скуратов играл роль главным образом палача и исполнителя самых дурных поручений царя. В пародии монастырского обихода Александровой слободы Малюта играл роль келаря. В монастырях келарь был заведующим хозяйством и первым, после игумена, в соборе старцев, управлявшем монастырем. В синодике Свяжского Троицкого монастыря есть указание, что безобразный погром вотчин и убийство слуг и крестьян боярина И. П. Федорова производили в коломенских селах Григорий Ловчиков, а в Губине углу (в Калуге) — Малюта Скуратов (в 1567 г.). В Синодике опальных записано, что в Нов-

⁸ Новгородские писцовые книги, т. V, СПб., 1905, стр. 68.

⁹ АЮ, т. I, № 411, стр. 438.

¹⁰ СГГид, т. I, стр. 366.

городе Малюта «отделал» православных христиан 1490 чел. да 15 чел. убил из пицалей. Это были безымянные жертвы служебного усердия Малюты. Сверх того, он принимал участие в других казнях. Наконец, по свидетельству современников, в активе Малюты числится убийство в Отроче монастыре сосланного туда митрополита Филиппа.

На ратном поприще Малюта не подвизался, не бывал даже в начале карьеры в рындах, т. е. в оруженосцах. Поэтому его смерть 1 января 1573 г. на приступе к Пайде заслуживает внимания. Известно, что царь Иван, разочаровавшийся в своих опричниках, в конце опричнины и непосредственно после ее отмены без пощады стал их уничтожать. Само собой разумеется, что М. Скуратов это знал. Ивану не было надобности прибегать к прямым угрозам, чтобы Малюта понял, что ему ничего не остается, как пойти на верную смерть в рискованном деле, тогда как у него не было ни знаний ратного дела, ни соответствующей опытности. Поэтому смерть Малюты под Пайдой можно сравнить с судьбой Васюка Грязного, посланного в том же 1573 г. на опасную разведку донецкой степи без всякой соответствующей подготовки и понавшего в плен к татарам.

У Малюты Скуратова был один сын — Максим Горяин, умерший в молодости при жизни родителей, и три дочери. Браки дочерей Малюты, — быть может, самая интересная черта его биографии. Одна дочь, Анна, вышла замуж за двоюродного брата царя Ивана, кн. Ивана Михайловича Глинского; вторая, Марья, вышла замуж за Бориса Федоровича Годунова; а третья, Христина (по некоторым указаниям, Екатерина), — за кн. Дмитрия Ивановича Шуйского, брата царя Василия Шуйского. Следует еще прибавить, что приблизительно в те же годы, когда дочери Малюты выходили замуж, сестра Бориса Годунова Ирина вышла замуж за будущего царя Федора Ивановича. Таким образом, из клубка родственных связей Малюты Скуратова и Бориса Годунова вышли две будущие царицы — Ирина Федоровна Годунова и Марья Григорьевна Малютина и два будущих царя — Борис Годунов и Василий Иванович Шуйский.

Для полноты характеристики наследниц Малюты Скуратова следует прибавить, что современники приписывали Христине Григорьевне Шуйской отравление кн. Михаила Васильевича Скопина Шуйского, ратные подвиги которого вызывал у царя Василия и других Шуйских зависть и опасения.

В конце опричнины, в 1570 и 1572 гг., в опричниках появляются младшие родичи Малюты: его родной племянник Богдан-Андрей Яковлевич, племянник Богдана Григорий Михайлович Невежин Скуратов и Верига Третьяков. В ближайшие годы (на свадьбе царя с Анной Васильчиковой (1575 г.), в походе 1579 г. и на свадьбе царя с Марией Нагой (1581 г.) при дворе царя Ивана появляется еще ряд Бельских, младших родичей Малюты: Верига, Иван и

Булгак Даниловы, Невежа и Верига Яковлевы, Григорий Иванов, Иван и Постник Богдановы, Богдан Сидоров, Григорий и Давид Неждановы. За исключением Богдана Яковлевича, никто из Бельских ни при царе Иване, ни позже карьеры не сделал.

Жизненный путь и физиономия Богдана Яковлевича Бельского достаточно обрисованы Платоновым в «Очерках по истории Смуты». Поэтому я напому главные этапы его карьеры и сделаю небольшие дополнения.

Богдан Яковлевич начал служить в опричнине в последние два года ее существования, т. е. тогда, когда Иван расправлялся со своими недавними любимцами и доверенными лицами. После отмены опричнины Богдан Яковлевич неизменно пользовался доверием царя, в 1578 г. он был назначен оружничим и стал ходить в полковых воеводах. Для дворянина его происхождение это было большой честью. При царе Федоре Богдан Яковлевич за участие в мятежах и придворных интригах был не в чести. После водарения Бориса Годунова он был пожалован в окольные, но это не помешало ему принять видное участие в свержении Бориса с престола, за что самозванец пожаловал его в бояре. Царь Василий удалил Богдана Бельского из Москвы и послал его на воеводство в Казань, где он в 1610 г. был убит. Несомненно, что Богдан Бельский был человеком выдающихся способностей и авантюристом очень большого масштаба.

Есть указания на то, что Б. Я. Бельский использовал свои таланты не только на служебном и политическом поприщах, но и для исключительного обогащения; он завел большой двор слуг и послужильцев и обставил его так богато, как не могли делать родовитые, но небогатые бояре. Во вкладной книге Троицкого монастыря записано несколько значительных вкладов слуг Богдана Бельского: например, в 1576 г. его человек Афанасий Королевин дал по своим родителям 150 руб., в 1577 г. слуга Меньшик Чеботов дал 50 руб., в 1579 г. Внук Иванов дал 50 руб.

Богдан Яковлевич потомства не оставил. В XVII в. наиболее значительные Бельские происходили от его племянников Ивана и Постника Богдановичей: Сергей Иванов был в 1636—1677 гг. дворянином, его сын Михаил в 1678 г. — стряпчим, а Богдан и Иван Постниковы в 1636—1658 гг. — дворянами.

Благово Андрей Петрович Веригин и Степан Фендриков. Благово принадлежали к немногим родам городских детей боярских, которые при царе Иване поднялись в ряды московского дворянства.

В конце XV в. на землях, конфискованных у новгородских бояр, было испомещено несколько Благовых. В Шелонской пятине получили поместья Василий и Иван Даниловичи. Когда царь Иван после погрома Новгорода взял в опричнину половину Новгорода, так называемую Торговую (сторону) и две пятинны — Бежецкую и Обонежскую, то он выселил помещиков из этих пятин в

другие уезды, а одновременно выбрал из всех прочих пятин персонально, быть может, заранее намеченных помещиков и поселил их в Бежецкой пятине и в других уездах. Из Шелонской пятинны он взял Андрея Веригина и Степана Фендрикова¹¹. Весьма возможно, что, кроме указанных лиц, были взяты и другие. Во всяком случае в последний год существования опричнины и непосредственно после ее отставки при дворе Ивана появляется более десятка Благово.

Борис Петрович Веригин в 1573 г. «ставил сторожки» царского стана, в 1574 г. был писцом Владимира, в августе 1584 г. послан в Царьград к турецкому султану, в 1586 г. был головой в походе к Лукам Великим, а в 1589 г. — в Орешке¹². Вотчина Бориса Петровича в Коломне упоминается в 1578 г.¹³

Елизар Иванович (Шемякин) в 1573 г. упоминается на свадьбе Арцымагнуса, в 1580 г. был гонцом к Стефану Баторию. Он имел поместье под Москвой в Горетове стану¹⁴.

Иван Осипович в 1580 г. был в числе гостей на свадьбе царя с Марией Нагой, а в 1581 г. упоминается при приеме Антония Поссевина как дворовый стряпчий. Владел вотчиной под Москвой¹⁵.

Владимир Петрович Веригин упоминается в 1582 г. в дворянском списке. В 1589 г. он был головой в походе на выручку Пскова¹⁶.

У Владимира Веригина известны три сына: Петр, Авраам и Иван. Из них Петрок Владимиров в 1581 г. был в дворовых жильцах при приеме Антония Поссевина, а в 1598 г. упоминается как подрывнда в царском походе¹⁷. Авраам в 1592 г. был головой в «объездах» в Москве¹⁸.

О Степане Фендрикове, принятом в опричнину в 1570 г., известно, что в 1597 г. он был головой в «объездах» в Москве¹⁹.

Кроме перечисленных выше лиц, при царе Иване в дворянском списке 1582 г. упоминаются: Нечай Федоров (правнук Василия Даниловича), Афанасий Иванович и Григорий (Иванович?) Шемякин.

В общем можно сказать, что при царе Иване через службу в опричнине попало в дворяне не менее десятка Благово, и в XVII в. они сохраняли свое положение в низших чинах двора, а изредка бывали в воеводах. Так, Иван Степанович, сын опричника, в 1619 г. был воеводой в Твери, а в 1638—1639 гг. — воеводой на засечной черте. Иван Владимирович бывал в городских воеводах —

¹¹ Новгородские писцовые книги, т. V, стр. 474, 509.

¹² Сибирский сборник, стр. 38, 91, 108.

¹³ Писцовые книги Московского государства, т. I, пол. I, стр. 479.

¹⁴ Там же, стр. 140, 159.

¹⁵ Там же, стр. 137.

¹⁶ Сибирский сборник, стр. 109.

¹⁷ Там же, стр. 134.

¹⁸ Там же, стр. 119.

¹⁹ Там же, стр. 132.

в 1614 г. в Сургуте, в 1616 на Ваге, в 1618 г. на Белой и в 1629 г. на Вязьме. Дмитрий Петрович в 1630 г. был воеводой в Рязани.

Блудов Игнатий Борисович. Блудовы не принадлежали к «родословным» людям, их род не попал даже в частные родословцы. Однако задолго до опричнины они служили в дворянах. В 1550 г. в числе лучших слуг Государева двора получили под Москвой поместья Алексей, Игнатий, Михаил и Федор Борисовичи Блудовы.

Дворяне генеалогического уровня Блудовых получали назначения в полковые воеводы очень редко, но Игнатий Борисович был, по-видимому, выдающимся человеком и рано обратил на себя внимание царя. Карьера его такова. В 1555 г. он был наместником в Почепе, в 1559 г. — вторым воеводой во Мценске, в 1560 г. — воеводой в Карачеве, а в большом полоцком походе 1563 г. он «ездил за государем», т. е. был как бы его адъютантом, что свидетельствует об особой к нему милости царя. В опричнину он был принят с первых дней ее существования и в 1568—1569 гг. был воеводой в опричных полках²⁰. Когда царь уехал в Новгород, то охранять Александрову слободу он оставил кн. Ф. И. Хворостинина и И. Б. Блудова²¹. После отставки опричнины в царском походе 1573 г. Игнатий Борисович «дозирал сторожи» царского стана, т. е. заведовал его охраной. В 1577 г. Игнатий Борисович был воеводой в полоцком походе, а в 1580 г. служил в Смоленске.

Тридцатилетняя служба и милости царя Ивана не дали ничего ни самому Игнатию Борисовичу, ни его роду. В XVII в. Блудовы в массе служили в городских детях боярских и лишь в виде исключения попадали в дворовый список.

Борисовы Никита Васильевич Черного и Григорий Никитич. Род тверских бояр Борисовых Бороздиных в лице нескольких виднейших представителей перешел на службу московских князей незадолго до падения независимости Тверского княжества. Быть может, этим объясняется то, что Борисовы заняли место в среде московского боярства и сохраняли его почти в течение всего XVI в. Перед учреждением опричнины в думных чинах были Василий Михайлович Машуткин, в 1553 г. дворецкий в Новгороде, умерший там от морового поветрия, и Василий Петрович, в 1555—1560 гг. окольныйчий. Следует отметить, что Василий Петрович и брат царя Ивана кн. Юрий были женаты на родных сестрах, дочерях кн. Д. Ф. Палецкого.

Никита Васильевич Черного по своей вотчине в Кашине служил сначала кн. Юрию Ивановичу. После смерти в тюрьме кн. Юрия Никита стал служить в Москве и в 1550 г. в числе лучших дворовых слуг получил поместье под Москвой. Принятый в опричнину, Никита Васильевич в 1566 г. с Д. А. Кикиным был

²⁰ Синбирский сборник, стр. 22—24

²¹ Там же, стр. 34.

послан описывать Казань и Свияжск. В следующем году он был пожалован в окольников. В 1571 г. был воеводой из опричнины в Тарусе, в 1572 г. — в походе в Новгороде, а затем опять в Тарусе²².

В 1571/72 (7080) г. Никита Васильевич дал Макарьеву Калязину монастырю свою старинную вотчину в Кашинском уезде, Вантеево-Хорпаево в Чудском стану (Грамоты Коллегии экономии, № 6775). В 1574 г. он был воеводой в Муроме, а затем в 1575 или 1576 г. казнен при неизвестных обстоятельствах.

Григорий Никитич сначала служил кн. Владимиру Андреевичу. После опалы на кн. Владимира он стал служить царю и в 1563 г. был воеводой в Смоленске. В опричнине он служил в 1566 г. во Мценске. В ближайшие годы о нем ничего не известно, а в 1578 г. он появляется в разрядах как боярин вел. кн. Симеона Бекбулатовича и служит воеводой в Орешке. В 1581 г. он был воеводой в Куконаусе, а в 1591 г. упоминается в Москве, в «объездах» в Кремле²³. Само собой разумеется, что после службы у Симеона на царской службе боярином он не был.

Борятинский, кн. Петр Иванович. Князья Борятинские были захудалой еще в XV в. отраслью сильно размножившегося рода черниговских князей. В XVI в. они служили в большом количестве в дворянах (в Тетради дворовой их записано 16 чел.), но служебное положение их было так невысоко, что только в исключительных случаях они достигали должности осадного воеводы или головы в полках.

В опричнине служил только кн. Петр Иванович. Почему выбор царя пал на него, неизвестно. На службе в опричнине кн. Петр Иванович отличился исключительным рвением и усердием при взыскании контрибуции и налоговых недоимок с горожан и крестьян после погрома Новгорода и Пскова²⁴. Никакой карьеры кн. Петр Иванович в опричнине не сделал, и это подтверждает общее наблюдение, что царь Иван позже не поставил своим опричникам в заслугу участие в этом скверном эпизоде его царствования. Кн. П. И. Борятинский упоминается в дворовом списке 1577 г. и в разрядах²⁵.

Булгаков Денисьев Федор Матвеевич Меньшой. Булгаковы Денисьевы происходили из старого боярского рода Рязанского княжества. Братья Федор, Назарий и Денисий Юрьевичи во второй половине XV в. были в боярах у вел. кн. Василия Ивановича Рязанского²⁶. Сыновья Денисия Матвей Булгак, Федор и

²² Сибирский сборник, стр. 28, 31, 35.

²³ Сибирский сборник, стр. 65, 76, 119.

²⁴ Д. Я. Самоковасов. Архивный материал, т. II, М., 1909, стр. 306.

²⁵ АМГ, т. I, стр. 42; Сибирский сборник, стр. 23, 27, 41, 53, 61, 95, 108, 113, 119, 136.

²⁶ А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, ч. I, М., 1898, стр. 15.

Петр служили в боярах последних рязанских князей, а после 1521 г. стали служить в Москве на уровне полковых воевод.

У Матвея Булгака было шесть сыновей: Иван Большой, Федор Большой, Михаил, Иван Меньшой, Федор Меньшой и Юрий. Все они служили в дворянах и в 1550 г. все, за исключением Федора Большого, получили поместья под Москвой. Курбский в рассказе о казни группы рязанцев называет «ротмистра нарочитова в мужестве Феодора Булгакова со братьями их и со другими многими единоплемянными»²⁷. Кто именно был казнен и когда, остается неизвестным. Из родословцев известно, что четыре старшие сына Матвея Булгака не оставили потомства. По-видимому, они и были казнены «всеродне», как выражался в таких случаях Курбский. Юрий Матвеевич уцелел, в 1578 г. он был взят в плен в Полоцке, затем был выкуплен и в 1585—1591 гг. упоминается в разрядах на службе.

Федор Матвеевич Меньшой в 1558 г. был воеводой в Михайлове, а в 1559—1560 гг. — головой в полках. Принятый в опричнину, он участвовал на Земском соборе 1566 г. в дворянах первой статьи. В 1570 г. Федор Матвеевич был в Дмитрове сторожким из опричнины, а в 1573 г. в походе с царем «дозирал дворяки» царского стана, что свидетельствует о доверии к нему царя.

О близости к царю уцелевших Булгаковых говорит то, что на свадьбе Ивана с Анной Васильчиковой (1575 г.) в числе гостей были: сам Федор Матвеевич с женой Ириной и сыновьями Дмитрием и Петром, вдова казненного брата Михаила Ирина (урожденная Годунова) и племянник Иван Юрьевич.

Бутурлин Дмитрий Андреевич с сыновьями Романом и Леонтием. Бутурлины были второй линией боярского рода Ратши. Представителем старшей линии при царе Иване был знаменитый боярин И. П. Федоров, а из младших линий происходили И. Я. Чеботов, Иван Иванович Чулков, Жулебины и вымершие в середине века Челяднины. Перед учреждением опричнины было в наличии до сорока Бутурлиных. Самой значительной в служебном отношении была младшая линия Бутурлиных — потомки боярина Никиты Ивановича. Его старшие сыновья, Федор и Иван, были в боярах, а младший, Андрей, — в окольных чинах (умер в 1535 г.).

После смерти в 1538 г. боярина Ивана Никитича в думе долгое время не было ни одного Бутурлина. Только в 1563 г. в окольных чинах были пожалованы сыновья [Андрея Никитича] Афанасий и Иван Андреевичи. В 1566—1567 (7075) г., вероятно после учреждения опричнины, Иван Андреевич был пожалован в бояре. В следующем году был пожалован в окольных чин третий брат, Дмитрий Андреевич, и тогда же с сыновьями Романом и Леонтием принят в опричнину.

²⁷ РИБ, т. XXXI, стр. 305.

В опричнине был казнен Василий Андреевич (после апреля 1566 г.²⁸). Дмитрий Андреевич с сыном Леонтием и боярин Иван Андреевич с сыном Федором были казнены в 1575 г.

Бухарин Наумов Иван Иванович Ищук. Бухарины были отраслью старого коломенского рода Наумовых, представители которого в XV—XVII вв. в большом количестве служили в дворянах. Тимофей Григорьевич Бухара Наумов в 1495 г. был жильцом в походе к Новгороду. В 1504 г. он размежевывал Кашинский, Углический и Ростовский уделы²⁹. Его внук Иван Иванович Ищук был выдающимся человеком.

Продолжительная карьера И. И. Ищука такова. В 1540—1550 гг. он был дьяком в Новгороде, в 1554 г. с боярином В. М. Юрьевым — в посольстве в Польшу, в 1556—1559 гг. — с царем в походах как дьяк и голова в полках, в 1561—1562 гг. — дьяк в Свяжске, в 1562—1566 гг. в том же чине принимал участие в приемах иностранных послов. Пришлый в Опричный двор с самого начала опричнины, Иван Ищук в 1569 г. был воеводой в опричных полках. Для дьяка, хотя бы из дворянской фамилии, это было исключительным назначением³⁰.

Замешанный в «изменное дело» новгородского владыки Пимена, И. М. Висковатого и других представителей высшего московского приказного аппарата, И. И. Ищук был казнен летом 1570 г. с женой и пятью другими представителями фамилии Бухариных³¹.

Воронцов Иван Федорович. Вельяминовы принадлежали к древнейшим боярским родам московских князей. Воронцовы Вельяминовы с середины XIV в. всегда бывали в боярах. При царе Иване Воронцовы в борьбе с другими боярскими родами терпят поражение, со смертью в 1579 г. под Кесью окольного Василия Федоровича род Воронцовых пресекается.

В 1546 г. юный Иван по клевете дьяка Василия Гнильева, который в это время у него был в приближении, казнил бояр Федора Диомида Семеновича [Воронцова] и его старшего племянника Василия Михайловича. В 1561 г. умер бездетным же боярин Юрий Михайлович, брат казненного Василия, а в год учреждения опричнины умер боярин Иван Михайлович [Воронцов]. После этого из всей фамилии Воронцовых остались два молодых сына Федора Диомида — Иван и упомянутый выше Василий.

О службе в опричнине Ивана Федоровича можно судить по косвенным указаниям. В 1567 г. он в числе ряда несомненных опричников был дворянином в царской ставке. В 1570 г. он был в «стану у государя» и тогда же [был] пожалован в думные

²⁸ СГГид, т. I, стр. 537—538.

²⁹ Там же, стр. 350.

³⁰ Сибирский сборник, стр. 24.

³¹ С. Б. Веселовский *И. Синодик опальных цзя Ивана как исторический источник* (см. наст. изд., стр. 365).

дворяне³². По сообщению Курбского, Иван Федорович был казнен, и других известных о его [казни] мы не имеем. Можно только сказать, что после 1571 г. он нигде не упоминается.

Годуновы Дмитрий Иванович, Василий Федорович, Яков Афанасьевич. Годуновы появляются в Опричном дворе поздно, не ранее 1571 г., когда Иван потерял доверие к своим недавним избранныкам и начал одних удалять от себя, а других казнить.

Первые этапы возвышения Годуновых неясны. Годуновы, как известно, были второй линией рода Зерновых (в родословцах — род Чета). Старшей линией были «великие» в XV в. Сабуровы, в XVI в. утратившие первенствующее положение в боярской среде. Годуновы в массе служили в дворянах, но до последней четверти XVI в. не поднимались выше уровня полковых воевод, да и в этом чине служили немногие представители фамилии: Андрей Дмитриевич в 1519 и 1531 гг., Василий Дмитриевич в 1515 и 1519 гг., его сын Михаил Васильевич Толстый в 1547, 1562—1565 гг., Иван Иванович Чермой в 1551 г. (в Смоленске). Сын Андрея Дмитриевича Иван не бывал в воеводах и только в 1559 и 1564 гг. был в полковых головах.

Дмитрий Иванович на ратном поприще нигде не упоминается и как-то сразу получает в 1571 г. чин постельничего, что свидетельствует о большой милости и доверии к нему царя. В 1573 г. он получает чин окольного, а в 1578 г. — боярина. После воцарения его родного племянника Бориса Федоровича Дмитрий Иванович получает высокое звание боярина-конюшего.

Василий Федорович, старший брат Бориса, появляется в приближении у царя в 1571 г., но умирает в том же году от морового поветрия.

Яков Афанасьевич сидел в Новгороде на поместье отца и деда и по службе был так невысок, что в разрядах почти не упоминается. В год отставки опричнины он был в рындах (в некоторых разрядах упоминается в 1571—1573 гг.). После [этого] о нем ничего не известно. Умер в монашестве в 1607 г.

После смерти под Пайдой Малюты Скуратова царь позаботился о его душе и прислал на вечное поминание в Иосифов монастырь 100 руб. Очень возможно, что заботой царя о сиротах Малюты объясняются браки его дочерей (см. об этом: Бельские). Время брака Бориса Годунова с Марьей Григорьевной Малютиной неизвестно. Можно полагать, что это произошло не позже 1578 г., когда Дмитрий Иванович был пожалован в бояре, а Борис — в кравчие. Перед этим, кажется, в 1576 г., в окольные чине был пожалован старший представитель фамилии Годуновых — Степан Васильевич.

Следующим этапом возвышения Годуновых был брак царевича Федора с Ириной, сестрой Бориса. По предположениям некоторых историков, это произошло в 1580 г. Мне кажется, что это

³² Сибирский сборник, стр. 20, 27.

событие надо отнести к более раннему времени, к 1579 или даже к 1578 г. Напомним, что Федор родился 31 мая 1557 г., а браки в то время бывали обычно ранние. В связи с браком Ирины ее брат Борис был пожалован в бояре, а Иван Васильевич — в окольные.

Таким образом, к концу царствования Ивана Годунова прочно заняли видное место в боярской среде. Исключительная быстрота выдвижения Годуновых может быть объяснена отчасти исключительным же милостивым отношением к ним царя Ивана, отчасти зависела от их личных способностей и прочности родовых отношений, сохранившихся в их фамилии, но несомненно, что большое значение имел тот факт, что в опалах и казнях Ивана погибло большое количество виднейших представителей титулованных и нетитулованных боярских родов, и на смену им при царе Иване и при Федоре стали подниматься младшие представители тех же родов и их младших отраслей.

Головленковы Иван и Афанасий Васильевичи. Иван и Афанасий Головленковы в сентябре 1570 г. в царском походе против крымцев были поддатыми у рынд³³. Перед 1570 г. Иван Головленков владел в Белозерском уезде вотчиной Ергольских и Андрея Бурухина Монастырева, выселенных из Белоозера. Известно, действительно ли Иван Головленков владел вотчинами «без государева указа», как говорили власти Кириллова монастыря, но только в 1577 г. царь пожаловал эти вотчины монастырю. В 1574 г. Иван и Афанасий Головленковы упоминаются при встрече Антония Поссевины как «дворовые жильцы».

Родоначальником фамилии Головленковых был Юрий Головленок, который во второй четверти XV в. был послухом у купчей грамоты на землю боярина Никиты Константиновича Добрынского (троиц[кие] акты). Вероятно, он был незаурядным человеком; это можно заключить по тому, что его смерть в злополучном бою под Суздалем в 1445 г. отмечена в государственном синодике Успенского собора. По своим вотчинам на Волоке Ламском, в Торжке и Ржеве Головленковы были связаны с Иосифовым Волоколамским монастырем, которому делали значительные вклады. В начале XVI в. в монастыре был погребен инок Филипп Михайлович Головленков, бывший ловчий великого князя.

В 1550 г. новоторжцы Василий и Матвей Кузьмичи Головленковы как «выбор из городов» получили поместья под Москвой. Опричники Иван и Афанасий были сыновьями Василия Кузьмича. По матери они приходились двоюродными братьями Ивана Ивановича Бобринцева Пушкина, ловчего царя Ивана. Их сестра Марья была замужем за кн. Григорием Ивановичем Чертом Долгоруковым Оболенским.

В опричнине Иван и Афанасий ничем не отличились и никакой карьеры не сделали. В дальнейшем Головленковы держались

³³ Сибирский сборник, стр. 27.

приблизительно на том же уровне — верхнего слоя провинциального дворянства. Иван Афанасьевич, сын опричника, служил в дворянах и в 1608 г. был дозорщиком Галича, а в 1625—1626 гг. был лицом посадов Владимира и Луха. Его сын Федор Иванович и внук Василий Федорович служили в стольниках.

Друцкой, кн. Даниил Андреевич. Прямых указаний на службу кн. Д. А. Друцкого в опричнине нет, но тот факт, что в походах 1567—1568 гг. он был у царского знамени, дает основание с большой вероятностью причислить его к опричникам.

Кн. Дмитрий Юрьевич Друцкой в 1508 г. выехал из Литвы в Москву и в 1532 г. был полковым воеводой на Угре, а в 1533 г. — в Коломне. Его сын Андрей Дмитриевич в 1537 и 1543 гг. был в полковых воеводах. Даниил Андреевич с сыном Дмитрием в Тетради дворовой записаны по Костроме и Серпухову. Его младший брат Иван служили по Галичу и в 1550 г. получил поместье под Москвой. В 1543 г. Иван Андреевич был наместником в Гороховце.

Кн. Данил Андреевич в 1574—1576 гг. заведовал продажей государственных «порозжих» земель. Позже он был казнен и записан в Синодике опальных.

Зайцев в Петр Васильевич. Зайцевы Бирдюкины были старшей линией боярского рода Добрынских. Следующими по старшинству линиями были: Гусевы Елизаровы, Викентьевы и знаменитые в XVI в. Хабаровы.

В конце XV в. Дмитрий Зайцев был в посольстве в Дании³⁴. Василий Ярц и Унак Федорович Зайцевы в 1497 г. в качестве детей боярских двора великого князя были в походе к Новгороду; Иван Юрьевич Шигоя Поджегин Зайцев известен как думный дворянин и любимец вел. кн. Василия Ивановича.

Петр Васильев сын Ярцев уже в молодости отличился в некотором деле: в 1542 г. князя Шуйские своим самовольством сослали на Белоозеро кн. И. Д. Бельского, а затем послали [к нему] П. В. Зайцева, Д. Клобукова и И. Е. Сергеева, сына дьяка Елки Сергеева; «они же, схав тайно, без великого князя ведома, боярским самовольством, князя Ивана Бельского убили»³⁵. П. Зайцев служил по дворовому списку из Переяславля и в 1550 г. в числе лучших дворовых слуг получил поместье под Москвой. Царь Иван еще до опричнины отличил П. Зайцева: в 1558 г. он пожаловал его в ясельничие, а в 1564 г. — в думные дворяне. Перед этим, в 1563 г., в полоцком походе царя Ивана П. Зайцев был дворянином «в суде у бояр», т. е. в походном разряде, а после взятия Полоцка оставлен там «город делати»³⁶.

Иностранные писатели называют П. Зайцева (сильно искажая его фамилию) в числе ближайших советников царя по учреждению Опричного двора. По словам Таубе и Крузе, П. Зайцев произ-

³⁴ ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 359.

³⁵ Там же, ч. II, стр. 460.

³⁶ ДРВ, ч. XIII, стр. 331.

водил с царем первый набор опричников. Служа в опричнине, он не раз бывал воеводой в полках. Казнен он летом 1571 г.³⁷, по сообщению Штадена, он был повешан на воротах своего двора.

Засекин, кн. Иван Жирового. Из сильно размножившейся фамилии рода ярославских князей. Упоминается как рында в походе 1570 г. По службе настолько пичтожный, что неизвестно даже его отчество.

Ильиньы: Василий Федорович Ошанин, Василий, Иванец и Андрей Молчановы Ошанины, Григорий Борисович Меньшой Грязной с сыном Никитой и Васюк Григорьевич Грязной. Род ростовских вотчинников Ильиных в XV в. выделил три фамилии: Грязного (или Грязных), Ошаниных и Молчановых. Справка о карьере этих фамилий может быть хорошим ответом на вопрос, каким талантам и куда открыла дорогу опричнина. Известных опричников Васюка Грязного и Василия Федоровича Ошанина нередко приводили как пример безродных или худородных людей, сделавших будто бы карьеру в опричнине, что должно было подкрепить легенду о демократизме царя Ивана. В действительности Ильиных можно называть худородными только с точки зрения царя Ивана, всегда весьма внимательного к родovitости своих слуг.

Федор Данилович Ошанин Ильин в 1494 г. в качестве дворянина был в посольстве вел. кн. Ивана в Литву³⁸. Его сын Федор служил из Ростова по дворовому списку и в 1550 г. в числе тысячи лучших услуг Государева двора получил поместье под Москвой. Тогда же получили поместья и его родные племянники, сыновья брата Ивана Молчана, Иван Большой и Василий Молчановы. Младшие братья этих Молчановых, Иванец и Андрей, начали служить позже. Андрей Иванович Молчанов был отцом знаменитого авантюриста Смутного времени Михаила Молчанова, о котором речь будет ниже.

Василий Федорович Ошанин в 1564 г. был в числе поручителей по боярине И. В. Шереметеве. Принятый в Опричный двор, Василий Федорович в 1568 г. был писцом Верейского уезда. В 1570 г. он был пожалован в ясельничье, а в 1571 г. сопровождал царя в походе «в околничего место». В ливонском походе 1573 г. он был воеводой «у наряда», т. е. у артиллерии. В том же, по-видимому, году он был казнен: его имя записано в Синодике царя Ивана.

Тысячник Василий Иванович Молчанов в 1560 г. был головой в полках. Принятый в опричнину, он был в походе 1572 г. у царского знамени. В последний раз он упоминается в 1573 г. как поезжанин на свадьбе Арцдымагнуса. Можно предположить, что он погиб в 1573 г. одновременно со своим дядей В. Ф. Ошаниным.

Иванец Молчанов служил в опричнине и, как младший по возрасту, в 1568 г. был в поддатнях у рынды. Андрей Иванович

³⁷ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник.— Наст. изд., стр. 385.

³⁸ Сб. РИО, т. 35, стр. 138.

Молчанов служил тоже по дворовому списку, но не из Ростова, а по Серпухову, где у него было поместье. В 1578 г. он был отдельщиком поместий в Московском уезде и больше нигде не упоминается³⁹. В Синодике опальных записан без отчества Андрей Молчанов. Возможно, что это Молчанов Ошанин, но тогда его казнь надо отнести к последним годам царствования Ивана.

Из фамилии Грязных в опричнине служили Григорий Борисович Меньшой с сыном Никитой и его двоюродный брат Василий Григорьевич. По сообщению Штадена, Григорий служил в Москве головой «в объездах», т. е. заведовал уличной полицией, и по приказанию царя был убит, а его сын Никита был сожжен. Таубе и Крузе говорят, что Григорий был отравлен. Казнь этих Грязных относится, по-видимому, к последнему году существования опричнины.

П. Садилов тщательно собрал все, что было возможно, о Васюке Грязном и в приложении к своей статье напечатал две челобитные его на имя царя и ответ царя⁴⁰. Физиономия этого ревностного опричника представляется достаточно выясненной Садиловым, и я позволю себе сделать только некоторые дополнительные разъяснения.

Васюк Грязной был моложе В. Ф. Ошанина и начал служить уже при существовании опричнины. Когда при отмене опричнины царь частью удалил от себя, частью казнил многих опричников, Васюк Грязной прямой немилости не подвергся, но в 1573 г. был послан на опасную службу: во главе небольшого отряда он должен был произвести глубокую разведку в донецких степях. По самонадеянности и неопытности, а может быть, и по излишнему ревнию Васюк сплеховал и был взят в плен крымскими татарами.

Томясь в плену, Васюк, чтобы улучшить свое положение, стал хвастаться своей близостью к царю. На первых порах это помогло ему — его стали содержать свободней и лучше, но это временное облегчение обошлось ему дорого.

Торговля пленными была у крымских татар постоянным и хорошо организованным делом. Захватив человека в плен, татары через постоянных агентов-шпионов наводили справки о его семейном, служебном и экономическом положении и в соответствии с этим назначали цену выкупа. С этого начинался торг. И с русской стороны за два с лишним столетия практики были выработаны приемы выкупа полоняников. В середине XVI в. для этой цели был введен специальный налог, от которого никто не был свободен. Московское правительство установило, в зависимости от служеб-

³⁹ Писцовые книги Московского государства. т. I, пол. I, стр. 39.

⁴⁰ П. Садилов. Царь и опричник.— «Века». Исторический сборник, кн. I. Пг., 1924, стр. 73—78.

Новое издание послания Ивана Грозного к Василию Грязному см.: Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.— *Прим. ред.*

ного ранга пленника, ставки выкупной правительственной субсидии. Если отпускаемой от казны ставки было недостаточно, то родственники пленника сами должны были доплатить, что следовало.

Всякий мог производить выкуп самостоятельно, но в большинстве случаев правительство приходило на помощь и производило выкуп организованным порядком через своих дипломатических агентов. В XVII в. выкуп производился обычно в Валуиках нарочно посланными для того лицами. После этого отступления вернемся к В. Грязному. Историки, незнакомые с техникой выкупа пленных, приписывали царю Ивану то, чего не было, — «издевательство» царя над своим слугой, находившимся в беде (Карамзин), бессердечную насмешку и жестокосердие (Соловьев). В письме царя к Васюку ничего подобного нет. Царь упрекает Грязного в оплошности: «Ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати, а уж заехано — ино было не по объезному спати: ты чайл, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чайл, что таково ж в Крыму, как у меня, стоячи за кушапьем, шутить?»⁴¹. Тем не менее царь подтверждает свою готовность помочь Васюку: «И мы того же не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а доселева такие (как ты. — [С. В.]) по пятьдесят рублей бывали». Затем царь мельком напоминает Васюку, что за него не запросили бы высокой цены, «коли б ты сказывался (будучи в плену. — [С. В.]), молодой человек», т. е. невысокого служебного чина⁴². Грамота заканчивается деловым решением: «А что будет твоей мере мена или окуп, и мы тебя тем пожалуем»⁴³.

Ясно, что в грамоте Ивана нет ни издевательства, ни жестокосердия, все письмо имеет чисто деловой характер. С точки зрения Ивана и его современников, обещание дать за В. Грязного до 2 тыс. руб. было большой милостью. В. Грязной своим хвастовством сам испортил дело. Татары потребовали за него в обмен Дивей-мурзу, родственника хана, денег не захотели брать, и Васюк умер в плену.

Интересно сделать несколько дополнительных замечаний о дальнейшей карьере Ильиных.

С. Ф. Платонов дал яркую характеристику одного из самых дерзких авантюристов Смутного времени, Михалка Молчанова. Вкратце его карьера такова: изменил царю Борису и был в числе главных убийц его детей; служил Лжедмитрию, а затем стал служить царю Василию; за какую-то вину был бит кнутом, после чего бежал в Литву; позже принимал участие в свержении с престола царя Василия, в марте 1609 г. явился в лагерь Сапегы в Тушине, стал близким «Тушинскому вору» человеком и получил от него

⁴¹ «Века». Исторический сборник, кн. I, стр. 73.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 74.

чин окольного; после смерти «вора» присягнул королевичу Владиславу и был им назначен ведать при боярском правительстве Паиский приказ в чине окольного; при боярском правительстве отличался исключительной дерзостью и заслужил такую репутацию, что при восстании москвичей против поляков в 1611 г. был убит одним из первых. Служа в Тушине и при боярах в Москве, нахватал много поместий и вотчин, которые после [его] смерти были отданы кн. Ю. Н. Трубецкому⁴⁴.

Немного поскромнее Михалка Молчанова был другой авантюрист из рода Ильиных — сын Васюка Грязного Тимофей. Тимофей Грязной, как и его отец, служил в дворянах. За «полонное терпенье» отца он получил поместье. В 1591 г. Тимофей был головой в полках. При царе Борисе он имел оклад денежного жалования из Галицкой четверти в 60 руб.⁴⁵ Судя по окладу, он был в это время стряпчим или, может быть, даже стольником.

Когда смерть царя Бориса вновь открыла дорогу талантам, Тимофей Васильевич Грязной принял участие в переворогах того времени, участвовал в свержении с престола Василия Шуйского и бежал в Тушино, где получил от «Калужского вора» чин окольного. Затем он присягнул Владиславу и был назначен ведать в Москве Монастырский приказ. После очищения Москвы от поляков Тимофей Васильевич лишился чина окольного и земель, нахвачанных при «воре» и Владиславе, и в 1616 г. мы видим его московским дворянином с тем же окладом в 60 руб., который у него был при царе Борисе⁴⁶. При царе Михаиле Тимофей Васильевич в полной неизвестности доживал свой век.

В роду Грязных традиции политического авантюризма держались прочно. Так, в 1634 г., во время Смоленской войны, сын тушинского окольного Борис Тимофеевич Грязной изменил и сбежал из полка в Литву⁴⁷.

Кашкаров Петр Ильич. Петр Ильич упоминается в разрядах 1568 и 1571 гг. как подрында у царевича Ивана⁴⁸. Его отец Илья Дмитриевич был убит в казанском походе 1549 г. и записан в синодике Успенского собора. Двоюродный брат Петра Ильича Иван Тимофеевич в Тетради дворовой записан по Кашину. Дмитрий Ильич в 1566 г. был в числе поручителей по кн. Охлебинине, а в 1571 г. Михаил Ильич дал по его душе Макарьеву Калязину монастырю деревню в Жабенском стану Кашинского уезда.

В общем Кашкаровы были зажиточными городскими детьми боярскими, из которых некоторые служили по дворовому списку.

⁴⁴ Л. М. Сухотин. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. М., 1911, стр. 56—57.

⁴⁵ Л. М. Сухотин. Четвертики Смутного времени. М., 1912, стр. 4.

⁴⁶ АМГ, т. I, стр. 145.

⁴⁷ Там же, стр. 616.

⁴⁸ Сибирский сборник, стр. 21. 27.

Так, племянник Петра Ильича Елизарий Дмитриев в 1576 г. был головой в полках ⁴⁹, а в 1578 г. он был писцом в Юрьевском уезде.

Петр Ильич умер в 1604 г., имея оклад из Галицкой чети в 20 руб. Судя по окладу, он был стряпчим.

Кикины Дмитрий и Иван Андреевичи. По весьма вероятному родословному преданию, Дмитрий и Иван Андреевичи служили в опричнине.

В середине XVI в. в дворянах служили Андрей и Иван Даниловичи, а по Вязьме — Тиша, Дмитрий и Иван Андреевичи. Тиша был убит при взятии Казани. Дмитрий и Иван как «выбор» по Вязьме получили в 1550 г. поместья под Москвой. Дмитрий в 1566 г. с опричником Н. В. Борисовым был послан описывать Казань и Свияжск с уездами. Владел поместьем под Москвой ⁵⁰. Иван Андреевич в походе на Астрахань был в головах и со своим братом Измарагдом вышел в поход с 20 людьми. После взятия Полоцка он был послан описывать Полоцкий повст. Его сын Федор в 1565 г. был гоним в Крым.

Иван Андреевич из Вязьмы был переведен в Рязань, где позже служили его сыновья и потомки ⁵¹.

Колычевы Федор и Василий Ивановичи Умного. Виднейшие представители боярского рода Колычевых Кобылиных.

Боярская фамилия Колычевых одного рода с Захарьиными и Шереметевыми. Федор и Василий Ивановичи Умного были двоюродными братьями митрополита Филиппа Колычева (в миру Федор Степанович). Боярин Федор Иванович Умного в 1566 г. был «великим» послом в Польшу ⁵². В известном приговоре конца мая 1570 г. земских и опричных бояр о рубежах с Литвой боярин Федор и окольный Василий Умного названы: «из опричнены» ⁵³. Вскоре Федор Иванович ушел в отставку или был удален. Умер он в Иосифове монастыре в 1574 г.

Василий Иванович начал свою карьеру рындой в походе 1556 г. царя к Серпухову, в 1563 г. был пожалован в окольные. В 1568 г. служил в Вязьме, но неизвестно, был ли в это время в опричнине. В походе 1569 г. к Изборску он был воеводой из опричнины, в 1570 г. был на ливонском фронте. В разрядах походов упоминался в последний раз в походе 1574 г. к Пайде как дворовый воевода. Казнен в 1574/75 (7083) г., его поместье в Шелонской пятине отдано другому лицу ⁵⁴.

Копынины Василий, Федор и Илья Невежины. Василий и Федор Невежины в 1568 г. упоминаются как подрывцы в полках.

⁴⁹ Там же, стр. 53.

⁵⁰ Писцовые книги Московского государства, т. I, пол. I, стр. 160.

⁵¹ Писцовые книги Рязанского края, т. 1, Рязань, 1898, стр. 159.

⁵² Сб. РИО, т. 71, стр. 447—452.

⁵³ Там же, стр. 666.

⁵⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1, отд. II, М., 1905, стр. 68—69.

В разрядах 1571 г. в подрывах упоминаются Василий и Илья⁵⁵. Василий Невежин был в числе гостей на свадьбе Арцымагнуса.

Копнины были очень серым родом слуг московских князей. В первой трети XV в. Василий Борисович, имея крупные владения в Радонеже и в Переяславле, был боярином радонежских князей. В XVI в. размножившиеся Копнины служили по Коломне, Кашпуре и Мурому. В Тетради дворовой по Коломне записаны Василий и Дмитрий Григорьевичи. Дмитрий Григорьевич в 1573, 1575—1577 гг. был головой в Пронске⁵⁶.

Отец опричников Невежа Копнин в 1549 г. был в числе гостей на свадьбе кн. Владимира Андреевича. Никакой карьеры Копнины при царе Иване не сделали и позже служили на прежнем уровне.

Ловчиков Григорий Дмитриевич. Ловчиковы по своему служебному уровню могут быть причислены к средним слоям Государева двора. В 1528 г. Дмитрий Петрович Ловчиков был в числе поручителей по князьям Иване и Андрее Михайловичах Шуйских⁵⁷. Это поручительство объясняется тем, что И. М. Шуйский был женат на дочери Дмитрия Петровича (см. ниже).

Сын Дмитрия Петровича Григорий и двоюродный племянник Григорий Пахов Ловчиков служили в дворянах и записаны в Тетради дворовой — первый по Можайску, а второй по Переяславлю. Григорий Дмитриевич обратил на себя внимание царя еще до опричнины и в 1563 г. был послан на Двину отвезти и постричь в Сийском монастыре опального Тимоху Пухова Тетерина. При учреждении опричнины Григорий Дмитриевич был принят в опричнину и пожалован в ловчье⁵⁸. Эта должность сама по себе создавала известную близость к царю.

В 1563 г. Григорий Дмитриевич принимал участие в весьма скверном деле: из синодика Свяязского Троицкого монастыря (хранится в библиотеке Казанского университета) мы узнаем, что он производил погром коломенских сел боярина И. П. Федорова. Шлихтинг в рассказе о гибели известного опричника кн. Афанасия Вяземского бросает тень на репутацию Григория Дмитриевича. Он сообщает, что некий «Григорий Ловчик» по протекции кн. А. Вяземского попал в милость к царю, но забыл благодарения своего покровителя, оклеветал его перед царем, будто Вяземский выдал ему тайное намерение царя разгромить Новгород. Царь поверил этому и за это будто бы погубил Вяземского.

Попытка перестраховаться за счет кн. Вяземского не спасла Григория Дмитриевича — вскоре после погрома Новгорода он был казнен. Его имя записано в Синодике опальных царя Ивана. Время и обстоятельства смерти Григория Дмитриевича известны.

⁵⁵ Сибирский сборник, стр. 21, 27.

⁵⁶ Там же, стр. 54, 63.

⁵⁷ СГГид, т. 1, № 156, стр. 431.

⁵⁸ Сибирский сборник, стр. 21.

По-видимому, Григорий Дмитриевич разбогател и хорошо нажился на службе в опричнине. В 1569 г. он дал 50 руб. на вечное поминовение своей души Успенскому собору. Такую же сумму он дал в 1570 г. Троицкому Сергиеву монастырю (во вкладной книге монастыря вклад записан 15 августа 1571 г., но, по-видимому, это ошибка, следует -- 1570 г.). Три значительных земельных вклада Троицкому монастырю сыновей Григория Дмитриевича обращают на себя внимание. Какое бы объяснение мы ни давали этим вкладам, они во всяком случае свидетельствуют о богатстве Ловчиковых. В 1570 (7078) г. они дали сельцо Афросимово на р. Уче в Московском уезде. В 1572 г. они дали с. Махру на р. Дубне в Переяславском уезде, причем получили от монастыря 100 руб. сдачи. Это село было дано в приданое их сестре, вышедшей замуж за кн. И. М. Шуйского, но за бездетной смертью в 1560 г. Шуйского вернулось в род Ловчиковых. Самый большой вклад сделали братья Ловчиковы в 1574 г.: они дали [Троицкому монастырю] «по приказу отца», т. е. по устному или письменному завещанию, с. Крутец с деревнями в Богаевской волости Владимирского уезда⁵⁹.

Интересно отметить, что, несмотря на гибель в опричнине Григория Дмитриевича и большие земельные вклады, стоявшие, несомненно, в связи с этим, служебное положение Ловчиковых несколько не ухудшилось. Его старший сын Матвей Григорьевич в 1609 г. был воеводой в Угличе, а в 1616 г. — в Калуге. Второй сын, Юрий Григорьевич, женатый на Марье Андреевне Микулиной Ярого Заболотской, при царе Василии был в стольниках. Дочь Юрия вышла замуж за другого представителя старой боярской фамилии, за Андрея Максимовича Полева, и получила в приданое вотчину в Дмитрове⁶⁰. Сын Юрия Ивана Юрьевич в 1616 г. был воеводой в Карачеве, в 1619 г. — в Шацке, в 1621 г. — в Брянске и в 1626—1628 гг. — в Бежецке. Сыновья Ивана Юрьевича Богдан, Меркурий и Федор не раз бывали воеводами в разных городах. Тимофей Дмитриевич Ловчиков в 1644—1649 гг. ведал Приказом Большого прихода, а в 1665 г. был пожалован в думные дворяне. Наконец, в думных же дворянах служили правнуки опричника Степан Богданович (1684—1687 гг.) и Иван Богданович (1689 г.).

Милюков в Старого Алексей Михайлович. Родоначальником Милюковых (позже руссифицированное от Меликовы) был Семен Мелик, соратник вел. кн. Дмитрия Донского, убитый в 1380 г. на Куликовом поле. Родовым гнездом Меликовых были с. Афинеево и с. Михайловское Старого Меликово, Архангельское тож, на р. Малой Пахре, в бывшем Гоголево стану Московского уезда.

⁵⁹ Писцовые книги Московского государства, т. I, пол. I, стр. 789; С. Б. Веселовский. Синодик опальных цари Ивана как исторический источник. — Наст. изд., стр. 408.

⁶⁰ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1899, стр. 57.

В 1623 г. оно принадлежало стольнику Степану Яковлевичу Милюкову Старого, племяннику опричника Алексея.

Милюковы были сильно разросшимся родом исконных дворян московских князей. К боярским родам их род не принадлежал и в Государев родословец не попал, но в частных родословцах Милюковы, подобно Поливановым и Беклемисhevым, всегда [встречаются].

Перед опричниной служили по дворовому списку и записаны в Тетради дворовой 17 чел. Милюковых — по Москве, Дмитрову, Можайску, Рузе и Калуге. Среди них мы находим всех четырех сыновей Михаила Семеновича Старого: Михаила, Якова, Василия и опричника Алексея.

Вехи служебной карьеры Алексея Михайловича Старого таковы. В 1550 г., служа в дворянах, он получил добавочное поместье под Москвой, в 1559 г. он — писец Пскова⁶¹, в 1564 г. — полковой воевода в Луках Великих, в 1565—1567 гг. — воевода у «наряда» в ливонских походах, на Земском соборе 1566 г. — дворянин первой статьи. В 1570 г. Алексей Михайлович получил в опричнине ответственное поручение. После погрома Новгорода царь Иван, чтобы укрепить позиции власти на западной окраине государства, взял в опричнину половину Новгорода и две пятины. Наместником опричной половины был назначен кн. Павел Данилович Пронский, а в январе 1571 г. к нему присланы в товарищи А. М. Старого и дьяк С. Ф. Мишурин. На этой должности Алексей Михайлович оставался в 1572 г.⁶² В новгородских летописях Алексей Михайлович ошибочно называется дьяком. Для Алексея Михайловича назначение в дьяки было бы совсем «невместной» «потерькой чести».

Милюковы благополучно пережили опричнину и после ее отставки продолжали пользоваться милостями царя.

М и ш у р и н ы Семен и Иван Меньшой Федоровичи. Из дьяческого рода неизвестного происхождения. Федор, Василий Обрюта и Игнатий Дурак Михайловичи служили при вел. кн. Василии Ивановиче. Федор Михайлович был думным дьяком и любимцем вел. кн. Василия, в числе других близких людей участвовал в предсмертной «думе» великого князя. [Он был] убит 21 ноября 1538 г. по приказанию Шуйских и их сторонников. Старший сын Федора, Алексей, упоминается в 1537 г. как подьячий. Следующие сыновья Федора — Иван Большой, Семен и Иван Меньшой — служили в дворянах по Коломне. Когда царь Иван взял в опричнину Торговую половину Новгорода и две пятины, то в январе 1571 г. были присланы на опричную сторону дьяк Семен Федорович Мишурин и Алексей Михайлович Старого Милюков. На этой должности Семен Федорович оставался в 1571—1574 гг.

⁶¹ ДАИ, т. I, стр. 191.

⁶² Д. Я. Самоковасов. Архивный материал, т. II, стр. 295—297.

Сыновья Семена Федоровича, имея вотчину в Коломне, служили по дворовому списку: Семен в 1577 г.— дворовый новик (убит в 1580 г. под Кесью), Михаил в 1577 г.— тоже новик, Алексей в 1611 г.— дворовый «из выбора» по Коломне.

М о р т к и н, кн. Андрей. Представитель одной из самых слабых и многочисленных фамилий рода ярославских князей. Морткины были так невысоки по службе, что неизвестно, был ли это Андрей Александрович или Андрей Юрьевич, его двоюродный брат.

М я т л е в Иван Иванович. О происхождении фамилии Мятлевых см. Чеботов. Многочисленные Мятлевы-Слизневы в XVI в. служили в дворянах, но по службе стояли невысоко. Яков Иванович Кривой Мятлев, старший брат опричника Ивана, в 1554 г. был в Смоленске «в приказе» у воевод, т. е. для особых поручений, и больше нигде не упоминается. Второй брат, Андрей, в 1569 г. был пиецом во Владимире. Третий брат, Григорий, был взят в плен татарами в бою на Судбищах и умер в плену.

Иван Иванович Мятлев начал служить перед 1550 г. и в числе лучших слуг двора с братьями Андреем и Григорием получил поместье под Москвой. В 1556 г. он был воеводой в Чебоксарах, а в 1563 г.— в Рославле. Принятый в опричнину, Иван Иванович в 1568 г. был в царской ставке, а в 1569 г.— в опричных полковых воеводах. В 1572 и 1577 гг. он был судьей Земского двора в Москве⁶³. Приказ Земского двора, или Земский двор, в системе московских приказов был ведомством уличной полиции и ведал судом и управой черные слободы.

Никакой карьеры И. И. Мятлев в опричнине не сделал и позже не упоминается.

Н а у м о в ы Богдан Васильевич и Петрок Суворов. О происхождении Наумовых см. Бухарин Наумов. В Тетради дворовой записаны по Калуге, Кашире, Коломне и Кашину, кроме Бухаринных, 18 чел. Наумовых.

Богдан Васильев упоминается в 1567 г. в ливонском походе как дворянин в «стану у государя», Петрок Суворов в походах 1568 и 1577 гг. служил подрывдах⁶⁴.

Очень вероятно, что в опричнине служил еще Яков Гаврилов. В 1565 г. он был городовым приказчиком в Суздале, взятом в опричнину⁶⁵. В 1574—1576 гг. Яков Гаврилов служил в Кокшайске и наблюдал за постройкой острога⁶⁶. В 1577 г. он ведал в Москве Земский приказ⁶⁷. В местническом деле Г. Пушкина есть указание, что Я. Г. Наумов ведал при царе Иване сокольничий путь «в при-

⁶³ АМГ, т. I, стр. 39.

⁶⁴ Сибирский сборник, стр. 20, 27.

⁶⁵ АИ, т. I, № 177, стр. 338.

⁶⁶ Сибирский сборник, стр. 44, 57.

⁶⁷ АМГ, т. I, стр. 39.

каз», т. е. по особому поручению, но в сокольничие не был пожалован и сокольничим не писался⁶⁸.

Отмечу в заключение, что сестра Богдана Васильевича Марья была замужем за Яковом Михайловичем Годуновым.

Насколько известно, никто из многочисленных Наумовых не пострадал от опал царя Ивана, но ни про одного из них нельзя сказать, что кто-либо сделал карьеру в опричнине или вообще при Иване.

Одоевский, кн. Никита Романович. После ссылки на Белозеро и в Галич князей Михаила и Александра Воротынских и конфискации их удела кн. Н. Р. Одоевский остался единственным представителем рода, сохранившим свою долю в Новосильско-Одоевском уделе. Его сестра Евдокия была второй женой кн. Владимира Андреевича Старицкого (с 1558 г.) и казнена вместе с ним.

Служебная карьера Никиты Романовича началась в год учреждения опричнины воеводством в Дедилове. Принятый в Опричный двор, он во время первого набега хана Девлета был воеводой из опричнины в Тарусе. При отражении в 1572 г. второго набега кн. Никита Романович стоял на Оке, на Сенькине перелазе, и был воеводой правой руки. Разряды сообщают, что его товарищ Федор Шереметев «побежал и саadak с себя скинул; а дело было князю Никите одному (т. е. ему одному пришлось биться, — [С. В.]), а дело было большое»⁶⁹. Вероятно, за это в конце того же года кн. Никита был пожалован в бояре.

В апреле 1573 г. кн. Никита был опять на береговой службе и стоял в Тарусе. В чем была оплошность воевод, неизвестно, разряды говорят коротко: «И царь и великий князь положил опалу на бояр и воевод на князя Михаила Ивановича Воротынского да на князя Никиту Романовича Одоевского, да на Михайла Яковлевича Морозова, велел их казнить смертною казнию»⁷⁰. М. И. Воротынский и М. Я. Морозов были людьми уже преклонного возраста и прославленными воеводами, и одновременная казнь этих трех лиц вызывает большое недоумение.

Охлебинины, князь Иван Васильевич, Иван Петрович Залупа и Василий Андреевич Борец. Охлебинины были отраслью рода ярославских князей Ухорского удела. Угасшая в конце XVI в. фамилия князей Охлебининых выделила из своей среды несколько выдающихся полковых воевод, но в думных чинах никто из Охлебининых не был. Владея небольшими вотчинами и поместьями в Кашине, Переяславле, Калуге и Боровске, Охлебинины были небогатыми князьями.

Иван Васильевич упоминается на службе в опричнине как полковой воевода, п больше о нем ничего не известно.

⁶⁸ С. А. Белокуров. Разрядные записи на Смутное время. М., 1907, стр. 39.

⁶⁹ Сибирский сборник, стр. 35.

⁷⁰ Там же, стр. 39.

Василий Андреевич Борец в 1568 и 1571 гг. упоминается как рында в царских походах.

Самым значительным на службе в опричнине был Иван Петрович Залуца. По своей жене Марье Федоровне Плещеевой, двоюродной племяннице боярина А. Д. Басманова, Иван Петрович был близок к верхам Опричного двора. Свою служебную карьеру он начинал как голова в полках в ливонских походах 1558 и 1560 гг. В полоцком походе он был воеводой. Принятый в опричнину, Иван Петрович в 1566 г. вызвал у царя какие-то подозрения и должен был дать по себе поручную запись⁷¹. Во время второго набега хана Девлета в 1572 г. Иван Петрович был воеводой опричного полка в Тарусе. После отставки опричнины известны три его службы: в 1573 г. — в походе на черемису, в 1575 г. — в Пронске и в 1576 г. — на Тихой Сосне в походе против крымцев. По-видимому, вскоре после этого он умер.

Пивовы: Роман, Дмитрий и Василий Михайловичи, Петр Романович, Владимир, Михаил и Петр Васильевичи. Пивовы в среде московского дворянства были людьми новыми. По родословному преданию, их родоначальником был смолянин Михаил Васильевич, который с сыном Дмитрием был взят в плен московскими полками в 1514 г. при отвоевании Смоленска у Литвы⁷². Это предание подтверждается Тетрадью дворовой, в которой Дмитрий, Роман и Василий Михайловичи Пивовы записаны после заголовка: «в Ярославле литва». Вотчины и поместья Пивовых мы действительно находим в писцовых книгах Ярославского уезда 1568—1569 гг. Косвенным подтверждением родословного предания может быть тот факт, что в 1535 г. Михаил Васильевич был послухом у Марьи Мирославич, вдовы выходца из Литвы (Троицкие акты).

Из трех братьев Михайловичей самым значительным по службе был Роман. Прямых указаний на службу Романа в опричнине мы пока не имеем, но это очень вероятно. Карьера Романа такова. В 1552 г. он был головой на Свяге, в 1556 г. — в казанском походе, а в 1559 г. — гонцом с грамотами в Литву⁷³. На Земском соборе 1566 г. Роман был дворянином первой статьи. Об особо милостивом отношении царя к Роману свидетельствует то, что в 1573 г. он был в охране царского стана, а в 1575 г. был в числе гостей на свадьбе царя с Анной Васильчиковой. В 1579 г. Роман Михайлович был пожалован в думные дворяне, а в следующем году был в посольстве к Баторию. В 1586 и 1592 гг. Роман был воеводой в походах, в 1595 г. дал Троицкому монастырю 100 руб. и вскоре после этого умер.

Сын Романа Михайловича Петр в 1573 г. служил в стряпчих, но карьеры не сделал и ничем не отличился.

⁷¹ СГГД, т. I, № 194, стр. 558—559.

⁷² Родословие Пивовых см.: Московский государственный Исторический музей, собрание Уварова, № 157, л. 173, гл. 60.

⁷³ ПСРЛ, т. XX, ч. II, стр. 612—613.

Дмитрий Михайлович в 1550 г. в числе лучших дворовых слуг получил поместье под Москвой. В 1562 г. он был писцом Дмитрова. На земском соборе 1566 г. Дмитрий присутствовал в чине дьяка. Более чем вероятно, что в это время он служил в опричнине. В 1568—1569 гг. Дмитрию Михайловичу как опричнику пришлось принять участие в скверном деле — оклеветании митрополита Филиппа Колычева. Известно, что царь Иван не решался низложить и лишить сана митрополита Филиппа, открыто и резко обличавшего опричнину. По совету личного врага Филиппа, суздальского епископа Пафнутия, царь решил предварительно скомпрометировать его, безупречного в личной жизни, в общественном мнении. Чтобы собрать материалы для обвинения, осенью 1568 г. в Соловецкий монастырь, в котором Филипп был много лет архимандритом, были посланы Пафнутий, архимандрит Андроньева монастыря Феодосий и опричники боярин кн. Василий Иванович Темкин Ростовский и дьяк Дмитрий Пивов. Не без труда следователи собрали среди братии Соловецкого монастыря такие обвинения, на которые митр[ополи]т Филипп не считал достойным отвечать.

Мы не знаем, раскаивался ли царь позже в смерти митрополита Филиппа, но только не случайностью представляется тот факт, что в 1570—1572 гг. многие участники низложения и заточения Филиппа были казнены. Так, в 1571 г. был казнен опричный боярин кн. В. И. Темкин, а Дмитрий Пивов исчез со сцены и больше нигде не упоминается (он умер перед 1576 г., тогда его брат Роман сделал по его душе вклад Троицкому монастырю).

Василий Михайлович в 1559 г. в должности стрелецкого головы принимал участие в походе Д. Адашева по Днепру против Крыма⁷⁴. Время зачисления его в опричнину неизвестно, но в 1570 г. он, несомненно, уже служил и в походе 1570 г. был в числе дворян, охранявших царскую ставку⁷⁵. Его сыновья Владимир, Михаил и Петр в том же походе были в поддатнях у рынд. Никакой карьеры в опричнине Пивовы не сделали.

Плещеевы: Алексей Данилович Басмапов с сыном Федором, Иван Дмитриевич Колодка и Захарий, Иван, Андрей и Никита Ивановичи Очины Плещеевы. Родоначальником Плещеевых был Александр Плещей, младший брат митрополита Алексея (род черниговского боярина Федора Бяконта). Александр Плещей и его сын Даниил были боярами вел. кн. Дмитрия Донского. Сын Даниила Борис был боярином вел. кн. Василия Дмитриевича, а сын Бориса Михаил Борисович был боярином вел. кн. Василия Темного и оказал ему большие услуги в борьбе с княжатами. Один из сыновей Михаила Борисовича, Андрей, при вел. кн. Иване был боярином, а Тимофей Юрло и Петр окольниковыми.

Сыновья Михаила Борисовича и ближайшие потомки отличались культурностью и богатством. Андрей и Петр Михайловичи в

⁷⁴ ПСРД, т. XX, ч. II, стр. 640.

⁷⁵ Синбирский сборник, стр. 27.

1482 г. были посланы в Валахию. Петр в 1503 г. был в полномочном посольстве в Польше. В следующем поколении Иван Андреевич в 1493 г. был послом в Валахию, его брат Михаил Андреевич в 1497—1498 гг. был первый посол в Турцию, а Василий Петрович в 1500 г. — послом в Данию.

В следующем поколении Плещеевых постигает ряд несчастий, отразившихся на их карьере. Иван Андреевич в 1496 г. был убит под Выборгом и не оставил потомства. Даниил Андреевич Басман был взят в плен под Оршей и умер в плену в Литве. Без потомства сошла со сцены вся семья Тимофея Юрла: старший сын Иван бежал в Литву, в связи с этим его брат Василий был принудительно пострижен в Кирилловом монастыре, а два младших брата были убиты в молодости в литовских походах.

Вследствие этого при вел. кн. Василии Ивановиче в думе был только один представитель рода — окольныйчич Михаил Андреевич. При царе Иване в думе были в чине окольныхчич сыновья Михаила Андреевича Федор (умер в 1546 г.) и Дмитрий (умер в 1561 г.)

Алексей Басманов был единственным сыном Даниила Басмана, умершего в плену в Литве. В окольныйчиче он был пожалован в 1552 г., а в бояре в 1556 г. При учреждении опричнины ему было лет 60, не менее.

Занимая высокое положение в боярской среде, Плещеевы владели значительными родовыми, купленными и приданными вотчинами и роднились с княжескими и боярскими фамилиями. Так, двоюродные сестры Алексея Даниловича Басманова были замужем: Ирина Федоровна Чешнина Плещеева за кн. П. В. Луцкой Хованским, а Анастасия Федоровна за кн. И. В. Щербатовым. Племянница Алексея Басманова Марья Федоровна, дочь окольныйчича Федора Михайловича, была замужем за опричником кн. И. П. Охлебниным.

После этих генеалогических справок вернемся к опричникам из рода Плещеевых.

Старший представитель рода, Иван Дмитриевич Колодка (сын окольныйчича Дмитрия Михайловича), на службе в опричнине ничем не отличился. В разрядах он упоминается в 1568—1577 и 1585 гг.⁷⁶

Алексей Данилович Басманов, как было выше показано, принадлежал к старшей ветви одного из старейших боярских родов. Он начал служить задолго до опричнины, и по разрядам и летописям его продолжительная служебная карьера была такова. В 1544 г. — повода в Елатье, а в 1550 г. — на Бобрике. В чине окольныйчича он принимал видное участие во взятии Казани. О близости его в это время к царю говорит то, что он был поводом в государеве дворовом полку. После взятия Казани Алексей Данилович был оставлен там на годовую службу, а затем служил в воево-

⁷⁶ Сибирский сборник, стр. 22, 24, 33, 36, 39, 41, 46, 55, 57, 64, 88.

дах: в 1554 г. — в Коломне, в 1555 г. — в походе на крымцев, в 1556 г. был пожалован в бояре и продолжал принимать участие в походах. В 1558 и 1560 гг. он сражался на ливонском фронте, а между походами в Ливонию в 1559 г. был в походе против крымских татар, в 1563 г. принимал участие в царском походе на Полоцк. После этого Алексей Данилович по старости в походах не бывал, но перед учреждением опричнины ему пришлось принять участие в деле, в котором он отличился.

Летописи рассказывают об этом следующее. Осенью 1564 г. он жил со своим сыном Федором в своем поместье в Рязани. Хан Давлет сделал внезапный набег на Рязанскую землю. Алексей Данилович по своей инициативе «своими людьми да с тутошними не со многими людьми» разбил татарские разезды Давлета, а затем сел в осаду в Рязани, «и ту сущих людей в граде обнадежили, не сущу бо тогда служилым людям никому, кроме городских людей ту живую и селян, которые успели во град прибежати»⁷⁷. Басмановы наспех укрепили город, который от ветхости весь развалился, и отбили несколько нападений татар. Из этого эпизода видно, что А. Д. Басманов был дельным и мужественным воином. За это царь наградил Басмановых золотыми.

Курбский отзывается о Басмановых с большим презрением. Федора он называет «любовником» царя Ивана, «яже последи (т. е. впоследствии. [— С. В.] зарезал рукою своею отца своего, Алексея, преславного похлебника»⁷⁸ царя. Ниже Курбский говорит, что Иван заставлял людей, «отрекшись от естества», убивать своих родственников, «яко и Басманова Феодора принудил отца убити»⁷⁹.

Некоторые иностранные писатели, например Таубе и Крузе, по-видимому, вполне основательно считали Алексея Даниловича одним из главных устроителей опричнины и одним из самых близких к царю лиц в первые годы опричнины. Но если оставить в стороне вопрос об участии Алексея Даниловича в опричнине, то в его многолетней карьере мы не видим ничего, порочащего его память. Совсем иное следует сказать о его сыне Федоре. При всем нежелании касаться частной жизни исторических деятелей, приходится упомянуть, что иностранные писатели и Курбский определенно говорят о том, что Федор предавался с царем «содомскому блудотворению» и этим делал себе карьеру. По словам Шлихтинга, Федор пользовался у царя исключительной милостью и «обычно подводил всех под гнев тирана»⁸⁰.

Карьера Федора Басманова вкратце такова. Он начал служить около 1563 г., когда в полоцком походе «за государем ездил», т. е. был как бы адъютантом. Зачисленный в Опричный двор, Федор в

⁷⁷ ПРСЛ, т. XII, стр. 389.

⁷⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 305.

⁷⁹ Там же, стр. 349.

⁸⁰ Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935, стр. 51.

1568 г. был пожалован в кравчие и участвовал в ливонском походе. В 1569 г. он был воеводой из опричницы в Калуге ⁸¹.

Конец Басмановых загадочен. В новиковском списке думных людей Алексей Данилович показан «выбывшим» в 1568/69 (7077). В Синодике опальных упоминается Алексей Данилович и его младший сын Петр, но был ли Алексей Данилович убит по приказанию царя Федором, это неизвестно. Несомненным представляется, что Федор не был казнен вместе с отцом, и, вероятно, совсем не был казнен. В Синодике опальных его имени нет, а во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано: «По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь... 100 рублей». Из этого можно заключить, во-первых, что Федор умер не в опале, а во-вторых, что у царя были какие-то особые мотивы увековечить память Федора (в XVII в. потомки Басмановых говорили, что Алексей и Федор умерли на Белоозере, но этому противоречат записи в Синодике опальных, где записаны только казенные, и запись вкладной книги Троицкого монастыря).

Кроме Басмановых и Ивана Дмитриевича Колодки Плещеева, в Опричном дворе служили четыре брата Очины Плещеевы: Захарий, Иван, Андрей и Никита Ивановичи. Очины принадлежали к одной из младших линий рода Плещеевых, и их ближайшие предки по службе стояли невысоко. Всего в это время было несколько десятков Плещеевых, и выбор царя остановился на указанных лицах, вероятно, потому, что в 1555 г. царь выдал за Захария Ивановича замуж астраханскую царицу Ельякши ⁸². Этот политический брак обеспечил Захарию Ивановичу милостивое отношение царя. В полоцком походе в 1563 г. Захарий Иванович был при царе «в окольных местах», а затем, в том же году, был пожалован чином окольного. В 1565 г. Захарий Иванович со своими братьями был принят в Опричный двор. В 1566 г. Захарий Иванович чем-то вызвал подозрения царя и должен был дать по себе поручную записку ⁸³. Продолжая после этого служить, Захарий Иванович в ливонском походе 1568 г. был воеводой у царя «для посылок», т. е. особых поручений, в 1569 г. как опричный воевода принимал участие в действиях против Изборска, захваченного Литвой, а после этого вернулся с царем в Александрову слободу. Казнен в конце 1570 г. или в самом начале 1571 г.

Иван Очин, младший брат Захария, в 1550 г. как тысячник получил поместье под Москвой, в 1555 г. был в казанском походе, в 1556—1558 гг. был наместником в Чернигове, а затем «на году» в Кавани, в 1560 г. — в ливонском походе, в 1562 г. — в Смоленске, а в 1564 г. — опять в ливонском фронте, в походе под Озериче. Время казни его неизвестно. Кажется, он был казнен в связи с делом Алексея Даниловича Басманова.

⁸¹ Сибирский сборник, стр. 20—21.

⁸² ПСРЛ, т. XX, ч. II, стр. 558.

⁸³ СГГД, т. I, № 195, стр. 560—561.

Андрей и Никита Ивановичи Очины пережили царя Ивана, и много позже, при царе Федоре, Никита получил чин окольного.

Поле в Григорий Осипович. Полевы были потомками смоленских князей. Родоначальником их был Александр Борисович Поле, боярин вел. кн. Василия Дмитриевича. Отец Григория, Осип Васильевич, бывал в полковых воеводах и в последний раз упоминается в 1562 г. как воевода на Луках Великих. Григорий был в это время юношей. В опричнине он упоминается в 1568 г. как рында в походе, а затем как воевода из опричнины во Мценске. В 1571 г. в октябре на третьей свадьбе царя он нес церковное вино, а затем в том же году был головой в полках. Умер вскоре после этого, кажется, в 1572 г.

Поливановы Константин и Иван Дмитриевичи. О службе в опричнине Поливановых по разрядам и летописям известно только относительно Константина и Ивана Дмитриевичей, но весьма вероятно, что из множества Поливановых — современников царя Ивана были и другие опричники.

Константин Дмитриевич начал служить перед 1549 г. В 1549 г. он был поддатнем у рынды в походе с царем. В 1550 г. в числе лучших дворовых слуг Константин Дмитриевич получил поместье под Москвой. Перед учреждением опричнины он был в числе тех немногих дворян, которые были посвящены в замыслы царя. Царь Иван посылал его из Александровой слободы в Москву к гостям, торговым и «всяким» людям с милостивой грамотой и поручением растолковывать в соответствующем духе намерения царя. В 1568 г. Константин Дмитриевич был воеводой из опричнины во Мценске, а в 1569 г. — в Калуге. В 1570 г. он принимал видное участие в карательной экспедиции в Новгород и Псков. После погрома Новгорода он руководил взысканием штрафа, наложенного на новгородские монастыри.

Новгородские летописи сообщают, что в октябре 1570 г. «повезли из Новгорода к Москве казну, которую правил Костянтин Поливанов да Угрим Васильев Безопишев на монастырех, тринадцать тысяч»⁸⁴. Помощниками Поливанова и Безопишева были 27 чел. опричных детей боярских, которые правили деньги на монастырях, «у всякого монастыря по сыну боярскому». В январе 1571 г. Поливанов и Безопишев, исполнив все поручения, со своими помощниками отправились в Москву⁸⁵.

В 1576 г. Константин Дмитриевич был головой в полках в походе, а в 1580 г. — головой же при воеводах в Пскове во время осады его Баторием. Отмечу еще, что в 1564 г. он был в числе поручителей по боярине Иване Васильевиче Шереметеве⁸⁶.

Иван Дмитриевич, брат Константина, был менее значительным человеком. В разрядах он упоминается только раз — в царском по-

⁸⁴ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 101.

⁸⁵ Там же, стр. 101—102.

⁸⁶ СГГид, т. I, стр. 497.

ходе 1568 г. он был дворянином при царском стане. Охрану своего стана царь поручал самым доверенным и близким людям.

По родословным преданиям, Поливановы происходили от татарина Золотой Орды Кочевы, выехавшего в Москву при вел. кн. Дмитрии Донском.

Боярским родом Поливановы никогда не были, и в Государев родословец их род не попал, но в частных родословцах различного состава род Поливановых встречается всегда. Родовые гнезда Поливановых были в существующем ныне под Подольском селе Поливанове на Пахре (в 14 км от Подольска) и в деревне Поливановой (в 4 км от Подольска). При царе Иване в дворянах служили 22 чел. Поливановых: 15 чел. — по Москве, 5 — по Можайску, а по Боровску — опричник Константин Дмитриевич и Семен Андреевич.

На службе в Опричном дворе Константин и Иван Дмитриевичи никакой карьеры не сделали. В XVIIв. заметно значительное понижение служебного уровня Поливановых. Объясняется это, по видимому, тем, что они, не выдвигая из своей фамилии выдающихся людей, в то же время довольно успешно размножились.

Пронские, князья Петр и Семен Даниловичи. После бегства в Литву в 1521 г. последнего рязанского князя, Ивана Ивановича, род рязанских князей был представлен только князьями бывшего Пронского удела. Пронский удел был ликвидирован в середине XV в., т. е. тогда, когда рязанские князья еще были независимы от Москвы. Вероятно, в связи с этим кн. Юрий Федорович Пронский «отъехал» в Литву. На службе в Москве Пронские появляются не ранее княжения Василия III.

Для общей характеристики Пронских приведу несколько справок.

Юрий и Федор Дмитриевичи были боярами у кн. Андрея Ивановича Старицкого. Их братья Иван и Даниил служили великому князю, причем Даниил в 1547—1551 гг. был боярином. В 1538 г. бежали в Литву Семен и Андрей Глебовичи. При царе Иване выдающимся представителем фамилии был Иван Иванович Турунтай, пожалованный в бояре в 1549 г. и казненный в 1569 г.

В Опричный двор были приняты сыновья боярина Даниила Дмитриевича Петр и Семен.

Петр Данилович в 1544 г. был воеводой в Коломне, а в 1547 г. — в Туле, в 1550 г. — в Зарайске, в 1551 г. — на годовой службе в Василегороде, в 1553 г. — в Новгороде Северском. В 1556 г. в походе царя он был в сторожах царского стана, а в начале опричнины служил в Чебоксарах. В 1567 г. в опричнине он был пожалован в бояре и в 1571—1572 гг. был наместником опричной половины Новгорода. Умер благополучно своей смертью в 1577 г.

Семен Данилович в 1558 г. был воеводой в Дедилове, в 1560 г. — на ливонском фронте в главном полку кн. Мстиславского для особых поручений, в 1564—1565 гг. — на службе в Торопце, а в самом конце опричнины, в 1571 г., пожалован в бояре. Умер в 1584 г.

Пушечниковы. В опричнине служил Семейка (Семен) Андреевич Пушечников. Весьма возможно, что, кроме него, опричниками были и другие представители рода Пушечниковых, но пока прямых указаний на это мы не имеем. Семейка упоминается как поддатец у рынд в царских походах 1570—1572 гг.⁸⁷ При приеме Антония Поссевина (1581 г.) Семейка упоминается как дворовый жилец.

Пушечниковы были старым родом великокняжеских дворовых слуг. За это говорит то, что в XVI в. Пушечниковы представляются многочисленным, сильно разросшимся и расселившимся по разным уездам родом, многие представители которого служили по дворовому списку.

Василий Васильевич Пушечников в 1498 г. упоминается как «судный муж» при писцах Юрьевского уезда. В 1550 г. он был позжанпином на свадьбе кн. Василия Даниловича Холмского. Несомненно, он служил по дворовому списку. В тысячу 1550 г. попали Григорий Васильевич Желобов (выбор по Туле) и будущий опричник Семейка Андреевич Ширяев (по Волоку Ламскому). В Тетради дворовой записано 10 Пушечниковых: Семейка и Михаил Ширяевы, Григорий Васильевич Желобов, Федор, Михаил и Шарап Васильевичи, Юрий и Богдан Федоровичи, и Никифор Васильевич с сыном Матвеем. В неполном боярском списке 1577 г. записаны как выбор из городов: Василий и Петр Ширяевы, младшие братья опричника Семейки, Юрий Субботин⁸⁸ и Юрий Федорович.

В XVII в. по несколько человек Пушечниковых и Желобовых все время служили в жильцах и стряпчих, а некоторые даже в стольниках. Высшим достижением Пушечниковых была карьера потомков Петра Андреевича Ширяева. Его сын Иван в 1622—1658 гг. был стольником, внук Лаврентий Иванович служил в жильцах и в стряпчих. Наконец, Василий Лаврентьевич с 1658 г. упоминается в чине стряпчего, в 1671—1675 гг. в чине стольника он был головой у стрельцов, а затем воеводой в Астрахани, в 1677 г. он был воеводой в Казани, в 1680 г. — в Киеве. После этой службы был пожалован в думные дворяне и упоминается в этом чине в 1682—1692 гг. В 1682 г. он был судьей Разбойного приказа.

Ростовские князья: Василий Иванович Темкин, Иван, Осип и Михаил Гвоздевы. Из нескольких десятков ростовских князей, живших при царе Иване, в опричнину были приняты, насколько известно, четыре человека: Василий Иванович Темкин и трое захудалых Приимковых — Иван, Осип и Михаил Гвоздевы.

Василий Иванович Темкин перед опричниной служил кн. Владимиру Андреевичу Старицкому и был у него боярином. В 1563 г. царь Иван в опале на кн. Владимира Андреевича и его мать взял его дворян «во свое имя», т. е. к себе на службу. Во дворе царя

⁸⁷ Сибирский сборник, стр. 27, 32.

⁸⁸ АМГ, т. I, стр. 45, 46.

Василий Иванович, конечно, не мог рассчитывать на чин боярина и был, вероятно, в «больших дворянах». На ливонском фронте Василий Иванович был взят в плен и в 1567 г. обменен на Довойну. По возвращении из плена В. И. Темкин был пожалован в бояре и принят в опричнину. Как боярин из опричнины он упоминается в октябре 1569 г. во вкладной книге Симонова монастыря.

В мае 1571 г. В. И. Темкин был воеводой передового опричного полка в походе с царем против Девлета. После бегства царя в Ростов и сожжения Москвы Девлетом Василий Иванович Темкин был казнен одновременно с опричным главнокомандующим кн. Михаилом Черкасским, на которого пала главная ответственность за поражение московских полков. В Синодике опальных В. И. Темкин показан казненным с сыном Иваном.

В опричнине были также незначительные в служебном отношении братья Приемковы: Иван, Осип и Михаил Федоровичи Гвоздевы. По сообщениям иностранцев, гибель в опричнине Осипа Гвоздева была вызвана совсем не политическими соображениями. По своему чину (стольника?) Осип Гвоздев прислуживал царю за столом и потешал его непристойными шутками. Однажды его сальность показалась царю неудачной, и он собственноручно убил неудачливого шутника.

Про Ивана Федоровича Гвоздева Таубе и Крузе говорят, что он был отравлен по приказанию царя. Мне представляется более вероятным сообщение Шлихтинга, что Иван умер от морового поветрия, т. е. от чумы, в 1570 г.

Михаил Гвоздев пережил опричнину и в 1572 г. был наместником в Костроме, в 1574 г. — воеводой в Орле. В бою под Кесью в 1579 г. он был взят в плен и умер в Литве, не оставив потомства.

Сабуров. Замятня Иванович Кривой. Сабуровы были старшей линией рода Зернова (в родословцах — род Захария Чета). Второй линией рода были Годуновы, а младшей — Вельяминовы Зерновы. В XIV—XV вв. Зерновы и Сабуровы занимали первые места в боярской среде. Размножаясь и мельчая, Сабуровы с конца XV в. вытесняются из первых рядов боярства княжатами. Брак вел. кн. Василия с Соломонией Юрьевной Сабуровой не поправил их положения. Отец Соломонии, Юрий Константинович Сверчков, был пожалован в бояре, и этим все ограничилось. В 1514 г. в кравче был пожалован брат Соломонии Иван Юрьевич, но позже, в связи с разводом и пострижением Соломонии, «отставлен».

Затем, при вел. кн. Василии, в думе были: Андрей Васильевич (сын боярина) (с 1510 г. — окольный, в 1532—1534 гг. — боярин) и Федор Семенович Муса Пешков (окольный в 1516—1519 гг.).

При царе Иване в думе был только племянник Мусы Семен Дмитриевич Пешков, умерший в 1561 г. Таким образом, перед учреждением опричнины в думе не было ни одного Сабурова. В 1564 г., по свидетельству родословцев, был казнен при неизвестных обстоятельствах Григорий Степанович Пильмов. При учреж-

Денни опричинны царь Иван взял к себе только одного Сабурова — Замятню Кривого, сына окольного Ивана Юрьевича и родного племянника Соломонни.

В опричнине, насколько известно, Замятня ничем не отличился и был казнен летом 1571 г. в Новгороде, когда, по свидетельству летописей, царь Иван «многих» детей боярских «метал» в Волхов. Один частный родословец сообщает: «Замятня, бездетен: казнил его царь... в 7079-м году, посадил его в Волхов»⁸⁹.

Курбский в рассказе о казни Замятни говорит, что он был казнен с женой и шестилетним сыном⁹⁰. По-видимому, это — ошибка. По Синодику опальных были казнены в разное время, кроме Замятни, Никита с женой и пятью детьми и Семен Борисович Вислоуховы. В ноябре того же 1571 г. царь Иван женил своего сына, царевича Ивана, на Домне Сабуровой, дочери Богдана-Феофана Юрьевича Вислоухова, и в связи с этим пожаловал в бояре отца Домны Богдана и младшего брата казненных Никиты и Семена, Василия Борисовича. При царе Федоре в думу попали, в чине окольных, Иван Иванович и Семен Федорович Сабуровы. Царь Борис относился холодно к своим старшим сородичам, и при нем никто из Сабуровых в думу не попал. Тем не менее катастрофа, постигшая Бориса и всех Годуновых, сильно отразилась на Сабуровых и, можно сказать, добила их.

Приближение самозванца к Москве вызвало мятеж — «бояре и всякие люди Росстриге крест целовали», а затем «миром всем народом грабили на Москве многие двory боярские и дворянские и дьячьи, а Сабуровых и Вильяминовых всех грабили». Сабуровы присягнули самозванцу, но тем не менее по недружбе П. Басманова были арестованы, а затем с женами и детьми разсланы в отдаленные города, где многие из них погибли⁹¹.

При царе Василии Сабуровы были возвращены из ссылки, и брат злополучной Домны, Михаил Богданович, был пожалован в бояре. Михаил Богданович, последний думец из рода Сабуровых, был убит «вором» Петрушкой на воеводстве в Цареве Борисове.

Сицкие, князя: Василий Андреевич и его сыновья Василий Коняка и Федор. Сицкие (правильнее Ситские) были отраслью рода ярославских князей Моложского удела. Фамилия — по р. Сити, притоку Мологи, в бассейне которой были родовые вотчины Сицких.

Василий Андреевич, женатый на Анне Романовне Юрьевой, родной сестре царицы Анастасии, попал в Опричный двор, несомненно, по свойству с царем. Он начал служить в середине века, в 1555 г. был воеводой в казанском походе, в следующем году стал

⁸⁹ ЦГАДА, рукопись бывшего Архива Министерства иностранных дел, № 27, л. 58.

⁹⁰ РИБ, т. XXXI, стр. 304.

⁹¹ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, стр. 201—202.

рязанским дворецким, а в 1559 г. был пожалован в окольные. Так как до этого никто из князей Сицких в думных чинах не был, то Василий Андреевич, несмотря на свойство с царем, до боярства не дослужился. На службе в опричнине он ничем не отличился и был убит в 1578 г. в бою под Венденом. Сыновья Василия Андреевича Василий Ковьяка и Федор в царских походах 1568—1572 гг. бывали не раз рындами у царя и у царевича Ивана. Оба умерли в молодых летах: первый — в 1572 г., а второй — несколько позже.

Даниил Юрьевич Меньшого Сицкий при учреждении опричнины был сослан на житье в Казань, а в 1568 г. казнен. В июле 1568 г. его жена сделала вклад Ферапонтову монастырю.

Совины: Андрей Григорьевич Коляс, Федор Григорьевич Баланда Кривой, Петр Григорьевич, сын Петра Кузьма Петрович и Григорий Павлович Меньшой Тархов. Совины происходили из послужильцев воротыньских князей. В середине века они в большом количестве служили в дворянах. В 1550 г. воротыньцы Иванец, Никита, Петр, Петрок и Семен Григорьевичи как «выбор из городов» получили добавочные поместья под Москвой. В Тетради дворовой записаны: по Воротынску — Григорий Иванович с сыновьями Никитой, Иваном, Петром Меньшим, Андреем и Семеном, Тимофеем Юрьев и Михаилом Федоров, а по Мещовску — Петр Большой Григорьевич.

Для характеристики служб Совиных перед учреждением опричнины приведу следующие справки. Григорий Иванович в 1538 г. — гонец в Крым⁹². Его сын Никита Григорьев убит в 1549 г. под Казанью. Другой сын, Петр Большой, дважды был посланником к ногайским мурзам — в 1557 и 1560 гг.⁹³ В 1563 г. он в чине дьяка с кн. А. М. Ромодановским был в посольстве в Данию. Когда в 1562 г. кн. И. Д. Бельский был арестован за намерение бежать в Литву, приставом у него был Михаил Федорович Совин, а затем в числе поручителей был Иван Григорьевич. Семен Григорьев в 1564 г. был писцом Белева.

На службе в опричнине известны следующие Совины.

Андрей Григорьевич Коляс летом 1569 г. в чине стольника был послан в Англию с деликатным поручением — смотреть и сватать невесту царю Ивану. Это свидетельствует о большом доверии к нему Ивана.

Григорий Меньшой Павлович Тархов в 1568 и 1571 гг. был в подрывах⁹⁴.

Кузьма Петрович в начале своей карьеры, в 1568 г., был в подрывах, а много позже, в 1596 г. — послом в Грузию.

Петр Григорьевич Кривой в 1571 г. был в подрывах, а позже служил в дворянах⁹⁵.

⁹² ПСРЛ, т. XX, ч. II, стр. 445.

⁹³ Там же, стр. 580.

⁹⁴ Сибирский сборник, стр. 21.

⁹⁵ АМГ, т. I, стр. 45.

Петр Григорьевич Большой, принятый в опричнину, служил в дьяконах и писался без фамилии — Петром Григорьевичем.

Отмечу еще, что сестра Петра Григорьевича была замужем за опричником Романом Васильевичем Алферьевым.

Никто из Совиных от опал царя Ивана не пострадал, но нельзя также сказать, что в опричнине или вообще при Иване они сделали карьеру. При царях Федоре и Борисе и позже, в XVII в., они держались на уровне средних дворян и служили в жильцах, стряпчих и стольниках. Отмечу в заключение, что Андрей-Арефа Петрович Меньшого в 1630 г. был послом в Царьград.

Т е л я т е в с к и е, князья Василий Иванович Андрей Петрович Телятевские получили фамилию по своей вотчине, селу Телятеву в Микулинском уезде. Когда в 1562 г. умер последний князь Микулинский, боярин Семен Иванович Пунков, то Телятевские остались самыми значительными представителями рода тверских князей и неизменно пользовались расположением царя Ивана.

Петр Иванович, начавший служить в 1544 г., в 1561 г. был пожалован из окольных в бояре и умер перед учреждением опричнины, летом 1564 г. Карьера его младшего брата, Василия Ивановича, такова. Перед учреждением опричнины он служил наместником в Брянске. Принятый в Опричный двор, Василий Иванович в 1569, 1571—1572 гг. ходил воеводой в опричных полках. В 1575—1576 гг. он был воеводой в полках на р. Оке, а затем — на ливонском фронте. В 1578 г. он был взят в плен в Полоцке и умер в Литве.

Андрей Петрович, родной племянник опричника Василия Ивановича, начал служить около 1555 г. В походах 1557 и 1559 гг. он был при царе в рындах. В полоцком походе он был уже воеводой, а в следующем году, т. е. перед опричниной, был пожалован в думные дворяне. Для сына боярина это было небольшой честью, но следует иметь в виду, что в это время царь Иван был очень скуп на пожалования в думу. В опричнину Андрей Петрович был принят в самом начале и как воевода из опричнины служил в Болхове. В походе 1568 г. Андрей Петрович был при царе для «посылок», т. е. для особых поручений.

Нет возможности сказать, какова была бы карьера Андрея Петровича, если бы он не умер в 1569 г. на службе в Калуге.

Т р у б е ц к и е, князья Федор Михайлович и Никита Романович. Трубецкие начали служить в Москве во дворе великих князей довольно поздно. По родословцам, последним удельным князем Трубецка был кн. Андрей Иванович, который в разрядах упоминается на воеводстве в Брянске в 1535 г. Как и при каких обстоятельствах Трубецкие утратили права удельных князей, остается неизвестным. Судя по тому, что Богдан Александрович упоминается на воеводствах в 1531—1553 гг., можно думать, что ликвидация Трубецкого удела произошла перед 1531 г. Единственным представителем рода князей Трубецких (в этом колене) в

думном чине был Семен Иванович Персидский, пожалованный в 1535 г. в бояре и умерший в 1558 г.

В следующем колене рода Трубецких было семь человек. Они служили в «стратилатских чинах», как выражался Курбский про полковых воевод, но ни один из них в думу не попал. Все они умерли до опричнины. Последним умер в год учреждения опричнины Александр Богданович, по душе которого царь Иван дал Свеяскому монастырю 50 руб. Таким образом, с 1558 г., когда умер Семен Иванович Персидский, в думе Трубецких не было.

Возвышение Трубецких начинается в опричнине. Старшим в роде был Федор Михайлович. Он начал служить незадолго перед опричниной и в 1564 г. упоминается в разрядах на воеводстве в Деделове. Принятый на службу в Опричный двор, Федор Михайлович в год отмены опричнины был пожалован в бояре. Через Федора Михайловича и прочие Трубецкие попали в милость к царю Ивану. На свадьбе царя с Марфой Собакиной (1571 г.) присутствовали Федор Михайлович с женой, матерью и теткой, вдовой Василия Андреевича. На свадьбе царя с Анной Васильчиковой (1575 г.) были опять Федор Михайлович с женой и матерью, Андрей Васильевич и Никита и Тимофей Романовичи (последний был отцом известного тушинского боярина Дмитрия Тимофеевича). Однако в думу при царе Иване, кроме Федора Михайловича, никто из Трубецких не попал.

Никита Романович по своему возрасту начал служить много позже и упоминается в опричнине весной 1572 г., когда он был рындой в походе с царем⁹⁶.

При царе Федоре в бояре были пожалованы Никита и Тимофей Романовичи, а при царе Борисе — Андрей Васильевич.

Хворостинины, [князья], Дмитрий, Федор, Андрей-Карло и Петр Ивановичи Хворостинины были отраслью рода ярославских князей Ухорского удела. Первый князь этой фамилии, Иван Михайлович, с 1538 по 1564 г. был воеводой во многих походах и получил чин окольного. Перед учреждением опричнины он был, по-видимому, отставлен от полковой службы, а затем постригся в Ростовском Борисоглебском монастыре. Умер он в 1571 г. Все четыре сына Ивана Михайловича служили в опричнине.

Дмитрий Иванович в 1559 г. был воеводой в Шацке, в 1560 г. — в Нижнем Новгороде, в 1562 г. — на ливонском фронте, а в следующие годы в походах к Полоцку и Лукам Великим был при «государе». Принятый в Опричный двор, он был пожалован перед 1569 г. в окольное и как воевода из опричнины служил в Калуге и на ливонском фронте. Боярство он получил в год смерти царя Ивана. Умер в конце века.

Федор Иванович в 1560 г. был головой в полках в Туле. В опричнине получил в 1569 г. окольное, в 1577 г. был дворецким

⁹⁶ ДРВ, ч. XIII, стр. 417.

Большого дворца. При царе Федоре получил боярство. Умер в 1608 г., постригшись у Троицы (в иноках Феодосий).

Андрей Иванович Карло или Старко, отец известного автора повести о Смутном времени («Словеса дней и царей и святителей московских»), в 1568 г. был рындой с саадаком при царе, в 1572 г. был головой в полках при царевиче, а затем, в 1573 г., — в Новосили, в 1575 г. — воеводой в Деделове; в 1577—1579 гг. — в Коломне; в 1581 г. сидел в осаде в Пскове, в 1583 г. участвовал в походе на черемису, в 1585 г. служил в Тарусе. В 1593 г. при царе Федоре был пожалован в окольные. Умер в 1604 г.

Петр Иванович в 1565 г. был гошном с наградными золотыми в полки. В походе царя 1571 г. был рындой с саадаком. В самом конце опричнины был пожалован в окольные и в августе 1572 г. был на береговой службе на Оке, в 1577 г. — в Деделове, в 1578 г. — на ливонском фронте. Умер бездетным.

Хованский, кн. **Андрей Петрович**. Князя **Борис** и **Петр-Андрей Петровичи** Хованские по родству со старецкими князьями служили кн. **Владимиру Андреевичу** Старицкому и были у него боярами, а **Андрей** также и дворецким.

В 1560 г. дворецкий кн. **Владимира Андреевича**, был воеводой в ливонском походе. В 1563 г. царь **Иван** постриг в опале и сослал на Белоозеро кн. **Ефросинью**, а дворян ее сына кн. **Владимира** взял к себе на службу. После этого **Андрей Петрович** стал служить как царский воевода: в 1564 г. — в Брянске, в 1565 г. — в ливонском походе. В 1567 г. он был наместником в Пронске, но, кажется, еще не был в опричнине. Во время походов 1570—1571 гг. против хана **Девлета** **Андрей Петрович** был уже, несомненно, в опричнине. После отставки опричнины он продолжал служить в «стратилатском чине», т. е. в воеводах, и участвовал в 1573 г. в походе на черемису, в 1575 г. был на береговой службе, а в 1577—1578 гг. — в ливонских походах, но до боярства не дослужился.

Интересно отметить, что царь **Иван**, поставив царя **Симеона** великим князем Московским, назначил к нему в бояре кн. **Бориса Петровича**, а кн. **Дмитрия Васильевича Хованского** — в дворяне.

Чеботов **Иван Яковлевич**. **Чеботовы**, **Чулковы** и **Жулебины** были второй линией рода **Акифа Великого** (род **Ратши**). При царе **Иване** единственным представителем первой линии был известный боярин **Иван Федоров**, третьей линией были многочисленные **Бутурлины**, к четвертой линии принадлежали фамилии **Мятлевых**, **Слизневых** и **Уиных Слизневых**. Младшей линией были **Челядины**, вымершие в годы малолетства царя **Ивана**.

При царе **Иване** в окольных были **Дмитрий Андреевич Чеботов** (1555—1562 гг.) и **Иван Иванович Чулков** (с 1557 г., «выбыл» в 1568 г.).

Иван Яковлевич был двоюродным братом **Дмитрия Андреевича**. Будучи еще молодым человеком, **Иван Яковлевич** летом 1551 г. был пожалован в окольные, принимал участие во взятии **Казани**,

в 1557 г. был воеводой в Калуге, в 1559 г. пожалован в бояре. В числе советников царя при учреждении опричнины иностранные писатели называют и Ивана Яковлевича.

Стоит отметить, что в год учреждения опричнины он сделал Ростовскому Борисоглебскому монастырю большой вклад — «сельцо старое в Ростове», 1000 четвертей ржи и 500 четвертей овса «за свое здравие и по своих родителей и за тя дачю за Иваново здравие бога молити по вся дни на молебсех и на обидне»⁹⁷.

В феврале 1570 г. Иван Яковлевич еще упоминается как боярин в опричнине, а в том же году, во всяком случае не позднее 1571 г. подвергся опале. В виде особой милости Иван Яковлевич получил разрешение постричься и ушел от мира в Ростовский Борисоглебский монастырь, причем сохранил свою вотчину в Ростове. В 1573 г. борисоглебский старец Иона Чеботов продал за 900 руб. свою ростовскую вотчину Третьяку Кондратьевичу Яковлеву (Троицкие акты). В упомянутом выше издании Титова записаны еще три вклада Ивана Яковлевича, всего 400 руб., да после его смерти «остался» 50 руб.

Щербатовы, князя Дмитрий, Осип и Иван Михайловичи. Щербатовы были младшей и самой слабой линией рода князей Оболенских. В то время как старшие фамилии — Курлятевы, Стригины, Репнины, Горенские, Серебряные, Щешны, Телпневы, Капины — более полутораста лет бывали в боярах и других думных чинах, Щербатовы лишь в порядке редкого исключения бывали в полковых воеводах и в головах. О службах Михаила Васильевича, отца опричников, ничего не известно.

Дмитрий Михайлович сначала служил кн. Владимиру Андреевичу Старицкому. Принятый в опричнину, он был воеводой: в 1566 г. — в Шацке, в 1571 г. — в Хотуни и в Тарусе, в 1575 г. — в Кореле, в 1578 г. — в Полоцке, где взят в плен в Литву.

Осип Михайлович сначала тоже служил кн. Владимиру Андреевичу. Принятый в опричнину, он был в 1565 г. воеводой в Невле. В конце опричнины, в 1572 г., он был пожалован в окольные. Умер в 1576 г.

Иван Михайлович Сница тоже служил в Старицком уделе⁹⁸.

Служба в опричнине трех Щербатовых не принесла большой пользы их сыновьям. Савва Дмитриевич в 1602 г. был воеводой в Валуяхах. Лука Осипович в 1600 г. был воеводой в Тюмени, а в 1613—1617 гг. заведовал Пушкарским приказом.

[1951 г.]

⁹⁷ А. А. Титов. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII, XVIII столетиях. Ярославль, 1881, стр. 34.

⁹⁸ О службах Ивана Михайловича см.: Сибирский сборник, стр. 74, 77, 80, 102, 105, 107; о службах Осипа Михайловича см.: там же, стр. 27, 32, 36, 38, 39, 46, 47, 54, 56, 63.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПОЛЯЦИЯХ ХРУЩЕВСКОЙ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

Во II томе румянцевского Собрания государственных грамот и договоров было напечатано «Воззвание (в списке) государя царя Иоанна Васильевича к приглашенным из городов всякого звания людям и ко всему собравшемуся в Москве, пред Лобным местом, народу: о прекращении вопиющих притеснений, налогов и несправедливостей, в судах укоренившихся, от управления государством бояр в продолжение малолетства государева; о строгом наказании за подобные впредь злодеяния, и о пожаловании в околышчиче Алексея Адашева для принятия челобитен от обидимых и для защиты немощных от руки сильных — 1550 года в воскресенье»¹.

Это «Воззвание» было известно уже Н. М. Карамзину, и напечатанные им в примечаниях к VIII тому «Истории государства Российского» выдержки не оставляют сомнения в том, что они, а также список «Воззвания», напечатанный в Собрании государственных грамот и договоров, были заимствованы из одного и того же источника — так называемой Хрущевской Степенной книги, хранящейся в Коллегии иностранных дел².

Высокий авторитет Карамзина и редакторов Собрания государственных грамот обеспечил «Воззванию» юного царя полный успех. Карамзин и позже Н. П. Лихачев отмечали некоторые хронологические несообразности в речах Грозного, но в целом генеалогическая фальшивка конца XVII в. была принята историками на веру как памятник летописания Ивана Грозного. По выражению С. Ф. Платонова, это был «один из прославленных памятников слова Московской Руси»³.

¹ СГГД, т. II, № 37, стр. 45.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. СПб., 1892, примечания, стр. 24, 25, № 182, 184.

³ С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 245

Трудно преувеличить вред, причиненный этим «прославленным памятником слова» нашей историографии. За отсутствием других источников на нем основывались представления некоторых историков о необычайно ранней зрелости государственной мудрости Ивана Грозного, а с другой стороны, — о художественной натуре царя Ивана и о его склонности к театральным эффектам. Историки земских соборов из этого же источника черпали свои сведения о созыве мудрым царем «первого» земского собора, о демократизме Ивана Грозного, выразившемся в решимости царя повести борьбу с корыстным и реакционным боярством. Продолжая идти в том же направлении, иные историки находили возможным приписывать лично самому Ивану едва не все реформы середины XVI в.

Представляется весьма полезным привести несколько примеров, ибо новейшие историки отказываются, в виде общего правила, от вымыслов и литературных прикрас предшественников, но далеко не всегда превосходят их в критическом отношении к источникам.

Карамзин со свойственной ему манерой литературных прикрас писал: «Юное, пылкое сердце его (т. е. царя.— С. В.) хотело открыть себя пред лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина пли состояния, для важного дела государственного»⁴. Свой рассказ о сцене на Лобном месте, довольно близкий к источнику, Карамзин заключает словами: «Народ плакал от умиления вместе с юным своим царем»⁵.

Всегда солидный и неизменно благоразумный С. М. Соловьев по поводу речей Ивана Грозного писал: «Молодой царь нашел в себе силы окончательно порешить с прошедшим, которое сильно тяготило его...» «Несчастное положение Иоанна с раннего детства заставляло его постоянно защищать себя в собственных глазах и пред другими людьми: отсюда его речи и письма обыкновенно или защитительные в свою пользу, или обвинительные против врагов своих...» «Теперь он хотел защитить себя пред народом, сложить вину всего прошедшего зла на людей, которых он не переставал называть своими врагами, как мы видели из речи его на соборе». В заключение Соловьев говорит: «Так кончилось правление боярское»⁶.

Д. И. Иловайский по своим приемам пользоваться источниками был не выше Соловьева, а в красочности и занимательности исторического повествования успешно подражал Карамзину. Живо пересказывая своими словами «Воззвание» Ивана Грозного, он

⁴ Н. М. Карамзин. История государства российского, т. VIII, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 66.

⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 2. СПб., изд. «Общественная польза», стр. 44—46.

упоминает о «густых толпах народа», которые теснились у Лобного места и слушали блестящую речь юного царя⁷. Повторив, по существу, высказывания Соловьева, Иловайский прибавляет тему, которую охотно разрабатывали последующие историки. «Иван IV в эти дни торжественно и красноречиво показывал, что время боярского самовластия миновало, что он берет в собственные руки судьбы управления, что в помощь себе избирает людей незнатных и небогатых, а на родовитых бояр как бы налагает опалу, чтобы удовлетворить возбужденному против них народному негодованию и в глазах народа провести резкую черту между государем и боярством»⁸.

Увлечшись пересказом блестящих речей царя, Соловьев и Иловайский как бы забывали, что после 1550 г. прошло еще десять лет, когда, по собственным заявлениям Ивана Грозного в «Послании» к Курбскому, бояре продолжали своевольничать и «сняли» с него всякую власть и что только после удаления Сильвестра и Адашева царь взял бразды правления в свои руки.

М. В. Довнар-Запольский знал об открытии С. Ф. Платонова, но, не задумываясь над этим вопросом, пошел много дальше своих предшественников. После общих рассуждений о том, что в XVI в. люди рано созревали для практической деятельности, Довнар-Запольский смело приписывает лично Ивану Грозному все реформы середины века, начиная с введения губных старост в 1546 г.

Сомнения относительно Земского собора 1550 г. были высказаны еще В. О. Ключевским, а затем М. А. Дьяконов доказал, что такого собора не было, но Довнар-Запольский верит в созыв собора, в речи, произнесенные царем ко всем москвичам, и выражает только сожаление, что «текст речи, как недавно доказано (Платоновым. — С. В.), внушает сомнения в своей подлинности»⁹. Сомнения относительно «текстуального состава речи» Довнар-Запольский устраняет ссылкой на «Деяния» Стоглавого собора, на те именно места, которые были использованы Хрущевыми для фальсификации речей Ивана Грозного¹⁰.

Рассуждения М. В. Довнар-Запольского показывают, как прочно держатся в историографии раз укоренившиеся ошибки и заблуждения.

Невозможно сказать, сколько времени продолжались бы заблуждения историков относительно «Воззвания» царя Ивана к народу, если бы не счастливая случайность.

С. Ф. Платонов, подготавливая второе издание своих «Памятников Смутного времени», обратил внимание на Хрущевский сборник, в котором, кроме Степенной книги, находились «Сказание

⁷ Д. И. Иловайский. История России, т. III. М., 1890, стр. 176.

⁸ Там же, стр. 177.

⁹ М. В. Довнар-Запольский. Русская история в очерках и статьях, т. II. М., 1910, стр. 186.

¹⁰ Там же, т. II, стр. 186, 187.

Авраамия Палицына», «Казанская история» и другие памятники¹¹.

Ознакомившись со сборником, Платонов обнаружил следующую. Стенная книга, как и весь сборник, является рукописью XVII в. На сборнике сделана надпись: «Книга градограф околничего Семена Семеновича Колтовского», известного по боярским книгам в этом чине в 1691 г. Позже рукопись принадлежала Андрею Хрущеву, известному «конфиденту» и сообщнику Артемия Волынского, казненного вместе с ним в 1740 г.

С. А. Белокуров выяснил, что библиотека А. Хрущева, состоявшая из книг на французском, голландском, итальянском и русском языках, при конфискации его имущества была сдана в Архив Иностранной коллегии, откуда дошла до нас¹². Знаменитые речи Ивана Грозного были вставлены в Стенную книгу непосредственно после рассказа о московском пожаре 1547 г. Вставка сделана очень грубо, таким образом: вместо 518-го листа рукописи, т. е. двух страниц, «к оставшемуся его корешку частью пришит, частью приклеен сложенный лист (т. е. четыре страницы)», на которых и написаны речи Ивана Грозного. Эти речи и были предметом интерполяции Хрущевской Стенной книги, текст которой «не отличается от обычного текста Стенной книги»¹³.

Далее С. Ф. Платонов отметил в рукописи еще такую же замену одного листа (469-го) и писал: «Предстоит еще определить количество и тенденцию вставок и замен в рукописи, на что пишуший эти строки не имел времени»¹⁴. Свою небольшую статью Платонов закончил несколькими общими замечаниями.

Несообразности интерполяций, на которые обратил внимание еще Карамзин, Платонов объяснил возможными заимствованиями из переписки царя Ивана с Курбским и из «Деяний» Стоглавого собора. В заключение Платонов со свойственной ему осторожностью писал, что он отнюдь не настаивает на своих догадках относительно фальсификации речей Ивана Грозного, и призывал палеографов заняться надлежащим исследованием Хрущевской Стенной книги¹⁵.

На призыв С. Ф. Платонова откликнулся П. Г. Васенко. Он произвел палеографическое обследование «Градографа» С. С. Колтовского и пришел к следующим выводам.

¹¹ Впервые «Памятники Смутного времени» вышли в XIII томе «Русской исторической библиотеки», изданной Археографической комиссией в 1891 г.; затем — в 1909 г.

¹² С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. 88, 89.

¹³ С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории, стр. 222.

¹⁴ Там же, стр. 222—223.

¹⁵ Небольшая статья Платонова, напечатанная в мартовской книжке Журнала [Министерства] Н[ародного] Пр[освещения] за 1900 г., была затем перепечатана в сборнике его «Статей по русской истории» (СПб., 1903).

В списке Степенной книги обычного состава сделано три вставки. Вторая вставка не представляет интереса, так как является простым перемещением одного листа, т. е. двух страниц, чтобы дать место для первой вставки. Все три вставки «сделаны на одной и той же бумаге, отличающейся от остальной бумаги списка и форматом, и качеством»¹⁶. Все вставки написаны одним почерком — «грубым полууставом исхода XVII века». «Для помещения вставок употреблены одинаковые приемы: вырезаны листы рукописи и вместо них пришиты или приклеены новые, причем 7 листов старого текста заменены 9 листами вновь написанного...» «Перечисленные факты заставляют нас утверждать, что все вставки сделаны одним и тем же лицом и одновременно»¹⁷.

Далее П. Г. Васенко, выходя за пределы палеографического обследования рукописи, сделал попытку выяснить автора и тенденцию вставок, но в этих вопросах у него не оказалось достаточной осведомленности по истории дворянства и его генеалогии.

Все сомнения П. Г. Васенко и оставленные им без решения вопросы разрешаются вполне удовлетворительно рассказом о некоторых событиях «исхода XVII века», к которому Васенко вполне правильно приурочивает Хрущевский сборник и сделанные в нем вставки.

Ввиду того, что по вопросу об отмене местничества в нашей историографии существуют не вполне правильные мнения, приходится сделать небольшое отступление и дать некоторые фактические справки. В конце 1681 г. в Москве было созвано совещание выборных от служилых людей «для устройства и управления ратного дела». В связи с этим выборные высказались за отмену местничества и за составление новой родословной книги дворянских родов. Указ о составлении новой родословной книги был дан 27 ноября 1681 г.

По этому вопросу необходимо сделать несколько разъяснений. Дело в том, что местничаться, т. е. спорить и затевать тяжбы о местах при служебных назначениях, по старым обычаям имели право только «родословные» люди, а «родословными» людьми считались только представители тех фамилий, которые были записаны в Государеве родословце, составленном около 1556 г., и предки которых не «растеряли» своей «чести», т. е. высокого служебного положения. Между тем в недрах этих старых родов, сильно разросшихся с течением времени, образовались захудалые отрасли и фамилии, «растерявшие», как тогда говорили, свою родовую «честь». Для этих многочисленных представителей «родословных»

¹⁶ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 г. (Посвящается С. Ф. Платову). — ЖМНП, СПб., 1903, № 4, стр. 389.

¹⁷ Там же, стр. 387.

фамилий считалось бесчестьем служить в полках иноземного строя в рядовых и в низших чинах, а не в «начальных людях».

Местнические обычаи давно устарели, были в тягость не только для правительства, но и для самих служилых людей. Местнические споры в это время стали уже редкостью, и вред старых обычаев состоял не в том, что отдельные представители старых родов затевали иногда тяжбы, а в том, что обычаи мешали захудалым представителям тех же родов принимать назначения в полках иноземного строя. Естественно поэтому, что дворяне, созванные на совещание «о ратном устройении», заговорили об отмене местничества. Никто из историков, кажется, не обратил внимания на то, что в разрядной записи об отмене местничества в конце прибавлено, что «в тот же день» разрядные дьяки «стали писать» дворян в рейтары, копейчики и т. д.

Понятно также, почему дворяне высказались за составление новой родословной книги: отмена местничества, с точки зрения всей массы дворянства, вовсе не была отрицанием начала родовитости, «породы» на государственной службе, а была уничтожением той грани, которая отделяла немногочисленную старую «родословную» знать от многочисленной среды дворянства новой выслуги и захудалых фамилий старых родов. Таким образом, в вопросе об отмене местничества интересы государственной службы совпадали с интересами подавляющей массы дворянства.

Отмена местничества и пожелания дворянства относительно составления новой родословной книги были подтверждены соборным приговором 12 января 1682 г. При Разрядном приказе была образована особая комиссия, получившая название Палаты родословных дел, и представителям дворянских родов было предложено подавать в Палату поколенные росписи своих родов как материал для новой родословной книги.

По первоначальным предположениям правительства новая родословная книга должна была состоять из нескольких частей. Пополненный новыми поколениями Государев родословец должен был составить первую часть. Во вторую часть должны были войти дворянские роды, начавшие служить со времени царствования Ивана Грозного и ранее, в третью часть — роды, попавшие в дворовые чины при царе Михаиле, и т. д. Выезжие из-за рубежей роды предполагалось написать в особую книгу. Есть основания думать, что эти широкие проекты захватили служилых людей как бы врасплох в том смысле, что у подавляющего большинства фамилий не оказалось материалов и готовых росписей, а между тем времена для этого непривычного для служилых людей занятия были весьма неблагоприятны. Известно, что после смерти 15 мая 1682 г. царя Федора Алексеевича началась борьба придворных партий и стрельечные мятежи, затем — крымские походы и т. д. Непосредственно после соборного приговора и до смерти

царя Федора, насколько известно, поступило очень немного росписей¹⁸.

Самое большое количество росписей было подано в 1686—1687 гг. Но и это время дело шло с переборами. Так, 5 сентября 1686 г. был дан указ о записи в особую книгу выезжих родов, в котором было прибавлено: «А которые родословных росписей до сего великих государей указу не подали, и у тех ныне росписей не принимать и родов их в те книги не писать»¹⁹.

Тем не менее Палата родословных дел продолжала свою работу, и во второй половине 1687 г. была закончена самая легкая часть задачи — пополнение и обновление Государева родословца. По бархатному переплету, в который была облечена эта часть новой родословной книги, она получила название Бархатной книги, упрочившееся за ней в историографии²⁰.

Палата родословных дел продолжала свои занятия до 1700 г., но походы и другие события последнего десятилетия отвлекали внимание правительства и самих служивых людей, и составление других частей нового родословца не состоялось. Поданные в Палату росписи в количестве более 700 номеров остались в виде сырого материала и дошли до нас частью в подлинниках, частью в копиях XVIII в., представленных в разное время в Герольдмейстерскую контору²¹.

Делопроизводство Палаты родословных дел погибло полностью.

Таким образом, о работе ее мы можем судить по Бархатной книге и по росписям, дошедшим до нас в подлинниках и позднейших списках. Но здесь исследование осложняется тем обстоятельством, что на росписях мы находим обыкновенно отметки разрядных дьяков о времени подачи их в Палату, но для нас остается неизвестным, как обрабатывали их разрядные генеалоги, если бы дело дошло до составления родословной книги, что было бы отвергнуто и что принято как подтвержденное, как выражаются указы, «явным» свидетельством». Под «явным свидетельством» понимали различные грамоты и справки, которые податели росписей прила-

¹⁸ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым, кн. I, отд. III, М., 1850, стр. 23.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых.— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XI, отд. I, СПб., 1903, стр. 52.

²⁰ Единственное издание Бархатной книги, не вполне исправное, без указателей и необходимых комментариев, было сделано Н. Новиковым в 1782 г. под заглавием: «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих». В. Руммель произвел сверху этого издания с подлинником Бархатной книги и результаты своей работы изложил в статье «Несколько слов о Бархатной книге и о печатном ее издании» («Известия Русского генеалогического общества», кн. I, СПб., 1900, стр. 62—63).

²¹ Реестр росписей, составленных в 1741 г., см. в указ[анной] работе Лихачева о Государеве родословце. 163 подлинные росписи хранятся в ЦГАДА, в делах Разрядного приказа, под рубрикой: «Столбцы родословных росписей». (Центральный Архив древних актов. Путеводитель, М., 1946, стр. 217).

гали в подтверждение своих родословий. Изданный в 1895 г. А. Юшковым в «Чтениях Общества истории и древностей российских» сборник под заглавием «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служивых фамилий после отмены местничества» дает некоторое понятие о большой научной ценности различных актов, иногда весьма древних, которые были приложены дворянами к росписям. К сожалению, А. Юшков очень обесценил свое издание тем, что вырвал акты из контекста росписей, не напечатал самих росписей и нигде не подверг свой материал надлежащей критике. Между тем эти «явные свидетельства» правильности и достоверности поколенных росписей были самым слабым местом всего дела.

За неимением у большинства дворянских фамилий готовых родословных, им пришлось наскоро собирать материалы и составлять поколенные росписи задним числом. Всякому, кто занимался генеалогией, известно, насколько это трудная задача, требующая от составителя хорошей подготовки. Само собой разумеется, что у служивых людей никакой подготовки не было, а материалов было очень мало. Еще до XVII в. у многих оказалось на руках довольно много актов о службах их самих и их предков, но события смутного времени произвели большие опустошения не только в государственных архивах, но и у частных лиц. Между тем всем хотелось доказать древность своего рода — так началось сочинение легенд о выездах знатных родоначальников и подделка различных «явных свидетельств», т. е. актов и справок.

Сборник А. Юшкова дает богатую коллекцию всевозможных фальсификаций: в одних случаях целиком поддельных документов, в других, более частых, — подлинных документов с подчистками и интерполяциями. Количество этих подделок и интерполяций в сборнике А. Юшкова так велико, что его с большой пользой для студентов можно было бы использовать на практических занятиях по внешней и внутренней критике исторических источников.

Кроме прилагаемых к росписям документов, мы находим в них ссылки на другие источники. Во многих росписях мы находим ссылки на Тысячную книгу 1550 г., на Тетрадь дворовую времени Ивана Грозного, на вымышленные разряды небывалых походов времени малолетства царя Ивана и десятки разных городов²².

Изредка податели росписей пользовались «явным свидетельством» житий святых и различными летописными источниками. В последнем отношении интересен случай с росписью Савеловых, поданной в 1687 г. Думный дворянин Тимофей Петрович Савелов, пользуясь своим высоким положением, обратился в Палату родословных дел с просьбой запросить справки о его предках и об их поместьях у воевод Великого Новгорода из приказных дел и из

²² Благодаря генеалогам конца XVII в. до нас дошли такие ценные источники (погибшие в правительственных архивах), как десятки: по Кашире 1556 г., по Московскому уезду 1578 и 1586 гг., по Мещере 1590 г. и др.

летописей дома св. Софии: «Есть де в дому Софии премудрости божии старых лет летописец, и в том летописце прапрародитель их Иван Кузьмин сын Савелков явился при великом князе Иване Васильевиче Московском и всеа Росии в Великом Новгороде в боярех»²³. В ответ на запрос Палаты новгородские воеводы отвечали: «В дому премудрости божии в летописце древних лет написано: в лето 6984 в приход великого князя Ивана Васильевича всеа Росии в Великий Новгород Иван Кузьмин сын Савелков в Великом Новгороде в боярех написан. И в лето 6986 при том же великом князе Иване Васильевиче всеа Росии он, Иван, взят к Москве, а животы его и вотчины и поместья отписаны на великого князя»²⁴.

Трудно сказать что-либо определенное по вопросу о том, насколько Палата тщательно проверяла росписи и «свидетельства». Известны случаи, когда Палата подвергала те и другие внимательной критике, но одновременно известно немало случаев поразительного легковерия, невежества и небрежности.

После общих замечаний о дворянской генеалогии конца XVII в. и о составлении после отмены местничества новой родословной книги можно вернуться к Хрущевской Степенной книге.

П. Г. Васенко выяснил, что все вставки Степенной книги сделаны одним почерком, одним лицом и одновременно. Далее он показал, что первая вставка говорит о Колтовских и сделана, несомненно, как выразился Васенко, «в интересах возвеличения рода Колтовских»²⁵. Ниже будет дано более конкретное и ясное объяснение составления первой вставки. Что касается третьей вставки, содержащей речи Ивана Грозного на Земском соборе 1550 г., то относительно ее цели и связи с первой вставкой Васенко был в затруднении, так как в ней упоминается только одно лицо — Алексей Адашев, и по содержанию она не имеет никакой связи с первой вставкой. Возникает вопрос, почему и для чего обе вставки были сделаны «одним лицом» и «одновременно»?

Этот вопрос разрешается справкой из родословия Хрущевых. Дело в том, что Андрей Федорович Хрущев был женат на Анне Александровне Колтовской, внучке окольного Семена Семеновича Колтовского, которому в конце века принадлежал «Гранограф», содержащий, между прочим, и Степенную книгу. Ясно, что «Гранограф» достался А. Хрущеву от Колтовских, быть может «по приданству», т. е. в составе приданого.

Об А. Ф. Хрущеве известно, что он после нескольких лет обучения в славяно-латинской школе был послан в 1714 г. в Голландию для пополнения образования. Из этого можно заключить, что он родился тогда, когда Колтовские и другие дворяне подавали свои росписи в Палату родословных дел, и что не он сам, а кто-

²³ Л. М. Савелов. Материалы для истории дворян Савеловых, т. I. М., 1894, стр. 7.

²⁴ Там же, стр. 8.

²⁵ ЖМНП, 1903, № 4, стр. 394.

либо из Хрущевых, быть может его отец, в 1686—1687 гг. принимал участие в фальсификации Степенной книги. Но если А. Ф. Хрущев в 1686 г. еще не породнился с Колтовскими, то высказанное предположение тем не менее вполне вероятно, так как у этих двух фамилий были старинные связи по службе и вотчинам в Коломне и Кашире.

Родовым гнездом Колтовских, от которого они получили свою фамилию, был старинный Колтеск на Оке, который упоминается в летописях в XI в. как город чернигово-северных князей. Позже Колтеск, или Колтовск, принадлежал рязанским князьям, а в Московском государстве село Колтово (ныне Колтовское) входило в состав Каширского уезда. В XVI в. Колтовск запустел. Размножившиеся Колтовские расселились в других частях Каширского уезда, а несколько человек попало на поместья в соседний с Каширой Коломенский уезд. По-видимому, Кашира же была родиной Хрущевых. Их род, сильно размножившийся еще в XVI в., разбился на несколько ветвей, поселившихся в Кашире и Туле.

Многолетними служебными и бытовыми связями Колтовских и Хрущевых, очевидно, объясняется то, что в конце XVII в. они совместно собирали материалы и составляли поколенные росписи, и если первая вставка в Степенную книгу была сфабрикована Колтовскими, то вторая должна была подтвердить поколенную роспись Хрущевых.

Текст первой вставки напечатан полностью в статье П. Г. Васенко. Содержанием ее является известный из летописей рассказ о выдаче дочери вел. кн. Ивана III Елены замуж за вел. кн. Литовского Александра, об отправлении ее в Литву с большой свитой и о принуждении ее принять католическую веру. Приемы фальсификации очень просты: имена некоторых лиц, которые упоминаются в летописях по этому случаю, заменены именами предков Колтовских, а весь рассказ украшен самым грубым образом различными вымышленными подробностями и изложен весьма наивным языком конца XVII в. Родоначальнику Колтовских, Ивану Андреевичу Чевкину Дурного, приписана незаслуженно значительная роль в этом эпизоде, прославляется его смерть в Литве «за веру», и кончается рассказ заявлением, что его сын Михаил был пожалован за смерть отца «волостью в Кашире» и «иными различными милостями» (!), причем будто бы великий князь утешал Михаила Колтовского (!) и говорил: «Мне вашего горше, яко дщерь свою погубил, вам же аз мздовоздам (!) за смерть отцов ваших» и т. д.²⁶

Васенко тщательно проанализировал интерполяцию и пришел к следующему выводу: «Весьма вероятно, что сам Сем. Сем. Колтовский повинен в сочинении разбираемой вставки; во всяком случае она сделана в интересах возвеличения рода Колтовских. Изучение этой вставки показало нам и тенденциозность ее автора, и

²⁶ ЖМНП, 1903, № 4, стр. 391.

бесцеремонное отношение его к своим источникам, и большую склонность к смелым домыслам»²⁷.

Заслуживают внимания читателей некоторые фактические подробности, на основе которых Колтовские сочинили свою легенду о мученической смерти их предка в Литве.

По указу 1682 г. о новой родословной книге представители фамилий, записанных в Государеве родословце, должны были подавать сведения о пополнении своих родов лицами, родившимися после [составления] Государева родословца. Бархатная книга добросовестно отмечает эти пополнения; воспроизводя текст Государева родословца, она неизменно прибавляет: «да ныне по росписи... пополнено». Это подало повод представителям многих дворянских фамилий причисляться к родословной знати Государева родословца и вызвало много споров. Знатные и сильные отрасли старых родов проявляли тенденцию отмежеваться от своих захудалых сородичей, с которыми они давно утратили, как тогда говорили, «родственное согласие».

Так, попытка смоленских Самариных причислиться к роду Квашниных вызвала протест со стороны московских Квашниных и Самариных. По указу 9 февраля 1687 г. было «велено смоленским князьям против причинных родословных росписей, которые поданы, причитаясь к Смоленскому княженью, не против родословные книги, дать сказки — Вяземские князи, да Полевы, да Яropicины, да Татищевы от смоленских ли князей пошли?»²⁸. Представителем смоленских князей выступил кн. Василий Васильевич Кропоткин, который подверг беспощадной и во многом весьма основательной критике росписи указанных фамилий.

Однако Палата родословных дел по своей инициативе не производила генеалогических изысканий, и если росписи — пополнения не вызвали протеста, то она весьма снисходительно и неразборчиво принимала их. Таким образом, в Бархатную книгу попало несколько дворянских родов, неосновательно «примазавшихся» к фамилиям Государева родословца. Употребленные при этом приемы иногда очень наивны и грубы. Например, в Государеве родословце был записан род кн. Дмитрия Ивановича Галицкого, которого вел. кн. Дмитрий Донской согнал в 1363 г. с удела и лишил княжеского звания. От него пошли нетитулованные фамилии Осининых, Ивиных и Березиных, настолько захудавшие, что в XVII в. никто из этих фамилий не служил в дворянах. В роде Осининых, между прочим, был Ляпун Осинин, который в 1528 г. был в посольстве к римскому цесарю, а позже был боярином новгородского владыки Пимена. Этого прозвища одного из Осининых было достаточно для известных в истории рязанцев Ляпуновых, чтобы причислиться к роду кн. Дмитрия Галицкого.

²⁷ ЖМНП, 1903, № 4, стр. 394.

²⁸ ЦГАДА, родословец из собрания кн. Оболенского, ф. 201, д. 17, л. 284.

Для подобных генеалогических обманов род Сорокоумовых Глебовых был очень удобен. Дело в том, что род легендарного Редеди (в летописях — касожский князь Редедя) еще в XIV в. разделился на три ветви: Белеутовых, Добрыньских и Глебовых, а последние в свою очередь в XV в. сильно размножились, и при составлении Государева родословца многие представители рода не подали своих росписей, а в частных родословцах они показаны были без потомства, но не было сказано, что они были бездетными.

Таким образом, к роду Глебовых причислились Лопухины, Лаптевы, Лупандины, Астафьевы, Дурново и Колтовские. Позже к тому же роду стали причисляться и рязанцы Цевкины. Для нашей темы нет надобности производить расследование, насколько основательно указанные фамилии причислялись к роду Глебовых. Ценные замечания по этому вопросу интересующийся может найти у Лихачева в его работе, указанной выше. Лихачев заметил мимоходом, что родословие Колтовских вызывает сомнения, но для нашей темы стоит сообщить по этому вопросу некоторые подробности.

В частных родословцах Колтовские нашли Ивана Андреевича Дурного Чевкина Глебова, который «пошел в Литву с великою княжною», т. е. был в свите вел. кн. Елены, выданной в 1495 г. замуж за вел. кн. Литовского Александра. В Бархатной книге о нем сказано: «Отдан в Литву в приданые»²⁹. У Ивана Дурного в Государеве и частных родословцах показан без потомства сын Михаил, служивший кн. Василию Шемячичу и имевший поместье в Стародубе Северском, в уделе Шемячича. Этого Михаила Колтовские показали своим родоначальником³⁰.

В дошедших до нас списках свиты вел. кн. Елены Ивана Андреевича Глебова нет³¹, но Колтовские взяли из старых родословцев сообщение о том, что он «пошел в Литву с великою княжною», сопоставили его с летописным рассказом о принуждении вел. кн. Елены принять католичество и от себя прибавили цветистый рассказ о смерти «за веру» в Литве Ивана Андреевича и о пожаловании его сына Михаила вотчиной в Кашире и «иными различными милостями». С хронологической точки зрения это показание было весьма сомнительным. По летописям, Федор Михайлович Колтовский в 1492 г. по приказанию вел. кн. Ивана III был послан в погоню за татарами, «пограбившими» Алекси, нагнал татар и разбил их на Тихой Сосне³².

Затем он упоминается в частных разрядах в 1515 г. Его брат Григорий Истома упоминается в разрядах как голова в городе Рязани в 1537 г. Ясно, что жизнь Михаила Колтовского следует

²⁹ «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XI, отд. I, СПб., 1903, стр. 83.

³⁰ Там же, стр. 94.

³¹ Сб. РИО, т. 35, стр. 163—164.

³² ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 357.

относится ко второй половине XV в., т. е. лет на 50 ранее того Михаила Ивановича Дурного, которого Колтовские показали своим родоначальником.

Само собой разумеется, что дьяки Палаты родословных дел не считали своим долгом производить подобные мелочные исследования; возражений со стороны других фамилий, вероятно, не было, и свидетельство «Гранографа» С. С. Колтовского было признано достаточно «явным» и убедительным. Так Колтовским удалось причислиться к родословным фамилиям Государева родословца и попасть в Бархатную книгу. Можно довольно точно определить время, когда это произошло: по справке Разряда, на 25 января 1686 г. в Палату было подано всего 96 росписей. Колтовских и Хрущевых в списке подавших росписи не значится, а в конце 1687 г. обновление Государева родословца было уже закончено. К 1686—1687 гг. и относится фальсификация Хрущевской Степенной книги.

Хрущевы занимали в дворянской среде место значительно ниже Колтовских. По актам они становятся известными только с середины XVI в., а в «честях и знатных посылках» они появляются только в конце века. Будучи старым родом, Хрущевы уже в XVI в. сильно размножились. Подача поколенных росписей в Палату родословных дел застала их совершенно неподготовленными к составлению полной и достоверной поколенной росписи.

Составленное в конце XVII в. родословие Хрущевых свидетельствует о том, что у них, как у людей «малопородных», не велось в роду записей, на основе которых можно было бы составить удовлетворительную и достаточно полную поколенную роспись. У тульских Хрущевых для XVII в. оказалось достаточное количество материалов, но для XVI в. у них были случайные сведения, а каширской ветви рода они не знали. Располагая недостаточными материалами, Хрущевы поступили так, как это делали другие дворяне новой выслуги: они, во-первых, сочинили легенду о выезде их родоначальника из-за рубежа (из Чехии и Польши), а затем собрали сохранившиеся у них акты и нанизали собранные ими имена в поколенную роспись. При этом они использовали некоторые правительственные источники, как, например, Тысячную книгу 1550 г. и старые разряды, которые в большом количестве списков обращались в среде служилого дворянства.

Таким образом, в росписи Хрущевых с первых же колен началась путаница. Например, в третьем колене показан [Лука Петрович] Казарин (№ 13), а его родные братья помещены в четвертое колено³³. Первые колена росписи воспроизводят роспись, поданную Хрущевым в конце XVII в. Соответственно с этим в росписи

³³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, СПб., 1887, стр. 613, 615.

в следующих коленах все лица оказались перепутанными, а множество лиц совсем не попало в роспись.

Не входя в несущественные для нашей темы подробности, отмечу две детали. В третьем колене (№ 10) показан [Евстафий (Астафий)] Степанович [Адаш], пожалованный в 1550 г. поместьем под Москвой. Это показание подтверждается Тысячной книгой. Не подал ли Хрущевым этот тысячник Адаш идею вплести в свою фальсификацию Алексея Адашева? Интереснее вторая деталь. Во втором колене показан Лука Иванович, дядя тысячника Адаша, который по источникам пока нам неизвестен. В качестве «свидетельства» о Луке Ивановиче роспись Хрущевых ссылается на подложные разряды несбывавшихся походов, будто бы в 1543 г. он был головой в Чернигове, а в 1550 г. — воеводой в полоцком походе (!). Затем роспись прибавляет, что в 1547 г. Лука Иванович «записал речь Иоанна Грозного» с Лобного места к народу, которая оканчивается обращением к Алексею Адашеву: «Алексей, взял я тебя из нищих»³⁴. Сочинив это наивное «свидетельство», Хрущевы не нашли нужным пояснить, по своей ли инициативе Лука Иванович «записал» речь Грозного или он сделал это по своему служебному положению. На наш взгляд, это свидетельство может показаться верхом наивности, но разве многочисленные легенды о выездах знатных иноземцев, сочиненные в это же время, не были рассчитаны на легковерие дворянской массы того времени?

После приведенных справок становится совершенно ясным, что Лука Иванович не записывал речей Грозного и что этот «прославленный», по выражению С. Ф. Платонова, памятник слова Московской Руси есть не что иное, как генеалогическая фальшивка Хрущевых, одна из многочисленных подделок, порожденных указом о составлении после отмены местничества новой родословной книги.

П. Г. Васенко употребил много труда для выяснения источников Хрущевской подделки. Мне представляется, что она заслуживает внимания только с точки зрения возможного употребления Хрущевыми таких источников, которые до нас не дошли. Были ли у них такие источники и откуда они взяли сообщение о состоявшемся в 1550 г. Земском соборе и о выступлении молодого царя на соборе с речами?

По вопросу о Земском соборе проф. М. А. Дьяконов писал: «Это известие, заимствованное из Хрущевской Степенной книги, считалось первым хронологическим указанием на созвание первого Земского собора. Немалые усилия исследователей направлены были на то, чтобы выяснить причины, вызвавшие к жизни эту новую форму общения власти с населением страны в указанное время. К. Аксаков и Беляев, с одной стороны, Соловьев и Чичерин — с другой; Павлов, Щапов, Сергеевич, В.-Буданов, Загоскин,

³⁴ Там же, стр. 613.

Жданов, Дитятин, Латкин и др. исходили из упомянутого факта и строили на нем свои догадки»³⁵.

Действительно, подделка Хрущевых доставила нашим ученым много хлопот. И весьма поучительно, что палеографическое обследование памятника, произведенное С. Ф. Платоновым и П. Г. Васенко, потребовало сравнительно очень немного труда, чтобы упразднить все ранние догадки и сделать ненужным дальнейшее исследование содержания памятника. Чтобы дополнить работы Платонова и Васенко и поставить на всем вопросе точку, мне кажется достаточным высказать несколько замечаний об известии о Земском соборе 1550 г.

С. Ф. Платонов указал в общих выражениях, а П. Г. Васенко более подробно доказал, что источниками Хрущевской подделки были «Деяния» так называемого Стоглавого собора и «Послание» Ивана Грозного к Курбскому. Васенко высказывает также предположение, что авторам подделки были известны епископии Курбского к царю и, может быть, его «История о великом князе Московском».

По поводу «Деяний» Стоглавого собора следует напомнить, что в подлиннике они до нас не дошли, а что церковный собор 1551 г. получил название Стоглавого, упрочившееся за ним в историографии, много позже, когда переработанные в церковных кругах подлинники были разделены на 100 глав. Древнейший, пока известный, список относится к 1595 г. В XVII в. «Деяния» собора подвергались дальнейшим переделкам, в некоторых отношениях, несомненно, тенденциозным в зависимости от различных течений в жизни русской церкви. Дело в том, что на соборе 1551 г. столкнулись два направления русской церковной жизни — противников церковного и монастырского землевладения, так называемых нестяжателей, и носифляни. Митрополит Макарий сочувствовал нестяжателям, но должен был считаться с тем, что большинство на соборе было за носифлянами. Этим объясняется то, что некоторые очень существенные постановления собора, например постановление о запрещении церкви и монастырям приобретать впрямь земли, в ближайшие годы были сведены на нет. Обе стороны, т. е. нестяжатели и носифляне, стремились в борьбе использовать авторитет царской власти и вовлекали в свою борьбу молодого царя, облекая свои решения в форму «царских вопросов и ответов». Известно также, что на церковных соборах 1547, 1549 и 1551 гг. принимали участие, по приглашению организаторов, и миряне — князья, бояре и вообще «богобоязненные» люди, которых устроители соборов находили полезным привлечь к обсуждению многих вопросов устройства церкви.

Хрущевы, конечно, знали хорошо, что в их время цари на земских соборах никогда не выступали и речей не произносили, что

³⁵ М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912, стр. 420.

представительство на соборах было организовано по чинам, московским и ото всех городов выборным. Эти знакомые им понятия о земских соборах Хрущевы связали с тем, что они вычитали в «Деяниях» Стоглавого собора, церковного, а не земского, о высту­плениях Ивана Грозного на соборе 1551 г., и на этой основе сочинили свое «Воззвание» царя к народу на Лобном месте.

П. Г. Васенко хорошо отметил противоречие тона в речах Ивана Грозного. Первая часть «Воззвания», или «Речей», Ивана, обращенная к митрополиту и заимствованная из «Деяний» церковного собора, выдержана в спокойном тоне и изложена языком памятников церковной письменности. Полную противоположность первой части представляет вторая часть, первая, гневная и грозная по адресу боярства. И общий тон, и отдельные выражения этой части заимствованы авторами «Воззвания» из «Послания» Ивана Грозного к Курбскому. Например, в «Послании» Иван писал, что он взял Алексея Адашева «от ниюнца», из «батожинок», т. е. из числа тех беспоместных детишек боярских, которые с батогами в руках «доправляли», взыскивали деньги с лиц, поставленных на правеж. «Воззвание», сочиненное Хрущевыми, говорит: «Взял я тебя от нищих и от самых молодых людей»³⁶.

Хрущевым, конечно, было неизвестно, что Адашевы происходили из старого и весьма зажиточного рода костромских вотчинников Ольговых, что отец Алексея Адашева был окольниковичем, что сам Алексей был пожалован в окольниковиче не в 1550 г., а через три года после этого и что Иван Грозный, отделившись в 1560 г. от опеки Алексея Адашева, говорил о нем с презрением и с присущей ему склонностью к гиперболам. Дело в том, что «Послание» к Курбскому было написано Иваном лет через 15 после 1550 г., когда столкновения царя с боярами и дворянами достигли такой степени, что дело дошло до учреждения опричнины. Хрущевы как люди ратные, плохо знакомые с историей и неопытные в деле сочинительства, использовали «Послание» Грозного, не замечая хронологических несообразностей своей компиляции. Но несправедливо было бы требовать от Хрущевых способности относиться критически к источникам, когда этого качества иногда не хватает историкам.

Подведем теперь итоги и сделаем некоторые выводы.

Интерполяции Хрущевской Степенной книги сделаны не с общим намерением возвеличить род Колтовских, а с определенными генеалогическими целями — для обоснования поколенных росписей, поданных ими около 1686—1687 гг. в Палату родословных дел для внесения их рода в новую родословную книгу, составление которой было предпринято после отмены местничества. Источни-

³⁶ СГГД, т. II, стр. 45.

ками первой интерполяции были Степенная книга и, может быть, какой-нибудь летописец. Источниками «Речей» Ивана Грозного (второй интерполяции) были так называемый Стоглавник, т. е. «Деяния» церковного собора 1551 г. в позднейших переделках; «Послание» Ивана Грозного к Курбскому и, может быть, епископии Курбского к царю. Предполагать наличие у Хрущевых каких-либо других источников о Земском соборе 1550 г. нет оснований. Таким образом, «Воззвание» Ивана Грозного к народу и все сообщение о Земском соборе 1550 г. следует рассматривать как вымысел Хрущевых, не имеющий никакой исторической цены.

ИНТЕРПОЛЯЦИИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ О БОЛЕЗНИ ЦАРЯ ИВАНА 1553 г. *

В статье «Последние уделы в Северо-Восточной Руси» мне пришлось в рассказе о ликвидации Старицкого удела коснуться вопроса о тенденциозности приписок к Царственной книге о болезни царя Ивана в 1553 г. Со времени Карамзина у историков вошло в обычай отводить большое место рассказу об этом эпизоде из жизни Ивана Грозного и делать весьма многозначительные выводы. «Между тем, — писал я, — весь рассказ и все эти суждения основывались на одном источнике — приписках к так называемой Царственной книге», а «внимательное исследование этого источника показывает, что все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом, позднего происхождения; они сделаны лет восемнадцать — двадцать спустя после болезни царя в 1553 г. при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией — оправдать царя в казни старшцких князей в 1569 г.»¹

Сделав это замечание, я обещал посвятить особую статью вопросу об участии царя в редактировании Царственной книги.

Статья об уделах была уже в типографии, когда я узнал в редакции «Исторических записок», что в портфеле редакции находится и выйдет в одном из ближайших номеров исследование Д. Н. Альшица на тему об участии Ивана Грозного в редактировании летописного лицевого свода его времени. В ожидании выхода в свет работы Д. Н. Альшица я отложил оформление своих наблюдений над Царственной книгой, а теперь, когда исследование Альшица вышло в 23-м томе «Исторических записок», я решаюсь поделиться своими наблюдениями и соображениями по указанному вопросу, заранее оговорившись, что я принимаю и считаю вполне убедительно обоснованными почти все выводы Д. Н. Альшица.

¹ «Исторические записки», т. 22, стр. 106.